

ОСКАРЪ УАЙЛЬДЪ

★ ПОЛНОЕ ★
★ СОБРАНИЕ ★
★ СОЧИНЕНИЙ ★

★ ТОМЪ IV ★
★ КНИГА 8 ★

ИЗД. ТВА. А. Ф. МАРКСЪ. СПБ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ОСКАРА УАЙЛЬДА

СЪ КРИТИКО - БИОГРАФИЧЕСКИМЪ
ОЧЕРКОМЪ И ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
К. И. ЧУКОВСКАГО

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1912 г.

ИЗДАНИЕ Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1).

С Ф И Н К С Ъ.

Переводъ Н. Гумилева.

Въ глухомъ углу, сквозь мракъ неясный
Угрюмой комнаты моей,
Слѣдитъ за мной такъ много дней
Сфинксъ молчаливый и прекрасный.

Не шевелится, не встаетъ,
Недвижный, неприкосновенный,
Ему ничто—луны измѣнной
И солнцъ вращающихся ходъ.

Глубь сѣрую смѣняя красной,
Лучи луны придуть, уйдуть,
Но онъ и ночью будетъ тутъ,
И утромъ гнать его напрасно.

Заря смѣняется зарей,
И старше дѣлаются ночи,
А эта кошка смотритъ,—очи
Каймой обвиты золотой.

Она лежитъ на матъ пестромъ
И смотритъ пристально на всѣхъ,
На смуглой шеѣ вьется мѣхъ,
Къ ея ушамъ струится остримъ.

Ну что же, выступи теперь
Впередъ, мой сенешаль 2) чудесный!

1) Въ собраніи сочиненій Оскара Уайльда печатаются впервые.

2) Сенешалемъ назывался во Франціи высшій придворный чиновникъ, завѣдывавшій внутреннимъ порядкомъ двора.

Впередъ, впередъ, гротескъ прелестный,
Полу-жена и полу-звѣрь.

Сфинксъ восхитительный и томный,
Иди, у ногъ моихъ ложись,
Я буду гладить, точно рысь —
Твой мѣхъ пятнистый, мягкій, темный.

И я коснусь твоихъ когтей,
И я сожму твой хвостъ проворный,
Что обвился, какъ Аспидъ ¹⁾ черный,
Вкругъ лапы бархатной твоей.

Столѣтій счетъ тебѣ былъ велѣнь,
Межъ тѣмъ какъ я едва видалъ,
Какъ двадцать разъ мой садъ мѣнялъ
На золотыя ризы зелень.

Но предъ тобою обелискъ
Открылъ свои іероглифы,
Съ тобой играли гиппогрифы ²⁾
И велъ бесѣды василискъ ³⁾.

Видала ль ты, какъ, безпокоясь,
Изида къ Озирису ⁴⁾ шла?
Какъ Египтянка ⁵⁾ сорвала
Передъ Антоніемъ свой поясъ—

И жемчугъ выпила, на столъ
Въ притворномъ ужасѣ склоняясь,
Пока проконсулъ, насыщаясь
Соленой скумброй, пилъ разсолъ?

И какъ оплаканъ Афродитой
Былъ Адониса ⁶⁾ катафалкъ?
Велъ не тебя ли Аменалкъ ⁷⁾,
Богъ, въ Геліонолискѣ скрытый?

¹⁾ Аспидъ—змѣя.

²⁾ Гиппогрифы—фантастическія существа: наполовину лошади, наполовину птицы.

³⁾ Василискъ—фантастическій звѣрь, убивающій своимъ взглядомъ.

⁴⁾ Египетскіе боги. Изида считалась женой Озириса.

⁵⁾ Египтянкой поэтъ называетъ царицу Клеопатру.

⁶⁾ Богиня Афродита была влюблена въ прекраснаго греческаго юношу Адониса, который былъ убитъ вепремъ.

⁷⁾ Аменалкъ—египетское божество, культу которого былъ посвященъ городъ близъ Каира, Геліополисъ.

Ты знала ль Тота ¹⁾ грозный видъ,
Плачь Io ²⁾ у зеленыхъ склоновъ,
Покрытыхъ краской фараоновъ
Во тѣмъ высокихъ пирамидъ?

Что жь, устремляя глазъ сіянье
Атласное въ окрестный мракъ,
Иди, у ногъ моихъ прилягъ
И пой свои воспоминанья,
Какъ со Святымъ Младенцемъ шла
Съ равнины Дѣва назаретской;
Вѣдь ты хранила сонъ ихъ дѣтскій
И по пустынямъ ихъ вела.

Пой мнѣ о вечерѣ багряномъ,
Томъ душномъ вечерѣ, когда
Смѣхъ Антиноя, какъ вода,
Звенѣлъ въ ладѣ предъ Адрианомъ ³⁾.

А ты была тогда одна
И такъ достать его хотѣла,
Раба, чей красенъ ротъ, а тѣло —
Слоновой кости бѣлизна.

О Лабиринтѣ, гдѣ упрямо
Быкъ угрожалъ изъ темноты ⁴⁾;
О ночи, какъ пробралась ты
Черезъ гранитный плинтусъ храма,
Когда сквозь пышный коридоръ
Летѣлъ багровый Ибисъ съ крикомъ ⁵⁾
И темный потъ стекалъ по ликамъ
Поющихъ въ страхѣ Мандрагоръ ⁶⁾,

¹⁾ Египетское божество. Его изображали въ видѣ павіана.

²⁾ Нимфа Io, въ которую былъ влюбленъ Зевсъ и которую Гера изъ ревности превратила въ телку.

³⁾ Антиной—исключительной красоты юноша, рабъ и другъ императора Адриана. Онъ утопился въ Нилѣ, чтобы доказать свою любовь императору.

⁴⁾ Минотавръ—полубыкъ, получеловѣкъ, жившій въ Лабиринтѣ на островѣ Критѣ и пожиравшій людей.

⁵⁾ Ибисъ—птица съ краснымъ опереньемъ, считавшаяся у египтянъ священной.

⁶⁾ Мандрагоры—растенія, попадающіяся по берегамъ восточной части Средиземного моря. Ихъ корни по виду чрезвычайно похожи на человѣка, и, когда ихъ вырываютъ, они издаютъ звукъ, похожій на человѣческой крикъ. Съ этимъ растеніемъ связывались многочисленныя повѣрья.

И плакаль въ вязкомъ водоемѣ
Огромный, сонный крокодилъ
И, сбросивъ ожерелья, въ Ниль
Вернулся въ тягостной истомѣ.

Не внемля жреческимъ псалмамъ,
Ихъ змѣя смѣла ты похитить
И ускользнуть, и страсть насытить
У содрогающихся пальмъ.

Твои любовники... за счастье
Владѣть тобой дрались они?
Кто проводилъ съ тобой всѣ дни?
Кто былъ сосудомъ сладострастья?

Передъ тобою въ тростникахъ
Гигантскій Ящеръ пресмыкался,
Иль на тебя, какъ вихрь, бросался
Гриффонъ съ металломъ на бокахъ 1)?

Иль брелъ къ тебѣ неумолимый
Гиппопотамъ, открывши пасть,
Или въ Драконахъ пѣла страсть,
Когда ты проходила мимо?

Иль изъ разрушенныхъ гробовъ
Химера 2) выбѣжала въ гнѣвѣ,
Чтобы въ твоёмъ несытомъ чревѣ
Зачать чудовищъ и боговъ?

Иль были у тебя ночами
Желанья тайныя, и въ плѣнъ
Заманивала ты сирень
И нимфъ съ хрустальными плечами?

Иль ты бѣжала въ плѣнъ водъ
Къ Сидонцу смуглому, заранѣ
Услышать о Левіаеанѣ,
О томъ, что близокъ Бегемотъ 3)?

1) Гриффонъ—фантастическій звѣрь съ птичьей головой и крыльями.

2) Химера—миеологическое чудовище съ головой льва, туловищемъ козы и хвостомъ дракона, изрыгавшее изъ пасти огонь.

3) Сидонцы славилась искусствомъ волхвованья. Левіаеанъ и Бегемотъ—миеологическія чудовища огромныхъ размѣровъ. Первый—олицетвореніе стихіи моря, второй—стихіи земли.

Иль ты, когда ужъ солнце сѣло,
Прокрадывалась въ мракъ трущобъ,
Гдѣ бѣ отдалъ ласкамъ Эѳіопъ
Свое агатовое тѣло?

Иль ты въ тотъ часъ, когда плоты
Стремятся внизъ по Нилу тише,
Когда полеть летучей мыши
Чуть виденъ въ морѣ темноты,

Ползла по краю загражденья,
Переплывала рѣку, въ склепъ
Входила, дѣлала вертепъ
Изъ пирамиды, царства тлѣнья,

Пока, покорствуя судьбѣ,
Вставалъ мертвецъ изъ саркофага?
Иль ты манила Трагелага ¹⁾
Прекраснорогаго къ себѣ?

Иль влекъ тебя богъ мухъ, грозящій
Евреямъ богъ, который былъ
Виномъ обрызганъ? Иль берилль,
Въ глазахъ богини Паштъ ²⁾ горящій?

Иль влюбчивый, какъ голубокъ
Астарты ³⁾, юный богъ тирійскій?
Скажи, не богъ ли ассирійскій
Владѣть тобой хотѣлъ и могъ?

Чьи крылья вились надъ безстрастнымъ,
Какъ бы у ястреба, челомъ
И отливали серебромъ,
А кое-гдѣ горѣли краснымъ?

Иль Аписъ ⁴⁾ несъ къ твоимъ ногамъ,
Свернувъ съ назначенныхъ тропинокъ,
Медово-золотыхъ кувшинокъ
Медово-сладкій ѳиміамъ?

¹⁾ Трагеласъ—египетское божество, обыкновенно изображаемое съ рогами.

²⁾ Египетская богиня Паштъ изображалась съ бериллами, вставленными вмѣсто глазъ.

³⁾ Астарта—ассирійская богиня любви.

⁴⁾ Аписъ—священный быкъ въ Египтѣ.

Какъ! ты смѣешься! Не любила,
Скажи, ты никого досель?
Нѣтъ, знаю я, Аммонъ ¹⁾ постель
Дѣлилъ съ тобою возлѣ Нила.

Его слыша въ тьмѣ ночной,
Рѣчные кони ржали въ тинѣ,
Онъ пахнулъ гальбаномъ пустыни,
Мидійскимъ нардомъ и смолой.

Какъ оснащенная галера,
Онъ шель вдоль берега рѣки,
И волны дѣлались легки,
И сумракъ прятала пещера.

Такъ онъ пришелъ къ долинѣ той,
Гдѣ ты лежала рядъ столѣтій,
И долго ждалъ, а на разсвѣтѣ
Агатъ грудей нажалъ рукой.

И сталъ твоимъ онъ, богъ двурогій,
Уста устами ты сожгла,
Ты тайнымъ именемъ звала
Его и съ нимъ была въ чертогѣ.

Шептала ты ушамъ царя
Чудовищныя прорицанья,
Чудовищныя волхвованья
Въ крови тельцовъ и козь творя.

Да, ты была женой Аммона
Въ той спальнѣ, словно дымный Ниль,
Встрѣчая страсти дикій пылъ
Улыбкой древней, нѣгой стона.

Онъ масломъ умачалъ волну
Бровей, и мраморные члены
Пугали солнце, точно стѣны,
И блѣдной дѣлали луну.

Спускались волосы до стана,
Желтѣй тѣхъ рѣдкостныхъ камней,
Что подъ одеждою своей
Несутъ купцы изъ Курдистана ²⁾.

¹⁾ Аммонъ—верховное ассирійское божество.

²⁾ Курдистанъ—страна, граничащая съ Арменіей.

Лицо пвѣло, какъ мустъ вина,
Недавно сдѣланнаго въ чанахъ,
Синѣ влаги въ океанахъ
Синѣла взоровъ глубина.

А шея, плечи, на которыхъ
Сѣтъ жилъ казалась голубой,
И жемчугъ искрился росой
На шелковыхъ его уборахъ.

Поставленный на пьедесталь,
Онъ весь горѣлъ,—и слѣпъ глядящій,
Затѣмъ, что изумрудъ горящій
На мраморной груди сиялъ,

Тотъ страшный камень, полнолуние
Въ себѣ сокрывшій (водолазъ,
Найдя его въ Колхидѣ ¹⁾, разъ
Колхидской подарилъ колдунѣ).

Бѣжали на его пути
Увѣнчанные корибанты ²⁾,
Суровые слоны-гиганты
Склонялись, чтобъ его везти.

Нубійцы смуглые рядами
Несли носилки, чтобъ онъ могъ
Смотрѣть въ просторъ большихъ дорогъ
Подъ радужными вѣрами.

Ему янтарь и стеатитъ
Стремилъ корабль, хитро раскрашень,
Его ничтожнѣйшія чаши
Нѣжнѣйшій были хризолитъ.

Ему везли ларпы изъ кедра
Съ одеждой пышною купцы,
Носили шлейфъ за нимъ жрецы,
Имъ принцы одарялись щедро.

Пятьсотъ жрецовъ хранили дверь,
Пятьсотъ другихъ молились, стоя,
Предъ алтаремъ его покоя
Гранитнаго,—и вотъ, теперь

¹⁾ Колхида—древнее названіе Закавказья.

²⁾ Корибанты—миоическіе предшественники жрецовъ Гибеллы, въ священномъ безуміи съ пѣніемъ и плясками отправившіеся на служеніе богинѣ.

Ехидны ползають открыто
Среди поверженныхъ колоннъ,
А домъ разрушенъ, и склоненъ
Надменный мраморъ монолита.

Онагръ приходитъ и шакаль—
Дремать въ разрушенныхъ воротахъ,
Сатиры самокъ ищутъ въ гротахъ,
Звеня въ зазубренный цимбаль

И тихо на высокой крышѣ
Мартышка Горура ¹⁾ средь мглы
Бормочеть, слыша, какъ стволы
Растуть, сквозь мраморъ, выше, выше.

А богъ разбросанъ здѣсь и тамъ:
Я видѣлъ каменную руку,
Все сжатую еще, на муку
Сыпучимъ данную пескамъ.

И часто, часто передъ нею
Дрожала гордыхъ негровъ рать
И тщетно думала поднять
Неслыханно большую шею.

И бородатый бедуинъ,
Бурнусъ откидывая пестрый,
Глядитъ часы на профиль острый
Того, кто былъ твой паладинъ.

Иди, ищи обломки бога,
Омой ихъ вечеромъ въ росѣ,
Одинъ съ однимъ, сложи ихъ всѣ
И призывай ихъ къ жизни строго.

Иди, ищи ихъ, гдѣ они
Лежать, составъ изъ нихъ Аммона
И въ исковерканное лоно
Безумье прежнее вдохни.

Дразни словами потайными;
Тебя любилъ онъ, доброй будь!
Возлей на кудри нарды, а грудь
Обвей полотнами тугими.

¹⁾ Горуръ—египетскій богъ, сынъ Изиды, усыновленный Озирисомъ; національный богъ-покровитель; изображался съ головой истреба.

Вложи въ ладони царскій жезлъ
И выкрась губы сокомъ ягодъ,
Пусть ткани пурпурныя лягутъ
Вокругъ его бесплодныхъ чреслъ.

Въ Египетъ! Не страшна утрата!
Одинъ лишь Богъ сходилъ во тьму,
Пронзило бокъ лишь одному
Копье суроваго солдата.

А эти? Нѣтъ, они живутъ!
Анубисъ ¹⁾ все сидитъ въ воротахъ,
Набралъ онъ лотосовъ въ болотахъ,
Они хребетъ твой обовьютъ.

И, на порфирное ложе
Облокотясь, глядитъ Мемнонъ ²⁾;
И каждымъ желтымъ утромъ онъ
Тебѣ поетъ одно и то же.

Нилъ ³⁾ съ рогомъ сломаннымъ все ждетъ
Въ постели тинистой, во мракѣ,
И на засохнувшіе злаки
Не разливаетъ мутныхъ водъ.

Никто изъ нихъ не умеръ; быстро
Сбѣгутся всѣ они, любя,
И будутъ цѣловать тебя
Подъ звонъ тимпана или систра.

Поставь же парусъ у ладьи,
Коней—у черной колесницы,
А если древнія гробницы
Уже скучны тебѣ, иди

По слѣду льва, къ его вертепамъ,
Поймай его средь дикихъ скалъ
И умолай, чтобы онъ сталъ
Твоимъ любовникомъ свирѣпымъ.

Съ нимъ рядомъ лягъ у тростника
И укуси укусомъ змѣя,

¹⁾ Анубисъ—египетскій богъ съ собачьей головой.

²⁾ Мемнонъ—мифологическое лицо, сынъ Зари и Тифона, царь эѳіоповъ. Въ Эивахъ существуютъ два его огромныя изваянія, изъ которыхъ одно издавало на разсвѣтѣ звукъ, похожій на звукъ разрываемой струны.

³⁾ Божество рѣки Нила.

Когда жъ онъ захрипитъ, слабѣя,
Ударъ хвостомъ свои бока.

И тигра вымани изъ грота,
Своимъ супругомъ называй
И на спинѣ его вѣзжай
Черезъ Фиванскія 1) ворота.

Терзай его въ пылу любви,
А если онъ кусаться будетъ,
Свали его ударомъ груди
И тяжелой лапой раздави.

Зачѣмъ ты медлишь? Прочь отсюда!
Ты мнѣ ужасна съ давнихъ поръ,
Меня томитъ твой долгій взоръ,
О, вѣчно-дремлющее чудо.

Ты задуваешь свѣтъ свѣчей
Своимъ дыханіемъ протяжнымъ,
И лобъ мой дѣлается влажнымъ
Отъ губельной росы ночей.

Твои глаза страшны, какъ луны,
Дрожація на днѣ ручья,
Языкъ твой красенъ, какъ змѣя,
Которую тревожатъ струны.

Твой ротъ, какъ черная дыра,
Что факель или уголь красный
Прожегъ на пестротѣ прекрасной
Месопотамскаго ковра.

Прочь! Небо болѣе не звѣздно.
Луна въ восточныя врата
Спѣшитъ, ея ладья пуста...
Прочь! Или будетъ слишкомъ поздно.

Смотри, заря спугнула тѣнь
Высокихъ башенъ, дождь струями
Вдоль оконъ летится и слезами
Туманный омрачаетъ день.

1) Фивы—городъ въ Египтѣ.

Какая фурия въ весельѣ
Тебя сквозь безпокойный мракъ,
Въ питье царицы всыпавъ макъ,
Въ студенческой забыла кельѣ?

Какой нездѣшній грѣшный духъ
Принесъ мнѣ гибельный подарокъ?
О, если бѣ свѣтъ мой былъ не ярокъ
И не приманивалъ васъ двухъ!

Иль не осталось подѣ луною
Проклятыхъ болѣе, чѣмъ я?
Абаны, Фарфара ¹⁾ струя
Изякла ль, что ты здѣсь, со мною?

О, тайна, мерзкая вдвойнѣ,
Песъ ненавистный, прочь отсюда!
Ты пробуждаешь съ жаждой чуда
Всѣ мысли скотскія во мнѣ.

Ты называешь вѣру нищей,
Ты вносишь чувственность въ мой домъ,
И Аттисъ ²⁾ съ поднятымъ ножомъ
Меня, смущеннаго, былъ чище.

Злой Сфинксъ! Злой Сфинксъ! Уже съ весломъ
Старикъ Харонъ ³⁾ стоитъ въ надеждѣ
И ждетъ, но ты плыви съ нимъ прежде,
А я останусь предѣ крестомъ,

Гдѣ слезы льются незамѣтно
Изъ утомленныхъ скорбью глазъ,
Они оплакиваютъ насъ
И всѣхъ оплакиваютъ тщетно.

1884.

¹⁾ По греческой мифологіи, рѣки въ аду.

²⁾ Аттисъ—фригійское божество; въ него была влюблена мать боговъ Цибелла и изъ ревности сдѣлала его безумнымъ, послѣ чего онъ оскотинилъ себя.

³⁾ Харонъ—перевозчикъ душъ покойниковъ черезъ рѣку Стиксъ въ загробный міръ.

ДОМЪ БЛУДНИЦЫ.

Переводъ Ѳ. Сологуба.

Шумъ пляски слушая ночной,
Стоимъ иодъ ясною луной, —
Блудницы передъ нами домъ.
Das treue liebe Herz гремитъ.
Оркестръ игрою заглушить
Порою грохотъ и содомъ.
Гротески странные скользятъ,
Какъ дивныхъ арабесокъ рядъ, —
Вдоль шторъ бѣжить за тѣнью тѣнь.
Мелькаютъ пары плясуновъ
Подъ звуки скрипки и роговъ,
Какъ листьевъ рой въ ненастный день.
И пляшетъ каждый силуэтъ,
Какъ автоматъ или скелетъ,
Кадриль медлительную тамъ.
И гордо сарабанду вдругъ
Начнутъ, сцѣпясь руками въ кругъ,
И рѣзкій смѣхъ ихъ слышенъ намъ.
Запѣтъ хотятъ они порой.
Порою фантомъ заводной
Обниметъ нѣжно плясуна.
Маріонетка изъ дверей
Бѣжить, покурить иоскорѣй,
Вся какъ живая, но страшна.
И я возлюбленной сказала:
— Пришли покойники на балъ,
И пылъ тамъ вихри завила
Но звуки скрипки были ей
Понятнѣ моихъ рѣчей;
Любовь въ домъ похоти вошла.
Тогда фальшивымъ сталъ мотивъ,
Стихъ вальсъ, танцоровъ утомивъ,
Исчезла цѣпь тѣней ночныхъ.
Какъ дѣва робкая, заря,
Росой сандалии сребра,
Вдоль улицъ крадется пустыхъ.

ДЕКОРАТИВНЫЯ ФАНТАЗИИ.

Панно.

Переводъ М. Кузьмина.

Подъ тѣнью розъ танцующей сокрыта,—
Стоитъ тамъ дѣвушка, прозраченъ ликъ,
И обрываетъ лепестки гвоздикъ
Ногтями гладкими, какъ изъ нефрита.

Листами красными лужокъ весь испещрентъ,
А бѣлые летять, что волоконца,
Вдоль чащи голубой, гдѣ видно солнце,
Какъ сдѣланный изъ золота драконъ

И бѣлые плывутъ, въ эфирѣ тая,
Лѣнливо красные порхаютъ внизъ,
То падая на складки желтыхъ ризъ,
То на косы вороньи упадая.

Изъ амбры лютню дѣвушка беретъ,
Поетъ она о журавлиной стаѣ,
И птица, красной шеею блистая,
Вдругъ крыльями стальными сильно бьетъ.

Сияетъ лютня, дрогнувшая пѣньемъ,
Влюбленный слышитъ дѣву издали,
Глазами длинными, какъ миндали,
Слѣдя съ усладой за ея движеньемъ.

Вотъ сильный крикъ лицо ей исказилъ,
А на глаза хъ дрожать ужъ крошки слезы:
Она не вынесетъ шипа занозы,
Что ранилъ ухо съ сѣтью красныхъ жилъ.

И вотъ опять ужъ весело смѣется:
Упалъ отъ розы лепесточковъ рядъ
Какъ разъ на желтый шелковый нарядъ
И горло вѣжное, гдѣ жилка бьется.

Ногтями гладкими, какъ изъ нефрита,
Все обрывая лепестки гвоздикъ,
Стоитъ тамъ дѣвушка, прозраченъ ликъ,
Подъ тѣнью розъ танцующей сокрыта.

IMPRESSIONS.

I.

Les silhouettes.

Переводъ Потемкина.

Морская зыбь въ полоскахъ сѣрыхъ, —
Унылый вихрь не въ ритмѣ съ ней.
Луна, какъ листъ осеннихъ дней,
Летитъ по вѣтру въ бурныхъ шхерахъ.

На фонѣ блѣднаго песка
Прибрежный челнъ награвированъ,
Въ немъ юнга—весель, чернобровъ онъ, —
Смѣется ротъ, блеститъ рука.

На сѣрыхъ и росистыхъ дюнахъ,
На фонѣ тонкихъ облаковъ,
Какъ силуэты, рядъ жнецовъ
Идетъ обвѣтренныхъ и юныхъ.

II.

La fuite de la lune.

Переводъ Потемкина.

Тутъ слуху нѣту впечатлѣній,
Тутъ только сонъ, и тишь, и лѣнь.
Безмолвно тамъ, гдѣ тлѣетъ тѣнь,
Безмолвно тамъ, гдѣ нѣтъ и тѣни.

Тутъ только эхо хриплый крикъ
У птицы горестной украло.
Она зоветъ подругу. Вяло
Ей вторить берегъ, мглисть и дикъ.

Но вотъ луна свой серпъ убрала
Съ небесъ и въ темное крыльцо
Ушла, накинувъ на лицо
Буали желтой окрывало.

МОГИЛА ШЕЛЛИ ¹⁾.

Переводъ Н. Гумилева.

Какъ факелы вокругъ одра больного,
Рядъ кипарисовъ всталъ у бѣлыхъ плитъ,
Сова какъ бы на тронѣ здѣсь сидитъ,
И блещетъ ящеръ спинкой бирюзовой.

И тамъ, гдѣ въ чашахъ выросъ макъ багровый,
Въ безмолвіи одной изъ пирамидъ,
Навѣрно, Сфинксъ какой-нибудь глядитъ,
На праздникъ усопшихъ стражъ суровый.

Но пусть другіе безмятежно спятъ
Въ землѣ, великой матери покоя,—
Твоя могила лучше во сто кратъ,

Въ пещерѣ синей, съ грохотомъ прибора,
Гдѣ корабли во мракъ погружены
У скалъ подмытой моремъ крутизны.

Римъ.

REQUIESCAT ²⁾.

Переводъ М. Кузмина.

Ступай легко: вѣдь обитаетъ
Она подъ снѣгомъ тамъ.
Шепчи нѣжныѣй: она внимаетъ
Лѣснымъ цвѣтамъ.

Заржавѣла коса золотая,
Потускла, ахъ!
Она—прекрасная, молодая,
Теперь—лишь прахъ.

¹⁾ Англійскій поэтъ Шелли утонулъ 1 іюля 1822 г., катаясь на яхтѣ у береговъ Италіи между Ливорно и Спеціей. Только черезъ нѣсколько дней его трупъ былъ выброшенъ на берегъ и преданъ сожженію друзьями покойнаго.

²⁾ Написано на смерть сестры.

Сочиненія Оскара Уайльда. Т. IV.

Бѣлѣ лиліи блистала,
Росла, любя,
И женщиной едва сознала
Сама себя.

Доска тяжелая и камень
Легли на грудь.
Мнѣ мучить сердце жгучій пламень,—
Ей—отдохнуть.

Миръ, миръ! не долетитъ до слуха
Живой сонетъ.
Зарытому съ ней въ землю глухо
Мнѣ жизни нѣтъ.

МИЛЬТОНУ.

Переводъ Н. Гумилева.

Я думаю, Мильтонъ, твой духъ усталъ.
Бродить у бѣлыхъ скалъ, высокихъ башенъ:
Нашъ вышній міръ, такъ огненно раскрашенъ,
Сталъ пепельнымъ, онъ скученъ сталъ и малъ;

А вѣкъ комедіей притворной сталъ,
Намъ безъ нея нашъ день казался бѣ страшнѣмъ,
И, несмотря на блескъ, на роскошь брашенъ,
Мы годны лишь, чтобъ рыть песчаный валъ,

Коль этотъ островокъ, любимый Богомъ,
Коль Англія, левъ моря, демагогамъ
Тупымъ во власть досталась навсегда.

Ахъ, эта ли страна на самомъ дѣлѣ
Держала три имперіи, когда
О Демократіи пронесся кличъ Кромвеля 1)†

1) Поэтъ Мильтонъ былъ сподвижникомъ Кромвеля.

THEORETIKOS.

Переводъ Н. Гумилева.

Имперія на глиняныхъ ногахъ—
Нашъ островокъ: ему уже не сродно
Теперь все то, что гордо, благородно,
И лавръ его похитилъ нѣкій врагъ;

И не звенить тотъ голосъ на холмахъ,
Что о свободѣ пѣлъ: а ты свободна,
Моя душа! Бѣги, ты не пригодна
Въ торгашескомъ гнѣздѣ, гдѣ на лоткахъ

Торгуютъ мудростью, благоговѣньемъ,
А чернь идетъ съ угрюмымъ озлобленьемъ
На свѣтлое наслѣдіе вѣковъ.

Мнѣ жалко это; и, повѣривъ чуду
Искусства и культуры, я не буду
Ни съ Богомъ, ни среди Его враговъ¹⁾.

ФЕДРА²⁾.

САРРЪ БЕРНАРЪ.

Переводъ Н. Гумилева.

Какъ скучно, суетно тебѣ теперь со всѣми,
Тебѣ, которой слѣдовало быть
Въ Италіи съ Мирандоло, бродить
Въ оливковыхъ аллеяхъ Академій,

Ломать въ ручьѣ тростникъ съ мечтами тѣми,
Что Панъ въ него затрубить, и шалить
Межъ дѣвушекъ у моря, гдѣ проплыть
Могъ важный Одиссей въ своей триремѣ.

¹⁾ Оскаръ Уайльдъ намекаетъ на борьбу клерикаловъ и радикаловъ, волновавшую въ его время англійское общество.

²⁾ Оскаръ Уайльдъ отождествляетъ здѣсь Сарру Бернаръ съ Федрой, роль которой она играла. Пико-де-Мирандоло—знаменитый гуманистъ времени Возрожденія.

О, да! Навѣрно, нѣкогда твой прахъ
Таился въ урнѣ греческой, и снова
Ты въ скучный міръ нанравила свой шагъ,

Возненавидѣвъ сумрака оковы,
Унылыхъ асфоделей череду
И холодъ губъ, цѣлующихъ въ Аду.

1879.

СЕРЕНАДА.

Для музыки.

Перев. М. Кузмина.

Не нарушаетъ вѣтеръ лѣни,
Темна Эгейская струя,
И ждетъ у мраморной ступени
Галера тирская моя.
Сойди! Пурпурный иарусъ еле
Надутъ; спать стражникъ на стѣнѣ.
Покинь лилейныя постели,
О, госпожа, сойди ко мнѣ!

Она не спустится,—я знаю.
Что ей обѣтъ любви простой?
Я не напрасно называю
Ее жестокой красотой.
Ахъ! Вѣрность—женщинамъ забава,
Не знать имъ муки никогда,
Влюбленному, какъ мальчикъ, слава
Любить вотще, любить всегда.

Скажи мнѣ, кормщикъ, безъ обмана:
То косъ ея златистый свѣтъ,
Иль нѣжная роса тумана,
Что пала здѣсь на страстоцвѣтъ?
Скажи, матросъ, ты малый дѣльный:
То госпожи моей рука,
Иль носъ мелькнулъ мнѣ корабельный
И блескъ серебряный песка?

Нѣтъ, нѣтъ! То не роса ночная,
Не блескъ серебряный песка,
То госпожа моя младая,
Ея коса, ея рука!
Правь, благородный кормщикъ, къ Троѣ.
Матросъ, ты къ греблѣ будь готовъ:
Царицу счастья мы, герои,
Веземъ отъ греческихъ береговъ.

Ужъ небеса поголубѣли,
Часъ утра тихій настаетъ,
Дружина, на борты! Чтò намъ мели!
О, госпожа, впередъ, впередъ!
Правь, благородный кормщикъ, къ Троѣ,
Матросъ, не бойся ты труда.
Какъ мальчикъ любить, любить втрое
Тотъ, кто полюбить навсегда.

CANZONET.

Переводъ М. Кузмина.

Мнѣ нѣтъ казны,
Гдѣ стражемъ — грифъ ¹⁾ свирѣпый:
Какъ встарь, бѣдны
Пастушечьи вертепы,
И нѣтъ камней,
Чтобъ сдѣлать украшенье,
Но дѣвъ полей
Мое плѣняло пѣнье.

Моя свирѣль
Изъ тростника рѣчного,
Пою тебѣ ль
Всегда, опять и снова?
Вѣдь ты бѣлѣй,
Чѣмъ лилія; безъ мѣры
Цѣннѣй, милѣй
И рѣже амбры сѣрой.

Къ чему твой страхъ?
Вѣдь Гіацинтъ скончался,

¹⁾ Греческое сказочное животное, полу-орелъ и полу-левъ.

И Пань въ кустахъ
Густыхъ не появлялся,
И Фавнъ рогать
Травы не топчетъ вялой,
И богъ-закать
Зари не кажетъ алой.

И мертвъ Гилась;
Онъ розъ не встрѣтитъ красныхъ
Въ вечерній часъ
Въ твоихъ губахъ прекрасныхъ.
Хоръ нимфъ лѣсныхъ
На горкѣ игръ не водить...
Сребристь и тихъ
Осенній день уходитъ.

ГЕРЦОГИНЯ ПАДУАНСКАЯ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

Переводъ Валерія Брюсова.

ЛИЦА ДРАМЫ:

Симоне Джессо, герцогъ падуанскій.

Беатриче, его жена.

Андреа Полайuolo, кардиналъ падуанскій.

Маффио Петруччи } придворные
Дженпо Вителлоццо } герцога.
Таддео Барди }

Гвидо Ферранти, молодой человѣкъ.

Асканіо Кристофано, его другъ.

Графъ Моранцоне, пожилой человѣкъ.

Бернардо Кавальканти, верховный судья въ Падуѣ.

Уго, палачъ.

Люція, дѣвушка при герцогинѣ.

Слуги, горожане, солдаты, монахи, сокольничьи съ ихъ соколами и собаками и т. п.

Мѣсто дѣйствія: Падуя.

Время дѣйствія: вторая половина XVI-го вѣка.

Сцены драмы:

Актъ I. Рынокъ въ Падуѣ (25 минутъ).

Актъ II. Комната въ герцогскомъ дворцѣ (36 минутъ).

Актъ III. Галлерей въ герцогскомъ дворцѣ (29 минутъ).

Актъ IV. Зала суда (31 минута).

Актъ V. Темница (25 минутъ).

Стиль архитектуры: итальянскій, готическій и романскій.

А К Т Ъ I.

Рынокъ въ Падуѣ, въ полдень; въ глубинѣ—большой соборъ Падуи; архитектура—романскаго стиля, строены изъ чернаго и бѣлаго мрамора; мраморныя ступени ведутъ къ дверямъ собора; у подножія лѣстницы два громадныхъ каменныхъ льва; дома по обѣимъ сторонамъ сцены окружены каменными аркадами и съ цвѣтными жалюзи у оконъ; на правой сторонѣ сцены—общественный фонтанъ со статуей, изъ зеленой бронзы, тритона, трубящаго въ раковину; вокругъ фонтана—каменная скамья; звонить колоколь собора, и горожане, мужчины, женщины и дѣти, проходятъ въ соборъ.

(Входятъ Гвидо Ферранти и Асканіо Кристофано).

Асканіо. Ну, жизнью клянусь, Гвидо, дальше я не пойду; если я ступлю еще шагъ, то духу во мнѣ не останется для проклятій; мы летимъ, словно дикіе гуси!

(Бросается на скамью у фонтана).

Гвидо. Эго, должно-быть, здѣсь. (Направляется къ одному изъ прохожихъ и снимаетъ шапочку) Простите, синьоръ, вѣдь это рыночная площадь, а это—церковь Санта-Кроче? (Прохожій киваетъ головой утвердительно). Благодарю васъ, синьоръ.

Асканіо. Ну?

Гвидо. Такі! Это здѣсь.

Асканіо. Я бы предпочелъ, чтобы это было гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ здѣсь я не вижу таверны.

Гвидо (вынимая изъ кармана письмо и читая его). «Часть—полдень; городъ—Падуа; мѣсто—рынокъ; а день—день святого Филиппо».

Асканіо. А что до человѣка, какъ мы его узнаемъ?

Гвидо (все читая). «На мнѣ будетъ лиловый плащъ съ вышитымъ на плечѣ серебрянымъ соколомъ». Красивое одѣяніе, Асканіо?

Асканіо. Мнѣ милѣ мой кожаный камзолъ. И ты думаешь, онъ расскажетъ тебѣ о твоёмъ отцѣ?

Гвидо. Конечно, да! Ты припомни, тому теперь ровно мѣсяць, когда былъ я въ нашемъ виноградникѣ, какъ разъ въ томъ углу, что подходитъ къ улицѣ и куда обыкновенно заходятъ козы, — проѣхалъ мимо меня какой-то человѣкъ, спросилъ, меня ли зовутъ Гвидо, и отдалъ мнѣ это письмо, подписанное: «Другъ вашего отца», приглашающее меня быть здѣсь сегодня, если я хочу узнать тайну моего рожденія, и указывающее мнѣ, какъ признать написавшаго. Я всегда думалъ, что старый Педро—мой дядя, но онъ мнѣ сказалъ, что эго невѣрно, но что ребенкомъ меня отдалъ

ему на попечение какой-то неизвѣстный, котораго онъ болѣе не видалъ никогда.

Асканіо. Такъ что ты не знаешь, кто твой отецъ?

Гвидо. Нѣтъ.

Асканіо. У тебя нѣтъ даже никакого воспоминанія о немъ?

Гвидо. Никакого, Асканіо, никакого.

Асканіо (смѣясь). Стало-быть, не могъ онъ тебѣ давать затрещинъ такъ часто, какъ мой отецъ мнѣ.

Гвидо (улыбаясь). Я увѣренъ, что ты ихъ никогда не заслуживалъ.

Асканіо. Никогда; это-то и было въ нихъ хуже всего. Ни разу не могъ я найти въ себѣ сознаніе вины... А какой часъ назначилъ тотъ?

Гвидо. Полдень.

(Часы на соборѣ бьютъ).

Асканіо. Теперь какъ разъ полдень, а твой человѣкъ не пришелъ. Я въ него не вѣрю, Гвидо. Должно-быть, просто какая-нибудь дѣвица заглядѣлась на тебя; и, разъ я проводилъ тебя изъ Перуджіи въ Падую, ты обязанъ, клянусь въ этомъ, проводить меня въ ближайшую таверну. (Встаетъ) Призываю во свидѣтели великія божества ѣды, я такъ хочу ѣсть, Гвидо, какъ вдовѣ хочется мужа, такъ усталъ, какъ молодая дѣвушка отъ добрыхъ совѣтовъ, и весь высохъ, словно монашеская проповѣдь. Идемъ, Гвидо, что тебѣ стоять здѣсь, глядя въ пустоту, словно помѣшанному, который старается заглянуть въ свою собственную душу; твой человѣкъ не придетъ.

Гвидо. Хорошо; кажется, ты правъ. А!

(Въ тотъ самый мигъ, когда онъ встаетъ со скамьи вмѣстѣ съ Асканіо,—входитъ графъ Моранцоне въ лиловомъ плащѣ, съ серебрянымъ соколомъ, вышитымъ на плечѣ; Моранцоне проходитъ черезъ всю сцену, направляясь къ собору, и въ ту минуту, когда онъ готовъ войти въ него, Гвидо вбѣгаетъ по ступенямъ и прикасается къ нему).

Моранцоне. Ты во-время пришелъ, Ферранти Гвидо.

Гвидо. Какъ! Такъ отецъ мой живъ?

Моранцоне.

Да, живъ въ тебѣ.

Ты—онъ своимъ лицомъ, своей походкой,

Осанкой, видомъ, внѣшностью своей;

Ты—вѣрно, онъ и духомъ благороднымъ.

Гвидо. О, расскажите объ отцѣ; я этой

Минуты ждалъ всю жизнь.

Моранцоне.

Намъ должно быть

Однимъ.

Гвидо. Но это—лучшій другъ мой: онъ

Пришелъ со мною по любви ко мнѣ;
Мы, какъ два брата, дѣлимъ съ нимъ всѣ тайны.
Моранцоне. Вы этой тайны не должны дѣлить;
Пусть онъ уйдетъ.

Гвидо (къ Асканію). Другъ, черезъ часъ вернись.
Не знаетъ онъ, что зеркала любви
Такой, какъ наша, омрачить не можетъ
Ничто. Пока прощай.

Асканію. Не говори съ нимъ,
Есть что-то страшное въ его глазахъ.

Гвидо (смѣясь). Нѣтъ, я увѣренъ: онъ пришелъ ска-
зать мнѣ,

Что я Италиі великій принцъ,
Что насъ обоихъ дни веселья ждуть
Надолго! До свиданья, другъ.

(Асканію уходитъ).

Теперь

Вы про отца расскажете мнѣ все?

(Садится на каменную скамью).

Онъ былъ высокъ? въ сѣдлѣ сидѣлъ онъ стройно?

Онъ черенъ былъ? иль волосы его

Какъ красно-золотое пламя были?

Имѣлъ онъ голосъ тихій? Иногда

У первыхъ храбрецовъ бываетъ голосъ

Исполненъ тихой музыки; иль, можетъ,

Онъ, какъ труба, гремѣлъ, внушая ужасъ

Врагамъ? Онъ выѣзжалъ одинъ? иль вмѣстѣ

Съ толпою слугъ, въ сопровожденіи свиты?

Порой я чувствую, что въ этихъ жилахъ

Кровь королей стучитъ! Онъ былъ король?

Моранцоне. Онъ больше былъ король, чѣмъ всѣ другіе.

Гвидо (гордо). Итакъ, отца вы видѣли послѣдній.

Что жъ, надъ людьми высоко онъ стоялъ?

Моранцоне. Да, надъ людьми высоко онъ стоялъ,
(подходить къ Гвидо и кладетъ свою руку ему на плечо)

На красномъ эшафотѣ, гдѣ палачъ

Ждалъ съ топоромъ его.

Гвидо (вскакивая). Кто ты, ужасный,

Какъ нѣкій воронъ, иль какъ филинъ ночи,

Возставшій изъ могилы съ страшной вѣстью?

Моранцоне. Меня зовутъ здѣсь графомъ Моранцоне,

Владѣльцемъ замка на пустой скалѣ;

Есть у меня миль пять земли безплодной

И нищихъ шесть служителей. Но былъ я

Изъ самыхъ знатныхъ въ Пармѣ; больше: были
Друзьями мы съ твоимъ отцомъ.

Гвидо (схватывая его за руку). Скажите
Все!

Моранцоне. Герцога великаго Лоренцо
Ты—сынъ. Онъ властелиномъ въ Пармѣ былъ
И графомъ всей Ломбардіи прекрасной
До самыхъ стѣнъ Флоренціи, но та
Ему платила дань.

Гвидо. А какъ онъ умеръ?

Моранцоне. Узнаешь все. То было въ дни войны.
(О, благородный левъ! не могъ снести
Въ Италиіи онъ никакой неправды!)
Цвѣтъ лучший рыцарства повелъ онъ противъ
Клятвопреступника изъ Римини,
Джованни Малатесты,—будь онъ проклятъ! —
Но былъ коварно завлеченъ въ засаду
И, какъ злодѣй, какъ челоуѣкъ безродный,
Казненъ на эшафотѣ всенародно.

Гвидо (хватаясь за кинжалъ).

И Малатеста живъ?

Моранцоне. Онъ умеръ.

Гвидо. Умеръ?

О, если бѣ ты, немедлящая смерть,
Могла еще немного подождать,
Твой долгъ свершилъ бы я!

Моранцоне. Еще не поздно!

Тотъ, къмъ отецъ твой проданъ, живъ еще.

Гвидо. Отецъ былъ проданъ?

Моранцоне. Оцѣненъ, какъ вещь,

И за назначенную цѣну проданъ.
На вольномъ рынкѣ былъ уступленъ онъ
Тѣмъ, кто его считался лучшимъ другомъ,
Кому онъ вѣрилъ и кого любилъ,
Съ къмъ братства узами былъ долго связанъ.

Гвидо. Предатель живъ!

Моранцоне. Его ты самъ увидишь.

Гвидо. Такъ живъ Іуда! Хорошо жъ! Всю землю

Я сдѣлаю «землею крови», ибо
На ней висѣть онъ долженъ!

Моранцоне. Ты Іудой

Его зовешь? Да, какъ Іуда, онъ —
Предатель,—но иной онъ ждалъ награды:
Не тридцать сребренниковъ,—много больше!

Гвидо. За кровь отца что жь получилъ онъ?

Моранцоне.

Много...

Помѣстья, виноградники и замки,

И княжества, и земли...

Гвидо.

Отъ которыхъ

Онъ сохранить шесть локтей — для могилы!

Гдѣ жь гнусный шутъ? Гдѣ негодяй проклятый?

Скажите, гдѣ онъ? Пусть онъ будетъ въ панцырь

Одѣтъ, и въ сталь до самыхъ пять закованъ,

И охраняемъ тысячью людей, —

Я поражу его сквозь копыя, буду

Смотрѣть, какъ потечетъ вдоль по кинжалу

Кровь черная его. Скажите, гдѣ онъ,

И я его убью.

Моранцоне (холодно). И это мечь?

Безумецъ! Смерть не суждена ль намъ всѣмъ?

И тѣмъ она желаннѣй, чѣмъ внезапнѣй.

(Подступаетъ близко къ Гвидо).

Былъ преданъ твой отецъ, — и въ этомъ все.

Предателя предай же въ свой чередъ.

Тебя введу я въ домъ его, ты долженъ

Сидѣть съ нимъ за столомъ, ѣсть тотъ же хлѣбъ...

Гвидо. О, горькій хлѣбъ!

Моранцоне.

Ты слишкомъ прихотливъ:

Мечь подсластитъ его! Ты долженъ ночи

Съ нимъ пировать, пить изъ единой чаши,

Его стать другомъ, чтобъ тебя любилъ онъ

И тайны всѣ свои открылъ тебѣ!

Захочетъ онъ веселья, — будь веселымъ;

Его порой охватить ли печаль, —

Будь грустенъ самъ. Когда жь приспѣетъ время...

(Гвидо хватается за кинжалъ).

Ахъ, я тебѣ не вѣрю! Юнь твой духъ

И необузданъ; слишкомъ буйный гнѣвъ

Не въ силахъ ждать, во имя высшей мести,

Но въ страсти гибнетъ...

Гвидо.

Ты меня не знаешь.

Скажи, кто онъ, — и я готовъ во всемъ

Повиноваться.

Моранцоне.

Хорошо. Когда

Приспѣетъ время и удобный случай,

И будетъ врагъ въ сѣтяхъ, тебѣ съ посломъ

Подамъ я знакъ.

Гвидо.

И какъ его убью я?

Моранцоне. Въ ту ночь къ нему прокрасться должно
въ спальню;

И если ты его застанешь спящимъ,
Сначала разбудить; потомъ за горло
Рукой схватить, — да, такъ, — и рассказать,
Кто ты, чей сынъ, за что ты мстишь ему.
Дозволь ему просить пощады, пусть
За жизнь свою онъ предлагаетъ цѣну;
Когда жъ онъ обѣщаетъ всѣ богатства, —
Скажи, что золота тебѣ не надо,
И что пощады нѣтъ! И соверши все.
Но поклянись, что не убьешь ты раньше,
Чѣмъ прикажу я! Или я уйду,
Ты будешь жить въ невѣдѣнны, какъ прежде,
И твой отецъ не будетъ отомщенъ!

Гвидо. Отца мечомъ клянусь!

Моранцоне. Палачъ на рынкѣ

Его предъ всѣмъ народомъ преломилъ.

Гвидо. Отца могилой...

Моранцоне.

Гдѣ его могила?

Отецъ твой не лежитъ въ землѣ: развѣянъ
Былъ прахъ его по вѣтру, и разнесся
По улицамъ онъ пылью, бѣднякамъ
Слѣпя глаза... А голову его,
Надѣвъ на острее воротъ тюремныхъ,
Оставили на поруганье черни,
И та его дразнила языкомъ...

Гвидо. Такъ чѣмъ же клясться? Памятью отца,

Священной мнѣ, его позорной казнью,
Предательствомъ коварнымъ друга, всѣмъ,
Что мнѣ еще осталось, — я клянусь:
Не подыму я на него руки
До приказанья; послѣ — Богъ да приметъ
Проклятый духъ: какъ песь, убить онъ будетъ.
Но знакъ? Какой же знакъ?

Моранцоне.

Вотъ — твоего

Отца кинжалъ.

Гвидо.

О, дайте разсмотрѣть мнѣ!

Припоминаю, дядя мой названный,
Старикъ, которому я отданъ былъ,
Мнѣ говорилъ, что былъ я въ плащъ завернуть,
И были вышиты два леопарда
На немъ по золоту — такіе жъ точно!
Но, вылиты изъ стали, мнѣ милѣ

Вотъ эти: съ ними къ цѣли путь прямѣ!..

Отецъ вамъ ничего не поручилъ

Мнѣ передать?

Моранцоне. Отецъ не зналъ тебя.

Когда онъ преданъ былъ коварнымъ другомъ,

Изъ всѣхъ приближенныхъ одинъ я спасся

И въ Парму, герцогинѣ, вѣсть принесъ.

Гвидо. О, мать моя! Скажите мнѣ объ ней!

Моранцоне. Услышавъ роковую вѣсть, она

Безъ чувствъ упала и тебя — до срока —

На свѣтъ произвела, и вслѣдъ затѣмъ

Ея душа взнеслась на небеса,

Чтобъ встрѣтить мужа у преддверья рая.

Гвидо. Мать умерла, отецъ казненъ и проданъ...

Мнѣ кажется: я осажденъ врагами,

И за гонцомъ гонецъ приносятъ вѣсти,

Одна другой ужаснѣй! Дай вздохнуть мнѣ,

Я изнемогъ.

Моранцоне. Когда скончалась мать,

Изъ страха предъ врагами, всѣмъ сказала я,

Что умеръ ты, и тайно передалъ

Тебя старинному слугѣ, который

Жилъ близъ Перуджинъ. Что было дальне,

Ты знаешь.

Гвидо. Видѣли отца вы послѣ?

Моранцоне. Однажды. Я въ одеждѣ бѣдняка

Пробрался въ Римини.

Гвидо (беря его за руку). Какая смѣлость!

Моранцоне. Все продается въ Римини, и я

Купилъ тюремщиковъ. Когда отецъ твой

Узналъ, что у него родился сынъ,

Его лицо подъ шлемомъ просіяло,

Какъ свѣтитъ въ морѣ зарево огня.

Взявъ за руки меня, меня просилъ онъ,

Чтобъ я тебя возрастилъ, его достойнымъ,

И мстителя въ тебѣ я воспиталъ.

Гвидо. Вы долгъ исполнили. Благодарю васъ

Отъ имени отца. Но какъ же имя

Предателя?

Моранцоне. Какъ на отца похожъ ты!

Я узнаю въ тебѣ его движенья.

Гвидо. Какъ имя?

Моранцоне. Ты его сейчасъ узнаешь.

Вотъ герцогъ нашъ со свитою придворныхъ

Сюда идти.

Гвидо. Что изъ того! Какъ имя?

Моранцоне. Не кажутся ль они тебѣ собраньемъ

Людей достойныхъ, честныхъ, благородныхъ?

Гвидо. Графъ! Имя! Имя!

(Входятъ герцога Падуанскій съ графомъ Варди, Маффио, Петруччи и другими придворными).

Моранцоне (быстро). Тотъ, предъ кѣмъ колѣни

Я преклоню, и есть убійца, — помни.

Гвидо (хватается за кинжалъ). Какъ, герцогъ?

Моранцоне. Руку прочь! Ужель такъ скоро

Ты все забылъ? (Преклоняется передъ герцогомъ)

Нашъ благородный герцогъ!

Герцогъ. Добро пожаловать, графъ Моранцоне.

Давно мы въ Падуѣ васъ не видали.

Близъ замка вашего еще вчера мы

Охотились, но называть ли замкомъ

Холодный домъ, гдѣ вы живете, четки

Перебирая, какъ отшельникъ дряхлый.

(Встрѣчаетъ глазами Гвидо и отстунаетъ назадъ).

Кто это?

Моранцоне. Мой племянникъ, ваша свѣтлость.

Онъ въ тѣхъ годахъ, когда пора на службу,

И быть желалъ бы при дворѣ у васъ.

Герцогъ (молча глядитъ на Гвидо). Его зовутъ?

Моранцоне. Ферранти Гвидо.

Герцогъ. Родомъ?

Моранцоне. Онъ въ Мантуѣ родился, ваша свѣтлость.

Герцогъ (подходя къ Гвидо). Твой взоръ напоминаетъ

мнѣ кого-то,

Кого я зналъ... Но умеръ тотъ бездѣтнымъ.

Ты честенъ ли? И если да, то честность

Не расточай, но для себя храни.

Здѣсь въ Падуѣ всѣ думаютъ, что честность —

Лишь хвастовство; она не въ модѣ. Видишь

Синьоровъ этихъ?

Барди (въ сторону). Въ насъ стрѣлой онъ мѣтитъ.

Герцогъ. Любой изъ нихъ свою имѣетъ цѣну,

Всѣ продаются, но, сказать по правдѣ,

Иные слишкомъ дорожатся.

Барди (въ сторону). Мило!

Герцогъ. Итакъ: намъ честности не надо. Также

Не очень любимъ мы оригинальность,

Хотя въ нашъ глухой вѣкъ едва ль не тотъ

Оригинальнѣй всѣхъ, кто смѣетъ мыслить
И возбуждаетъ тѣмъ насмѣшки черни.
А что до черни, презирай ее,
Какъ я. Толпы восторгъ минутный мнѣ
Смѣшонъ, и одного лишь оскорбленья
Я не испытывалъ: любви народа

Маффио (въ сторону). А ненависти вдоволь испыталъ ты.

Герцогъ. Благоразуменъ будь; не торопись
Съ поступками: подумавъ дважды, дѣйствуй;
Рѣшенье первое всегда прекрасно.

Гвидо (въ сторону). Изъ устъ его не жаба ль брызжетъ
ядомъ!

Герцогъ. И постарайся завести враговъ:
Иначе свѣтъ тебя сочтетъ ничтожнымъ.
Враги доказываютъ нашу силу,
Но въ маскѣ дружбы каждого встрѣчай,
Пока его въ свои не схватишь когти:
Тогда души его.

Гвидо (въ сторону). Философъ мудрый!
Не для себя ли роешь ты могилу?

Моранцоне (къ Гвидо). Запомнилъ?

Гвидо. Будь спокоенъ.

Герцогъ. И не будь

Разборчивъ слишкомъ. Чистая рука,
Когда пуста, имѣетъ видъ печальный.
И если хочешь львиной доли въ жизни,
Одѣнься въ лисью шкуру,—подойдетъ
Она тебѣ, какъ всякому подходитъ.

Гвидо. Я все запомню, ваша свѣтлость.

Герцогъ. Дѣльно.

Я не хочу быть окруженъ глупцами,
Что жизни золото долями вѣсятъ,
Дрожать, колеблются, и все же терпятъ
Лишь неудачи... Неудача—вотъ
Единый грѣхъ, я въ коемъ неповиненъ!
Вокругъ меня мужчины быть должны.
А что до совѣсти, то это—слово,
Что трусость написала на щитѣ,
Бѣжавъ изъ битвы. Понялъ?

Гвидо. Ваша свѣтлость,

Я понялъ все и заповѣдамъ вашимъ
Отнынѣ буду слѣдовать во всемъ.

Маффио. Не зналъ я, ваша свѣтлость, что такъ сильны

Вы въ дѣлѣ проповѣди. Ахъ, когда бы
Взглянулъ на ваши лавры кардиналъ!

Герцогъ. За мной пойдутъ мужчины, а другіе —
За кардиналомъ. Чтò мнѣ до него!

Онъ ревностный служитель церкви,
Но человѣкъ не слишкомъ прозорливый.

(Къ Гвидо) Итакъ, отнынѣ на моей ты службѣ.

(Протягиваетъ Гвидо руку для поцѣлуя. Гвидо отступаетъ въ ужасѣ,
но по знаку графа Моранцоне опускается на колѣни и цѣлуетъ ее).

Ты долженъ быть одѣтъ, какъ подобаетъ
И должности твоей и нашей чести.

Гвидо. Благодарю сердечно вашу свѣтлость.

Герцогъ. Тебя зовутъ, не правда ль, Гвидо?

Гвидо.

Гвидо

Ферранти, государь.

Герцогъ. И родомъ ты
Изъ Мантуи? За женами, синьоры,
Смотрите въ оба: онъ для нихъ опасенъ!
Смѣетесь вы, графъ Барди? Впрочемъ, тотъ
Супругъ спокоенъ, чья жена
Нехороша.

Малффио. Простите, ваша свѣтлость,
Но жены въ Падуѣ вѣдъ подозрѣній.

Герцогъ. Какъ? Всѣ неинтересны?.. Но пойдете.

Сегодня герцогиню кардиналъ
Совсѣмъ замучилъ. Надо бы ему
И бороду и проповѣдь убавить.
Угодно, графъ, вамъ съ нами слушать текстъ
Святого Иеронима?

Моранцоне (кланяясь). Государь,
Простите...

Герцогъ (прерывая). Чтò за извиненья, если
Итти къ обѣднѣ лѣнь. Пора, синьоры.
(Уходитъ со свитою въ соборъ).

Гвидо (послѣ молчанія). Онъ продалъ моего отца; я — руку
Его поцѣловалъ.

Моранцоне. Цѣлуй почаще.

Гвидо. Я долженъ это дѣлать?

Моранцоне. Ты поклялся.

Гвидо. Отъ этой клятвы я окаменѣю.

Моранцоне. Прощай, дитя! И раньше срока мы
Не встрѣтимся.

Гвидо. Вернитесь поскорѣе.

Моранцоне. Вернусь, когда настанетъ часъ. Будь
твердымъ.

Гвидо. Довѣрьтесь мнѣ.

Моранцоне. Твой другъ идетъ сюда.

Изъ сердца и изъ Падуи его

Ты долженъ удалить.

Гвидо. Отсюда—да.

Изъ сердца—нѣтъ.

Моранцоне. Нѣтъ, нѣтъ! Изъ сердца также.

Я не уйду, пока все не исполнишь.

Гвидо. Нельзя имѣть мнѣ друга?

Моранцоне. Местъ—твой другъ,

Иныхъ не вѣдай.

Гвидо. Пусть! Да будетъ такъ.

(Входитъ Асканіо Кристофано).

Асканіо. Ну, Гвидо, я, навѣрное, во всемъ превзошелъ тебя: я выпилъ фьяску добраго вина, съѣлъ пирогъ и расцѣловалъ служанку въ остеріи. Чтò ты глядишь такъ уныло, словно школьникъ, которому не на что купить яблокъ, или какъ избиратель, которому некому продать свой голось? Чтò же новаго, Гвидо, чтò новаго?

Гвидо. Асканіо, намъ должно распроститься.

Асканіо. Конечно, это — ново, но неправда.

Гвидо. Нѣтъ, слишкомъ правда! Ты уйдешь отсюда,

И никогда меня ты не увидишь.

Асканіо. Нѣтъ! Значить, ты меня не знаешь, Гвидо!

Да, я простого земледѣльца сынъ,

Обычаевъ придворныхъ я не знаю.

Но если оказалось, что ты знатенъ,

Ужель я не могу служить тебѣ?

Клянусь, усерднѣй буду я, чѣмъ всякія

Слуга наемный...

Гвидо (хватая его за руку).

Ахъ, Асканіо!

(Взглядываетъ на Моранцоне, который съ трепетомъ на него, и выпускаетъ руку Асканіо).

Нѣтъ! Этого не можетъ быть.

Асканіо. Не можетъ?

Я думалъ, что вѣковъ прошедшихъ дружба

Еще жива, что въ нашъ ничтожный вѣкъ

Своею любовью воскресили мы

Преданья Рима древняго... О! этой

Любовью, ясной, словно море лѣтомъ,

Молю я: чтò бѣ тебя ни ждало,—все

Позволь съ тобой мнѣ раздѣлить, какъ другу!

Гвидо. Все раздѣлить!

Асканіо.

Да, да!

Гвидо.

Нѣтъ, нѣтъ!

Асканіо.

Ахъ, вѣрно,

Наслѣдство получилъ ты,—пышный замокъ,

Богатство?

Гвидо (горько). Да, я получилъ наслѣдство!

Кровавый даръ! Ужасное наслѣдье!

Беречь его я долженъ, какъ скупецъ,

Для самого себя хранить. Итакъ,

Разстанемся, прошу тебя.

Асканіо.

Ужели

Мы больше никогда, рука съ рукой,

Не сядемъ рядомъ, какъ сидѣли часто,

Чтобъ углубиться въ рыцарскую книгу?

Иль, какъ бывало, убѣжавъ изъ школы,

Ужель мы вмѣстѣ больше никогда

Бродить не будемъ по лѣсамъ осеннимъ,

Съ охотникомъ, слѣдя, какъ ястребъ зоркій

Рветъ шелковыя нуты, на опушкѣ

Завидя зайца?

Гвидо.

Больше никогда.

Асканіо. Такъ долженъ я уйти безъ слова дружбы?

Гвидо. Такъ ты уйдешь,—съ тобой моя любовь...

Асканіо. Не рыцарски, не благородно это!

Гвидо. Не рыцарски, не благородно? Пусть!

Уже бесплодны всѣ слова. Прощай.

Асканіо. Ты ничего мнѣ не поручишь, Гвидо?

Гвидо. Нѣтъ! Прошлое — какъ дѣтскій сонъ за мною.

Я нынче начинаю жизнь. Прощай.

Асканіо. Прощай. (Уходитъ медленно).

Гвидо (къ Моранцоне). Довольны вы? Я все исполнилъ.

Любимѣйшаго друга я сейчасъ

Прогналъ, какъ недостойнаго слугу.

Я это сдѣлалъ! Вы теперь довольны?

Моранцоне. Да. Я доволенъ и теперь уйду.

Не забудь про знакъ: кинжалъ отца.

Сверши свой долгъ, когда его пришлю я.

Гвидо. Довѣрьтесь мнѣ; исполню все.

(Моранцоне уходитъ).

О, небо!

Когда въ душѣ моей есть капля чувства,

Есть состраданіе, есть нѣжность, — ихъ
Убей, сожги и обрати въ ничто!
А если ты не хочешь, самъ ихъ вырву
Изъ сердца я отточеннымъ ножомъ,
Во снѣ я жалость задушу въ себѣ,
Чтобъ не шептала мнѣ она! О, мечь,
Ты мнѣ одна осталась. Будь мнѣ другомъ
И ложе раздѣляй со мною. Рядомъ
Сиди со мной, сопутствуй на охотѣ,
Когда устану, пѣсенки мнѣ пой,
Когда я буду счастливъ, веселись,
Когда усну, нашептывай мнѣ въ уши
Разсказъ ужасный объ отца убійствѣ...
Убійствѣ, я сказалъ?

(Обнажаетъ кинжалъ)

Внемли, Богъ мести,
Клятвопреступниковъ разящій громомъ!
Пусть эту клятву пламенемъ на небѣ
Запишутъ ангелы! Клянусь: отнынѣ,
Пока не отомшу отца убійство
Я кровью, — отрекаюсь я отъ дружбы,
Отъ благородныхъ радостей любви,
Отъ всякаго сочувствья и союза!
И даже больные: отрекаюсь я
Отъ женщинъ, отъ любви къ нимъ, отъ приманокъ
Ихъ красоты...

(Торжественные звуки органа несутся изъ собора, и подъ сребро-
тканнымъ балдахиномъ, что несутъ четыре пажы, одѣтые въ алое,
сходить по мраморнымъ ступенямъ герцогиня Падуанская; она
проходитъ передъ Гвидо, на мгновеніе встрѣчается съ нимъ гла-
зами и, уже почти покидая сцену, обернувшись, взглядываетъ на
него; кинжалъ падаетъ изъ рукъ Гвидо).

Гвидо. Кто это?
Одинъ изъ горожанъ. Герцогиня.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО АКТА.

А К Т Ъ ІІ.

Зала въ герцогскомъ дворцѣ, убранная коврами, на которыхъ вышиты сцены переодѣваній Венеры; широкая дверь въ серединѣ ведетъ на галерею изъ краснаго мрамора, черезъ которую открывается видъ на Падую; большой балдахинъ (справа) съ тремя тронами, изъ которыхъ одинъ нѣсколько ниже другихъ; потолокъ изъ позолоченныхъ балокъ; обстановка того времени,—стулья, обтянутые кожей съ позолотой, поставцы съ золотой и серебряной посудой, ларцы, расписанные мифологическими сценами. Нѣсколько придворныхъ стоятъ въ галереѣ и смотрять изъ нея внизъ на улицу; съ улицы доносится гулъ толпы и крики: „Смерть герцогу!“; нѣсколько времени спустя входитъ герцогъ, совершенно спокойный; онъ опирается на руку Гвидо Ферранти; вмѣстѣ съ ними входитъ кардиналъ; толпа продолжаетъ кричать.

Герцогъ. Нѣтъ, кардиналъ, я отъ нея усталъ!

Она не то, что некрасива, хуже —

Она добра!

Маффио (возбужденно). Тамъ, ваша свѣтлость, больше двухъ тысячъ человѣкъ, и съ каждымъ мгномъ кричатъ сильнѣй.

Герцогъ. Чтò жь, пусть ихъ тратятъ силы.

Толпа кричащая—ничто, синьоры,

И если кто опасенъ: молчаливый. (Ревъ народа).

Вотъ, кардиналъ, какъ я любимъ народомъ.

(Снова ревъ).

Иди, Петруччи, прикажи внизу

Начальнику стрѣлковъ очистить площадь.

Вы приказанье слышали, синьоръ?

Чтò сказано, исполнить. (Петруччи уходитъ).

Кардиналъ. Вашу милость

Прошу я выслушать мольбы народа...

Герцогъ (садится на свой тронъ).

Да, груши этимъ лѣтомъ что-то мельче,

Чѣмъ были прошлымъ. Кардиналъ, простите,

Вы кажется, о грушахъ говорили.

(Слышны съ улицы крики радости).

Чтò тамъ?

Гвидо (бросается къ окну). На площадь герцогиня вышла,

Между народомъ и стрѣлками стала,

Имъ не даетъ стрѣлять.

Герцогъ. Чортъ побери!

Гвидо (все еще у окна).

Теперь идетъ сюда съ толпою гражданъ.

Герцогъ (вскакивая).

Клянусь святымъ Джованни, слишкомъ смѣло

Она себя ведетъ.

Барди Вотъ герцогиня.

Герцогъ. Закройте дверь; сегодня день холодный.

Дверь, ведущую въ галерею, закрываютъ. Входитъ герцогиня съ кучкой бѣдно-одѣтыхъ горожанъ).

Герцогиня (бросаясь на колѣни).

Насъ выслушать молю я, ваша свѣтлость!

Герцогъ. Чего жъ они хотятъ?

Герцогиня. О, государь!

Они того хотятъ, о чемъ ни разу

Ни вамъ, ни мнѣ и никому изъ этихъ

Синьборовъ думать не случилось: хлѣба!

Они готовятъ изъ гнилой мякины

Свой хлѣбъ!

Первый горожанинъ. Да, вѣрно! Изъ одной мякины!

Герцогъ. Хорошій кормъ; я лошадямъ своимъ

Даю его.

Герцогиня (сдерживаясь).

По ихъ словамъ, въ цистернахъ —

Водопроводъ, вы знаете, разрушенъ —

Вода цвѣтетъ и затянута тиной.

Герцогъ. Такъ надо пить вино: вода вредна!

Второй горожанинъ. Ахъ, ваша свѣтлость, пошлины
да сборы

У городскихъ воротъ берутъ такіе,

Что покупать вино намъ не подѣ силу.

Герцогъ. Благословляйте пошлины, — онѣ

Васъ учатъ воздержанью.

Герцогиня. Государь,

Подумайте, мы въ роскоши живемъ,

А въ темныхъ переулкахъ нищета

Голодная блуждаетъ и ножомъ

Малюткамъ перерѣзываетъ молча

Ихъ горло тешное...

Третій горожанинъ. Да, это правда!

Отъ голода вчерашней ночью померъ

Сыннишка мой, — былъ по шестому году.

И схоронить-то не на что его.

Герцогъ. Вы бѣдны? Славьте же судьбу! Вѣдь бѣдность

Одна изъ добродѣтелей. (Къ кардиналу)

Не такъ ли?

Вы, монсеньоръ, берете десятину,

Имѣете доходы, замки, земли
За то, что проповѣдуете бѣдность.

Герцогиня. О, государь, но будьте милосерды!

Пока сидимъ мы здѣсь въ чертогахъ этихъ,
Гдѣ портики отъ зноя защищаютъ,
А отъ морозовъ—стѣны, двери, крыша, —
Какъ много гражданъ Падуи живутъ
Въ лачугахъ со щелями, гдѣ всегда
Холодный дождь, и снѣгъ, и вѣтеръ—дѣма!
Иные же ночуютъ подъ мостами,
Осенней ночью въ сырости дрожать,
Потомъ приходитъ лихорадка, и...

Герцогъ (заканчиваетъ). Возносятся на лоно Авраама.

Они меня должны благодарить:

Изъ міра бѣдствій шлю я ихъ на небо! (Къ кардиналу)

Не сказано ль въ Писаніи, что должно

Намъ бремя наше съ радостью нести?

Мнѣ ль измѣнять уставленное Богомъ

И вмѣшиваться въ волю Провидѣнья?

Одни пресыщены, тѣ голодаютъ.

Такъ созданъ міръ, и созданъ онъ по мною.

Первый горожанинъ. Въ немъ милости не видно.

Второй горожанинъ.

Помолчи!

Вотъ кардиналъ за насъ поговорить.

Кардиналъ. Терпѣть нужду—христіанина долгъ,

Но также долгъ его быть милосердымъ!

Есть въ нашемъ городѣ немало бѣдствій,

Ихъ реформировать могли бы вы.

Первый горожанинъ. Что значитъ реформировать?

Второй горожанинъ.

Должно-быть,

Оставить все, какъ есть оно теперь.

Герцогъ. Да? Реформировать? Ахъ, кардиналъ,

Въ Германіи нашелся нѣкто Лютеръ

И реформировать задумалъ церковь,—

Не вы ль его еретикомъ назвали

И отлученью предали?

Кардиналъ (подымаясь съ своего трона). Хотѣлъ

Онъ паству съ пастбища увлечь, а мы

Васъ просимъ накормить овецъ духовныхъ.

Герцогъ. Я тѣхъ кормлю, съ кого стригу я шерсть.

Что до мятежниковъ...

(Герцогиня дѣлаетъ умоляющій жестъ).

Первый горожанинъ. Онъ сталъ добрѣе

И дастъ намъ что-нибудь.

Второй горожанинъ. Ахъ, такъ ли!

Герцогъ. Эти

Оборвыши сюда явились съ глоткой,

Наполненной измѣной...

Третій горожанинъ. Ваша свѣтлость:

Заткните намъ ее краюхой хлѣба!

Мы замолчимъ.

Герцогъ. Я васъ молчать заставлю,—

Голодныхъ или сытыхъ, все равно!

Таковъ нашъ вѣкъ, синьоры, что мужикъ

Передъ тобой не сниметъ шапки: надо

Ее сбивать съ башки! На перекресткахъ

Любой ремесленникъ господъ поносить! (къ горожанамъ)

Въ виду моленій нашей герцогини,

Не смѣя отказать прекрасной дамѣ,

Что оскорбило бъ вѣжливость и напу

Любовь, и снисходя на ваши просьбы...

Первый горожанинъ. Онъ сбавитъ пошлны, честное
слово!

Второй горожанинъ. Иль выдастъ каждому изъ насъ
по хлѣбу.

Герцогъ. Я прикажу, чтобъ въ это воскресенье

На проповѣди кардиналъ сказалъ

Вамъ о высокомъ долгѣ послушанья.

(Ропотъ среди горожанъ).

Первый горожанинъ. Ну, проповѣдью брюха не на-
полнишь.

Второй горожанинъ. Она не больше, какъ подливка,
что же

Мы съ нею будемъ ѣсть?

Герцогиня. Друзья мои,

Вы видите: предъ герцогомъ и я

Везильна. Но на задній дворъ пройдите.

Я прикажу, чтобъ казначей мой выдалъ

Изъ личныхъ средствъ моихъ вамъ сто дукатовъ.

Первый горожанинъ. Богъ да хранить намъ герцогиню!

Второй горожанинъ. Вѣрно!

Богъ да хранить ее!

Герцогиня. И разъ въ недѣлю

Я буду раздавать бѣднѣйшимъ хлѣбъ.

(Изъявляя свою радость, горожане идутъ къ выходу).

Первый горожанинъ (уходя). Богъ да хранить намъ
герцогиню.

- ГЕРЦОГЪ (подзываетъ его). Стой!
- Сюда, пріятель. Какъ тебя зовуть?
- ГОРОЖАНИНЪ. Я, ваша свѣтлость, Доменико.
- ГЕРЦОГЪ. Имя
- Хорошее. А въ честь кого дано?
- ГОРОЖАНИНЪ (почесывая голову). Да я родился въ день
святого Джорджо.
- ГЕРЦОГЪ. Выполнѣ понятно! Вотъ тебѣ дукать.
- Что жъ не кричишь: да здравствуетъ нашъ герцогъ!
- ГОРОЖАНИНЪ (слабо). Да здравствуетъ нашъ герцогъ!
- ГЕРЦОГЪ. Громче! Громче!
- ГОРОЖАНИНЪ (немного громче). Да здравствуетъ нашъ
герцогъ!
- ГЕРЦОГЪ. Чувства мало.
- Кричи сильнѣй, пріятель. Вотъ еще
- Тебѣ дукать.
- ГОРОЖАНИНЪ (восторженно). Да здравствуетъ нашъ
герцогъ!
- ГЕРЦОГЪ (насмѣшливо). Какъ трогаешь меня его любовь,
Синьоры! (Горожанину, гнѣвно)
- Вонъ! (Горожанинъ уходитъ, кланяясь).
- Такимъ путемъ, синьоры,
Любовь народа приобрести легко.
О, мы—ничто, когда народу чужды!
(Къ герцогинѣ) А вы, синьора, съете мятежъ
Межъ гражданъ!
- ГЕРЦОГИНЯ. Государь, есть право бѣдныхъ:
На жалость и на милость нашу право!
- ГЕРЦОГЪ. Вы спорите со мной? Вотъ какова
Та женщина, изъ-за которой лучшихъ
Три города Италіи я отдалъ:
Орвьетто, Геную и Пизу.
- ГЕРЦОГИНЯ. Вы
- Не отдали, а только общали,
И предпочли опять нарушить слово.
- ГЕРЦОГЪ. Вы ошибаетесь, синьора, были
На то причины важныя.
- ГЕРЦОГИНЯ. Какія
- Причины могутъ быть, чтобъ общанье,
Предъ цѣлымъ міромъ данное, — нарушить?
- ГЕРЦОГЪ. Есть много кабановъ въ лѣсу подъ Пизой;
Когда я зготъ городъ общалъ
Достойнѣйшему вашему отцу,
Я позабылъ, что тамъ охота. Также

Я слышала, — и не сомнѣваюсь въ томъ, —
Что въ гавани подъ Генуей такъ много
Рѣдчайшихъ рыбъ, какъ болѣе индѣ.

(Обращаясь къ одному изъ придворныхъ)

Вы блюды изысканныхъ знатоковъ, синьоръ,
И это объясните герцогинѣ.

Герцогиня. Такъ, а Орветто?

Герцогъ (зѣвал). Я уже не помню.

Должно-быть, тоже что-то помѣшало

Отдать его согласно договору.

Быть-можетъ, просто не хотѣлось мнѣ.

(Подходить къ герцогинѣ).

Синьора, бросьте взглядъ: вы здѣсь однѣ!

До старой Франціи немало миль,

Да и отецъ вашъ при своемъ дворѣ

Не больше согни рыцарей содержитъ,

На что же вы надѣетесь? Кто здѣсь

Изъ этихъ всѣхъ синьоровъ преданъ вамъ?

Герцогиня. Никто.

(Гвидо вздрагиваетъ, но овладѣваетъ собой).

Герцогъ. И такъ останется, пока

Я герцогъ въ Падуѣ. Синьора, вы

Принадлежите мнѣ. Чтò я хочу,

Должны вы исполнять. Угодно мнѣ,

Чтобъ вы сидѣли дома, — и дворецъ

Для васъ тюрьмою станеть. Захочу я,

Чтобъ вы гуляли, и съ утра до ночи

Придется вамъ гулять.

Герцогиня. Но гдѣ же право?

Герцогъ. Покойная жена вопросъ такой же

Мнѣ предложила. Памятникъ ея

Стоитъ въ кашеллѣ фра-Бартоломео,

Онъ весь изъ мрамора; весьма красивъ!

Пора итти, синьоры! Руку, Гвидо!

Пойдемте въ полдень соколовъ спускать.

Подумайте, синьора, вы — однѣ.

(Уходитъ герцогъ, опираясь на Гвидо, и вся свита).

Герцогиня (глядя ему вслѣдъ).

Да, герцогъ правъ, я здѣсь совсѣмъ одна,

Заброшена, унижена, забыта!

Бываль ли кто такъ одинокъ, какъ я?

Мужчина, сватаясь, зовстъ дѣтьми насъ,

Намъ говорить, что мы не въ силахъ сами

Устроить жизнь, — и разбиваетъ пашу:

Для нихъ мы — вещь, ихъ общія рабыни,
Насъ меньше цѣнятъ, чѣмъ собакъ послушныхъ,
Ласкаютъ рѣжс, чѣмъ любимыхъ птицъ!
Я, кажется, сказала: сватовство...
Не сватаютъ, — насъ просто покупаютъ,
И наше тѣло — рыночный товаръ!
Да, это общая судьба всѣхъ женщинъ.
Всѣ выбираютъ неудачно мужа
И губятъ жизнь по прихотямъ его.
Что это доля всѣхъ, — не легче каждой!
Я, кажется, ни разу не слыхала,
Чтобъ женщина смѣялась отъ души?
Нѣтъ, слышала: на площади, разъ, ночью...
Бѣдняжка шла, раскрасивъ ярко губы,
Веселья маску на лицѣ храня...
О, такъ смѣяться я бы не желала,
Нѣтъ, лучше умереть.

(Входитъ Гвидо, который остается въ глубинѣ незамѣченнымъ; герцогиня преклоняется передъ изображеніемъ Мадонны).

О, Матерь Божья!

Склонила ты свой блѣдный, кроткій ликъ
Межъ ликовъ ангельскихъ, поющихъ гимны!
Отвѣтъ же мнѣ: ужель мнѣ нѣтъ надежды?

Гвидо. Я болѣе переносить не въ силахъ.

Ее люблю! Съ ней долженъ говорить я!

(Къ герцогинѣ)

Помянуть ли и я въ молитвахъ вашихъ,
Синьора?

Герцогиня (вставая съ колѣнъ).

Нѣтъ, синьоръ. Однимъ несчастнымъ

Мои молитвы могутъ быть нужны.

Гвидо. Тогда и мнѣ!

Герцогиня. Но развѣ вы несчастны?

Иль почестей отъ герцога вамъ мало?

Гвидо. Мнѣ отъ того не нужно, ваша свѣтлость,

Наградъ, кого въ душѣ я ненавижу.

Хочу тебя молить я на колѣняхъ:

Позволь тебѣ до гроба мнѣ служить.

Герцогиня. Увы! я такъ ничтожна, что тебѣ

Въ награду ничего дать не могу я.

Гвидо (хватая ее за руку).

Ты можешь дать любовь мнѣ!

(Герцогиня отступаетъ, а Гвидо падаетъ къ ея ногамъ).

О, святая!

Прости мнѣ, если я былъ слишкомъ дерзокъ!
Ты красотой своей зажгла мнѣ кровь.
Дай мнѣ прильнуть устами богомольно
Къ твоей рукѣ! Отъ страсти я дрожу!
На все готовъ я, чтобъ добиться только
Твоей любви.

(Вскакиваетъ).

Прикажешь ты мнѣ вырвать
Изъ львиной пасти гибельную славу, —
И я пойду въ пустыню на борьбу
Съ немейскимъ львомъ! Брось въ середину битвы
Цвѣтокъ, иль ленту, или что-нибудь,
Къ чему касалась ты, — я ихъ достану,
Хотя бъ все рыцарство сражалось тутъ.
И принесу назадъ! И даже больше.
Мнѣ прикажи на блѣдные утесы
Могучей Англiи взобраться, — я
Съ ея надменнаго щита сорву
Тѣ лилии твоей родной страны,
Что у нея похитилъ левъ британскiй,
Морей владыка!

Слушай, Беатриче!

Не уходи отсюда! Безъ тебя
Часы идутъ свинцовыми ногами,
Когда жъ твое очарованье вижу,
Со скоростью Меркурiя летятъ
И золотятъ всю жизнь!

Герцогиня. Я не ждала,
Что буду я любима. Только правда ль,
Что любишь ты такъ сильно, какъ клянешься?
Гвидо. Спроси: что чайка—сильно любить море?
Спроси: что роза—сильно любить дождь?
Спроси: что жаворонокъ, на разсвѣтѣ
Летающiй къ небу—сильно любить день?
И все же всѣ сравненiя ничтожны, —
Они лишь тѣнь моей любви, горящей
Такимъ огнемъ, что водамъ океановъ
Ее не погасить! Но ты молчишь.

Герцогиня. Не знаю я, что вамъ могу сказать.
Гвидо. Скажи и ты: люблю тебя.

Герцогиня. Такъ, сразу?
Советъ хорошъ бы былъ, когда бы васъ
Любила я. А если не люблю?
Тогда что мнѣ сказать?

- Гвидо. Скажи все то же!
Скажи: люблю!—и на твоихъ устахъ
Ложь, застыдившись, тотчасъ станетъ правдой.
- Герцогиня. А можетъ-быть, не должно говорить.
Влюбленные счастливей до признанья
- Гвидо. Молчаніе мнѣ — смерть, а жить я долженъ!
Убей меня признаньемъ, не молчаньемъ.
Остаться мнѣ, или мнѣ уйти, — скажи!
- Герцогиня. Не знаю я, уйти вамъ или остаться.
Оставшись, вы похитите мою
Любовь. Уйдя, съ собою унесете
Ее же... Гвидо! если бѣ звѣзды пѣли,
Онѣ не рассказали бы всей силы
Моей любви!.. Люблю тебя, мой Гвидо!
- Гвидо (простирая къ ней руки).
О, говори еще! А мнѣ казалось,
Что только ночью соловьи поютъ.
Но если ты молчишь, позволь устами
Прильнуть къ твоимъ устамъ, поющимъ нѣжно.
- Герцогиня. Прильнувъ къ устамъ, ты сердца не кос-
нешься.
- Гвидо. Ужели для меня оно закрыто?
- Герцогиня. Увы, синьоръ, его нѣтъ у меня.
Едва тебя увидѣла я, ты
Его похитилъ! Противъ воли — воръ,
Въ мою сокровищницу ты проникъ
И лучший перлъ съ собой унесъ оттуда!
О, странный воръ! не зная самъ того,
Ты сталъ богаче, и меня оставилъ
Обкраденной и вмѣстѣ съ тѣмъ счастливой!
- Гвидо (порывисто обнимая ее).
Возлюбленная! милая! моя!
Не закрывай лица! Позволь открыть мнѣ
Пурпуровыя маленькія двери,
Гдѣ дремлетъ музыка! Позволь проникнуть
Къ коралламъ устъ твоихъ, и лучший даръ
Я унесу съ собой, чѣмъ всѣ богатства,
Хранимыя въ горахъ Арменскихъ грифонами!
- Герцогиня. Ты—господинъ мой! Все, чѣмъ я владѣю,—
Давно твое; а если нѣтъ чего,
Ты это все создашь мечтой и чудомъ
Ничтожество въ богатство обратишь.
- (Цѣлуетъ его).
- Гвидо. Какъ смѣлъ я, что гляжу такъ на тебя!

Фиалка прячется подъ свой листокъ,
Боясь смотрѣть на пламенное солнце,
Боясь его сіянья; мой же взоръ,
Мой дерзкій взоръ достигъ такой отваги,
Что, какъ звѣзда недвижная, глядитъ
Въ твои глаза, купаясь въ ихъ сіяньи!

Герцогиня. О, если бъ на меня всегда смотрѣлъ ты!
Твои глаза—два зеркала глубокихъ.
Въ нихъ возникая, узнаю себя,
И рада, что въ тебѣ живетъ мой образъ.

Гвидо (вновь обнимая ее).

Летающій дискъ! остановись на небѣ!
И сдѣлай этотъ часъ безсмертнымъ!

(Краткое молчаніе).

Герцогиня.

Милый,

Садись вотъ здѣсь, у самыхъ ногъ моихъ.
Вложу я пальцы въ волосы твои
И буду видѣть, какъ твое лицо
Къ моимъ губамъ влечется, какъ цвѣтокъ...
Случалось ли тебѣ когда — входитъ
Въ пустынный залъ, гдѣ пыль лежитъ и пѣсенъ,
Гдѣ много лѣтъ шаговъ не слышно было,
Засовы отодвинуть у окна
И отворить, навстрѣчу солнцу, ставни?
Ты видѣлъ ли, какъ въ окна входитъ солнце,
Какъ превращаетъ каждую пылинку
Въ танцующую золотую точку?
Моя душа была тѣмъ заломъ, Гвидо,
Твоя любовь вошла въ него, и вдругъ
Все стало золотомъ. Не правда ль, Гвидо,
Любовь — смыслъ жизни.

Гвидо.

Да! жизнь безъ любви

Мертва, какъ необдѣланная глыба
Въ каменоломнѣ, прежде чѣмъ ваятель
Прозрѣлъ въ ней бога! Да! Жизнь безъ любви—
Безмолвна, какъ простой тростникъ, растущій
По берегамъ рѣки и чуждый пѣсенъ.

Герцогиня. Но вотъ пѣвецъ, по имени Любовь,
Тростникъ безмолвный сдѣластъ свирѣлю
И пѣснями наполнить! Ахъ, любовь
Любую жизнь способна сдѣлать пѣсней.
Не правда ли?

Гвидо.

Для женщинъ это правда.

Мужчины же творятъ рѣзцомъ и кистью,

Какъ сынъ красильщика въ Веронѣ. Павелъ,
Иль какъ въ Венеціи его соперникъ,
Великій Тиціанъ, создавшій дѣву
Стройнѣе лилій и бѣлѣе лилій,
Всходящую по ступенямъ во храмъ,
Иль тотъ урбинецъ, чьи Мадонны святы
Затѣмъ, что матери онѣ вполнѣ,
Но женщина—вотъ истинный художникъ!
Одна она способна нашу жизнь,
Залатанную думами о деньгахъ,
Преобразить любовью въ красоту!

Герцогиня. Пусть жили бы мы оба въ нищетѣ!
Любя другъ друга, были бъ мы богаты.

Гвидо. Скажи «люблю» еще разъ, Беатриче!

Герцогиня (касаясь пальцами его воротничка).

Какъ этотъ воротникъ къ лицу тебѣ!

(Графъ Моранцоне выглядываетъ изъ-за двери, ведущей въ галлерей).

Гвидо. Скажи еще разъ мнѣ: «люблю»!

Герцогиня. Я помню,

Что въ Фонтенбло, когда еще была
Я въ милой Франціи, носилъ такіе
Воротнички король.

Гвидо. Такъ ты не хочешь
Сказать: люблю!

Герцогиня (смѣясь). Король Францискъ былъ рыцарь
Съ осанкой царственной, но ты—прекраснѣй!

Зачѣмъ же, Гвидо, мнѣ твердить: люблю!

(Вереть руками его голову и приближаетъ къ себѣ).

Не знаешь развѣ ты, что я—твоя

Навѣкъ, душой и тѣломъ!

(Цѣлуетъ его, но внезапно встрѣчаетъ
взглядъ Моранцоне и вскакиваетъ).

О! Кто тамъ?

(Моранцоне исчезаетъ).

Гвидо. Гдѣ, милая?

Герцогиня. Я видѣла глаза,

Горящіе огнемъ, за этой дверью.

Гвидо. Нѣтъ никого. Должно-быть, промелькнула
Тѣнь часового.

(Герцогиня продолжаетъ стоять, глядя въ окно).

Никого не видно.

Герцогиня. Но что намъ можетъ повредить, когда мы
Въ рукахъ любви? Мнѣ было бъ все равно,
Хотя бъ весь міръ, устами низкой черни
Меня злословя, жизнь мою топталъ.

Намъ говорятъ, что полевой цвѣтокъ
Сильнѣе пахнетъ, если онъ раздавленъ,
Чѣмъ въ полѣ на стеблѣ, что травы есть
Безъ запаха,—но дивнымъ ароматомъ
Дышащія, когда ихъ разотрешь
Межъ пальцами. Такъ молодую жизнь
Жестокій міръ стремится раздавить,
Но лишь даетъ ей больше аромата
И прелести. И если любимъ мы,
Мы лучшимъ въ жизни обладаемъ. Правда?

Гвидо. Мнѣ хочется шутить, смѣяться, пѣть.

Я чувствую, что могъ бы пѣть сегодня.

Герцогиня. Не говори! Вотъ мигъ, когда все въ жизни
Слилось въ единый сладостный восторгъ,
И замыкаетъ Страсть уста печатью.

Гвидо. Но пусть мои уста печать сломаютъ.

Меня ты любишь, Беатриче?

Герцогиня. Да!

Какъ странно, что люблю врага.

Гвидо. Врага?

Герцогиня. Тебя! Ты сердце мнѣ пронзилъ стрѣлою;
Оно укромно, тихой жизнью жило,
Пока его ты не сразилъ.

Гвидо. Повѣрь мнѣ,

Стрѣлою той я ранилъ и себя.

Отъ этой раны я умру сегодня,

Когда меня, врачъ милый, не спасешь ты.

Герцогиня. Я не могу лѣчить тебя; я тоже
Больна, какъ ты.

Гвидо. Какъ я люблю тебя!

Я пѣсню у кукушки перенялъ:

Твержу одно и то же.

Герцогиня. Мнѣ не надо

Другой! И если это пѣснь кукушки,

То соловей охрипъ, и потерялъ

Свой голосъ жаворонокъ...

Гвидо. Беатриче.

Цѣлуй меня!

(Она беретъ руками его лицо, склоняется и цѣлуетъ его; раздается громкій стукъ въ дверь; Гвидо вскакиваетъ; входитъ слуга).

Слуга. Для васъ, синьоръ.

Гвидо (беззаботно). Подай.

(Слуга передаетъ шкатулку, завернутую въ красный шелкъ, и уходитъ; когда Гвидо уже готовъ открыть шкатулку, герцогиня подходитъ къ нему сзади и, шутя, отнимаетъ ее у него).

Герцогиня (смѣясь). Бьюсь объ закладъ,—отъ дѣвушки подарокъ,

Цвѣта, которые носить ты долженъ!
Но я ревнива, не отдамъ тебя,
Какъ скряга, буду для себя беречь,
Хотя бы тѣмъ измучила тебя.

Гвидо. Ты ошибаешься...

Герцогиня. Нѣтъ, я права!

Гвидо. Клянусь тебѣ...

Герцогиня (отвернувшись, открываетъ шкапулку).

Измѣнникъ, отвѣчай:

Что означаетъ этотъ знакъ: кинжалъ,
На немъ литые леопарды...

Гвидо (отнимая кинжалъ). Боже!

Герцогиня. Я посмотрю въ окно; быть-можетъ, я
Узнаю гербъ слуги, который отдалъ
У входа ящикъ! Я хочу всѣ тайны
Твои узнать.

(Со смѣхомъ бросается въ галерею).

Гвидо. О, ужасы! Неужели

Такъ скоро я забылъ про смерть отца?

Такъ скоро даль любви прокрасться въ сердце?

И долженъ я любовь прогнать и въ душу

Впустить убійство, ждущее у двери?

Я это долженъ! Развѣ я не клялся?

Но не сегодня ночью?.. Нѣтъ,—сегодня!

Прощайте, радости и звѣзды жизни,

Всѣ милыя воспоминанья, вся

Любовь, прощай! Кровавыми руками

Посмѣю ль я касаться рукъ невинныхъ?

И усть ея коснусь ли я устами

Убійцы? Буду ли преступнымъ взоромъ

Смотрѣть въ ея фіалковыя очи,

Что ясностью своей слѣпятъ другихъ

И въ вѣчной ночи ихъ съ пути сбиваютъ?

О, нѣтъ! Убійство страшную преграду

Воздвигнетъ между нами,—будетъ трудно

Черезъ нее намъ цѣловаться!

Герцогиня. Гвидо!

Гвидо. Вы обо мнѣ должны забыть навѣки,

Изгнать меня изъ вашей жизни.

Герцогиня (идя къ нему). Милый!

Гвидо (отступая назадъ). Можъ нами выросла преграда, мы
Переступить ее не смѣемъ.

Герцогиня.

Я

Все смѣю, если только ты со мной!

Гвидо. Но съ вами быть я не могу, не долженъ

Единымъ съ вами воздухомъ дышать,

Лицомъ къ лицу предъ вашей красотой

Стоять не долженъ; передъ ней слабѣть

Моя рука и замысловъ своихъ

Свершать не смѣть. Дайте мнѣ уйти,

Забудьте, что когда-то мы встрѣчались.

Герцогиня. Какъ? Мнѣ забыть тѣ клятвы, что твер-
дилъ ты,

Когда еще лобзаньями твоими

Горять уста?

Гвидо. Беру назадъ я клятвы.

Герцогиня. Но ты не властенъ это сдѣлать, Гвидо!

Тѣ клятвы стали частью міра; воздухъ

Дрожить ихъ музыкой, и пѣнье птицъ

Отъ нихъ звучитъ нѣжнѣй въ саду прекрасномъ!

Гвидо. Межъ нами выросла преграда; я

Объ ней не зналъ, вѣрнѣй—забылъ объ ней.

Герцогиня. Ея не будетъ; за тобою, Гвидо,

Я, въ жалкомъ рубищѣ, идти готова

На край земли.

Гвидо (жестoko). Увы! для насъ двоихъ

Земля мала! Прощай, прощай навѣкъ!

Герцогиня (кратко, подавляя свои чувства).

Зачѣмъ же ты ворвался въ жизнь мою,

Зачѣмъ въ душѣ моей, въ саду пустынномъ,

Взрастилъ цвѣтокъ любви?

Гвидо.

О, Беатриче!

Герцогиня. Теперь его ты хочешь вырвать съ корнемъ,

Но эти корни въ сердце такъ впились,

Что, вырывая ихъ, ты вырвешь сердце.

Зачѣмъ же ты ворвался въ жизнь мою?

Зачѣмъ открылъ въ душѣ любви источникъ,

Давно запечатлѣнный?

Гвидо.

Боже! Боже!

Герцогиня (сложивъ руки).

Зачѣмъ во мнѣ открылъ ты шлюзы страсти,

Чтобъ какъ рѣка, во время половодья,

Смегающая все въ своемъ пути,—

Любовь мнѣ въ душу рухнула лавиной

И жизнь мою съ собою унесла?

Должна ли я теперь за каплей каплю

Сбирать всё эти воды и опять
Запечатлѣть ихъ? Каждая изъ нихъ
Слезою станетъ и соленой влагой
Отравить жизнь мою.

Гвидо. О, замолчи!
Я долженъ отъ твоей любви уйти
Передо мною путь, которымъ ты
Итти не можешь.

Герцогиня. Мнѣ случалось слышать,
Что потерпѣвшіе крушенье въ морѣ,
Отъ жажды изнывая на плотахъ,
Въ видѣньяхъ видятъ рои и ручьи,
Но пробуждаются все съ той же жаждой,
И умирать еще труднѣе имъ
Изъ-за обмановъ сна, и, умирая,
Они клянутъ ихъ обманувшій сонъ.
Тебя я не клянупу, хотя крушенье
Я потерпѣла въ морѣ томъ, что люди
Отчаяньемъ именовали...

Гвидо. Боже!
Герцогиня. Останься, Гвидо, я люблю тебя.
(Она ждетъ нѣкоторое время отвѣта).

Иль ахо умерло? О, почему
Въ отвѣтъ мнѣ не звучить: люблю тебя!

Гвидо. Все умерло; одно въ живыхъ, и то
Умретъ сегодня ночью.

Герцогиня. Если такъ,
Ко мнѣ не прикасайся! Уходи!
(Гвидо уходитъ).

Преграда! О какой преградѣ онъ
Могъ говорить? Межь нами нѣтъ преградъ!
Онъ мнѣ солгалъ, а я должна за это
Возненавидѣть то, что я люблю,
И чѣмъ я восхищаюсь — презирать?
Нѣтъ! Женщины иной любовью любятъ.
И если вырѣжу я милый образъ
Изъ сердца, сердце вслѣдъ за нимъ по міру,
Какъ раненый стрѣлою пилигримъ,
Пойдетъ и будетъ звать назадъ съ любовью!

(Входитъ герцогъ въ охотничьемъ уборѣ, съ сокольничьимъ и собаками).

Герцогъ. Вы ждать меня заставили, синьора.

Вы ждать собакъ заставили, синьора.

Герцогиня. Я не ноѣду нынче.

Герцогъ.

Почему?

Герцогиня. Я, государь, не въ силахъ.

Герцогъ.

Блѣдноличка!

Со мной ты спорить смѣешь? Я бы могъ

Тебя къ позорной клячѣ привязать

И гнать сквозь городъ, чтобы чернь, которой

Ты хлѣбъ даешь, глумилась надъ тобой.

Герцогиня. Мнѣ слова добраго отъ васъ не слышать!

Герцогъ. Я крѣпко васъ держу въ своихъ рукахъ,

Къ чему жъ мнѣ тратить добрыя слова!

Герцогиня. Что жъ! Я поѣду.

Герцогъ (ударяя хлыстомъ по сапогамъ). Нѣтъ, я пере-
думалъ.

Здѣсь у окна, какъ вѣрная жена,

Должны вы ждать, пока мы не вернемся,

И грустно думайте о томъ, что можетъ

Несчастіе съ супругомъ приключиться.

Синьоры, въ пути! Волнуются собаки,

А я покорностью жены взволнованъ.

Гдѣ Гвидо?

Млѣфіо. Цѣлый часъ, какъ, ваша свѣтлость,

Его нигдѣ не видно.

Герцогъ.

Ничего.

Его довольно я еще увижу.

А вы, синьора, сѣли бы за прялку.

Къ семейнымъ добродѣтелямъ я склоненъ,

Синьоры, если вижу ихъ — въ другихъ.

(Герцогъ уходитъ со свитой).

Герцогиня. Я чувствую, что звѣзды мнѣ враждебны.

Сегодня ночью, какъ уснетъ супругъ мой,

Я брошусь на кинжалъ и все окончу.

Мое окаменѣло сердце; только

Кинжала сталь его сумѣетъ тронуть.

Пусть лезвее отыщеть въ сердцѣ имя,

Тамъ скрытое. Да, этой ночью герцогъ

Со мной разводъ получить... Но и онъ

Вѣдь можетъ умереть; онъ очень старъ.

Что, если онъ умретъ сегодня ночью?

Еще вчера его рука нѣмѣла,

А многихъ убиваетъ параличъ...

Бываютъ лихорадки, и удушья,

И разныя болѣзни стариковъ...

Нѣтъ, нѣтъ, онъ не умретъ, онъ слишкомъ грѣшенъ.

Достойный умираетъ слишкомъ рано,

Всѣ люди чести умирають; онъ же,
Какъ прокаженный, между нихъ живетъ
Позорной жизнью; матери и дѣти,
Всѣ умирають, но не герцогъ: слишкомъ
Онъ грѣшенъ! Почему безсмертенъ грѣхъ
И смертна доблесть? Или тѣмъ онъ живъ,
Что для другихъ смертельно, какъ живутъ
Гниеньемъ ядовитые цвѣты?
Нѣтъ, Богъ не можетъ этого терпѣть!
И все же герцогъ живъ: онъ слишкомъ грѣшенъ.
Пусть я умру одна; пусть нынче ночью
Любовникомъ мнѣ будетъ смерть, могила —
Приютомъ тайныхъ наслаждений! Что же!
Весь міръ — большое кладбище, и въ каждомъ
Скрытъ, какъ въ гробу, его скелетъ!

(Входитъ Моранцоне, одѣтый во все черное, проходитъ черезъ
глубину сцены, безпокойно оглядываясь кругомъ).

Моранцоне. Гдѣ Гвидо?

Нигдѣ его не нахожу я.

Герцогиня (замѣчая его). Боже!

Ты, значить, отнялъ у меня любовь!

Моранцоне (съ радостнымъ взоромъ).

Какъ? Онъ покинулъ васъ?

Герцогиня. Ты это знаешь?

Отдай его мнѣ! Говорю: отдай!

Иль на куски тебя я разорву

И къ висѣлицѣ голову прибую,

Чтобъ вороны твой обглодали черепъ!

О, безопаснѣй передъ львицей стать,

Чѣмъ между мною и моею любовью.

(Съ возрастающей страстью)

Отдай его назадъ! Нѣтъ, ты не знаешь,

Какъ я его люблю! Еще сейчасъ

Онъ на колѣняхъ предо мной стоялъ,

Вотъ здѣсь стоялъ и на меня смотрѣлъ;

Мнѣ руки цѣловалъ и въ уши мнѣ

Нашептывалъ онъ сказку о любви,

Столь нѣжную, что птицы всѣ замолкли!

Отдай его назадъ мнѣ!

Моранцоне. Онъ, синьора,

Не любитъ васъ.

Герцогиня. Чума на твой языкъ!

Отдай его!

Моранцоне. Его не видѣть вамъ

Ни въ эту ночь, ни больше никогда.

Герцогиня. Но кто же ты?

Моранцоне.

Мнѣ имя—мщенье!

(Уходитъ).

Герцогиня.

Мщенье?

Я въ жизни не обидѣла ребенка.

Такъ почему жъ ко мнѣ стучится мщенье!

Не все ли мнѣ равно? Съ нимъ рядомъ—смерть

Путь дымнымъ факеломъ мнѣ озаряетъ!

Ты людямъ ненавистна, смерть, но будешь

Со мною ты нѣжнѣй, чѣмъ мой любовникъ!

Пошли скорѣе вѣстниковъ своихъ,

Поторопи коней лѣнивыхъ дня,

Пусть ночь, твоя сестра, взойдетъ скорѣе

И мѣръ весь въ трауръ облечетъ. Пусть филинъ,

Служитель твой, съ угрюмой башни стонетъ,

И воютъ жабы, и мышей летучихъ,

Рабынь проклятыхъ грозной Прозерпины,

Шуршатъ во мракѣ сумрачныя крылья!

Въ горахъ безвѣстныхъ вырви мандрагоры

И прикажи имъ гнѣты! Вели кроту

Холодную постель въ землѣ мнѣ вырыть,

Чтобъ нынче мнѣ уснуть въ твоихъ объятяхъ!

Конецъ второго акта.

АКТЪ III

Широкая галлерей въ герцогскомъ дворцѣ; въ окно (слѣва) открывается видъ на Падую въ лунномъ свѣтѣ; лѣстница (справа) ведетъ къ двери съ портьерой алаго бархата, по которой золотомъ вышитъ герцогскій гербъ; на нижней ступени лѣстницы сидитъ фигура, закрытая чернымъ плащомъ; вестибюль освѣщается желѣзнымъ треножникомъ, наполненнымъ горячей паклей; снаружи то громъ, то молнія; глубокая ночь.

Гвидо (влѣзаетъ въ окно). Растетъ гроза; какъ лѣстница качалась!

Казалось, вѣтеръ оборветъ веревки!

(Смотритъ на городъ)

О, Боже, что за ночь! Громъ въ небесахъ,

И молніи летаютъ съ башни къ башнѣ

По городу, а бѣдные дома

Дрожатъ и клонятся при каждой вспышкѣ

На узкихъ улицахъ...

(Переходитъ черезъ сцену къ подножію лѣстницы).

Но кто же ты,
Сидящій здѣсь, какъ у порога смерти,
Чтобъ душу грѣшную схватить? (Молчаніе).
Отвѣтъ же!

Иль ты не можешь говорить? Иль бура
Сковала холодомъ языкъ твой?
(Фигура встаетъ и снимаетъ маску).

Моранцоне. Гвидо
Ферранти, твой отецъ ликуетъ нынче.

Гвидо (смущенно). Какъ, это вы?

Моранцоне. Я долго ждалъ тебя.

Гвидо (глядя въ сторону). Я васъ не ждалъ, но вамъ я
очень радъ.

Я вамъ скажу, что я намѣренъ сдѣлать.

Моранцоне. Сначала выслушай, что я придумалъ.

Поставилъ у воротъ, ведущихъ въ Парму,
Я лошадей: когда свой долгъ свершишь ты,
Мы тотчасъ же укачемъ; завтра ночью...

Гвидо. Тому не быть.

Моранцоне. Нѣтъ, это будетъ!

Гвидо. Графъ!

Я герцога рѣшилъ не убивать.

Моранцоне. Я, вѣрно, не разслышалъ. Повтори.

Года мой слухъ ослабили, я — старъ.

Что ты сказалъ? Что ты своимъ кинжаломъ

Отместишь убійство своего отца?

Не такъ ли?

Гвидо. Нѣтъ, я повторяю, графъ,

Что герцога рѣшилъ не убивать.

Моранцоне. Не можетъ быть; мнѣ чувства лгутъ;
быть-можетъ,

Твои слова доходятъ искаженно.

Гвидо. Вы вѣрно слышали: я не убью.

Моранцоне. А какъ же клятва, о, измѣнникъ, клятва!

Гвидо. Рѣшился я нарушить эту клятву.

Моранцоне. А что жъ убійца твоего отца?

Гвидо. Вы думаете, будетъ радъ отецъ,

Увидя на рукахъ моихъ кровь старца?

Моранцоне. Онъ будетъ ликовать.

Гвидо. Нѣтъ, я не вѣрю,

Иначе думаютъ на свѣтѣ томъ:

Отмщенъс Мнѣ, и Азъ воздамъ.

Моранцоне. Но ты

Орудіе отмщенья.

Гвидо. Не орудьемъ
Караеть Богъ, но правую десницею.
Я не убью.

Моранцоне. Зачѣмъ же ты пришелъ?

Гвидо. Я въ спальню герцога рѣшилъ пробратъся,
И спящему я положу на грудь
Кинжалъ съ письмомъ; когда проснется, онъ
Узнаеть, въ чьихъ рукахъ онъ былъ и кѣмъ
Былъ пощаженъ. Вотъ доблестная мечь,
Иной я не хочу.

Моранцоне. Ты не убьешь?

Гвидо. Нѣтъ.

Моранцоне. Недостойный сынъ великихъ предковъ!
Ты терпшишь, чтобы тотъ, кѣмъ былъ отецъ твой
Постыдно проданъ,—жилъ!

Гвидо. Не вы ли мнѣ
Убить его на рынкѣ помѣшали
Въ тотъ первый день?

Моранцоне. Тогда не время было,
Оно пришло, а ты теперь, какъ дѣва,
Лепечешь о прощеньи!

Гвидо. Нѣтъ, о мести.
Ее свершить сынъ моего отца.

Моранцоне. Ты—трусъ. Бери кинжалъ, ступай немедля
Въ ту комнату и герцогское сердце
Мнѣ принеси. Когда онъ будетъ мертвъ,
Ты будешь въ нравѣ разсуждать о мести.

Гвидо. Васъ заклинаю честью и любовью
Къ отцу покойному, отвѣтите, графъ:
Ужели могъ бы мой отецъ достойный,
Отважный рыцарь, благородный воинъ,
Прокрасться ночью въ спальню, словно воръ,
И спящаго зарѣзать старика,
Хотя бъ онъ былъ имъ оскорбленъ: отвѣтите!

Моранцоне (послѣ нѣкотораго колебанія).
Ты клятву далъ! Исполнить должно клятву.
Дитя! ты думаешь, что я не знаю
Твоихъ сношеній съ герцогиней!

Гвидо. Лжець,
Молчи! Не такъ чиста луна на небѣ,
Не такъ безгрѣшны звѣзды!

Моранцоне. Все жъ—ты любишь.
Не знаешь ты, что женская любовь—
Игрушка въ жизни.

Гвидо. Для тебя,—быть-можетъ:
Въ твоихъ, старикъ, безсильныхъ жилахъ кровь
Едва стучитъ; твои глаза слезятся,
И въ нихъ войти не можетъ красота,
Усталый слухъ твой чуткость потерялъ,
И для него нѣма пѣвучесть словъ.
Ты говоришь: любовь! Ея не зналъ ты.
Моранцоне. О, было время, при лунѣ блуждалъ я.
Я клялся жить для ласкъ и поцѣлуевъ,
Я клялся, что умру, и вотъ не умеръ.
Въ плохихъ стихахъ я пѣлъ любовь,—о, плохо!
Но все жъ какъ всѣ влюбленные. Извѣдалъ
Я боль разлуки и разгула буйство..
Въ концѣ концовъ мы—звѣри, а любовь
Подъ громкимъ именемъ—простая страсть.
Гвидо. Я вижу: никогда ты не любилъ!
Любовь есть таинство; она творитъ
Прекраснѣй доблесть; всѣ пороки міра
Она стираетъ съ сердца человѣка.
Она—огонь очистительный, въ которомъ
Сгораютъ шлаки, золото являя;
Она—весна, что изъ земли холодной
Выводитъ въ свѣтлый міръ невинность розъ;
Она—тотъ цѣпъ, что дѣлитъ отъ мякны
Живыя зерна. Въ наши дни Господь
Не сходитъ къ людямъ, но любовь межъ нами
Витаетъ, какъ Его чистѣйшій образъ.
Любя, мы вѣдаемъ всѣ тайны Бога
И тайны міра. Нѣтъ такой лачуги,
Ничтожной или малой, чтобъ въ нее—
Когда живущіе въ ней сердцемъ чисты—
Не снизошла любовь. Но если въ дверь
Кровавое убійство постучится,—
Любовь и во дворцѣ отъ этой раны
Умретъ; и это—Божье наказанье
За грѣхъ; любить не можетъ, кто преступенъ.
(Изъ комнаты герцога слышенъ стонъ).
Что это? слышали?—нѣтъ, ничего. (Продолжаетъ)
Призванье женщины—своею любовью
Спасать насъ отъ грѣховъ. Любя ее,
Ту лилю межъ лилій, Беатриче,
Я понялъ, что достойнѣй будетъ мщенье:
Преступнику жизнь даровать, чѣмъ ночью
Кровавое возмездье совершить

И руки юныя багрить во мракѣ.
И не во имя ли любви Христовъ,
Самъ бывший воплощенною любовью,
Намъ повелѣлъ прощать своимъ врагамъ?
Моранцоне (насмѣшливо). То было въ Палестинѣ, не
у насъ;

Онъ говорилъ къ святымъ, мы—только люди.

Гвидо. То было сказано для всѣхъ временъ.

Моранцоне. Что жъ, лилія межъ лилій, герцогини

Тебѣ въ награду дастъ за милосердые?

Гвидо. Увы! ее я больше не увижу.

Назадъ часовъ двѣнадцать я разстался

Съ ней такъ жестоко и въ такомъ порывѣ,

Что для меня ея закрыто сердце.

Съ ней не увижусь.

Моранцоне. Что жъ ты хочешь дѣлать?

Гвидо. Когда клижалъ я положу на мѣсто,

Я Падую поклоню.

Моранцоне. А потомъ?

Гвидо. Я попрошу, чтобъ дожъ венеціанскій

Меня на службу принялъ и послалъ

Меня въ сраженья. Не цѣню я жизнь

И брошу радостно ее на копья.

(Снова изъ комнаты герцога слышенъ стонъ).

Вы слышали? что это?

Моранцоне. Слышу только

Я крикъ о мести изъ могилы темной.

Мы тратимъ время, скоро встанетъ солнце.

Рѣшай: свершишь ли долгъ свой?

Гвидо: Я рѣшилъ. Я рѣшилъ.

Моранцоне. Отецъ несчастный, ты отмщенъ не будешь!

Гвидо. Еще несчастій—быть отцомъ убійцы.

Моранцоне. Но что такое жизнь?

Гвидо. Не знаю, графъ.

Не я далъ жизнь, не мнѣ ее отнять.

Моранцоне. Благодарилъ я Бога рѣдко; нынѣ

Благодарю, что не имѣю сына!

Цѣтъ, не отца въ тебѣ струится кровь,

Когда, врага держа въ своихъ рукахъ,

Его щадишь ты. Лучше бы остаться

Тебѣ въ простой семьѣ, гдѣ выросъ ты.

Гвидо. Быть-можетъ, было бъ лучше, но еще

Мнѣ было бъ лучше вовсе не родиться.

Моранцоне. Прощай!

Гвидо. Прощайте, графъ. Настанетъ день,
Вы мечь мою поймете.

Моранцоне. Никогда!

(Спускается въ окно и удаляется по веревочной лѣстницѣ).

Гвидо. Мое рѣшенье знаешь ты, отецъ,
И этой мещью будешь ты доволенъ.
Я герцогу оставлю жизнь, но вѣрю,—
Я поступаю такъ, какъ хочешь ты.
Не знаю, въ силахъ ли нашъ смертный голосъ
Проникнуть за врата стальныя смерти,
И знаютъ ли умершіе, что мы
Творимъ во имя ихъ, иль не творимъ.
Но чье-то здѣсь присутствіе я чую,
Со мною рядомъ чья-то тѣнь стоитъ,
Уста безплотныя моихъ коснулись;
Благословляю ихъ. (Преклоняетъ колѣни).

Отецъ, ты ль это?

О, если бѣ, одолѣвъ уставы смерти,
Въ тѣлесномъ образѣ предсталъ ты мнѣ,
Чтобъ я припалъ къ рукѣ твоей!—Все тихо. (Встаетъ).
То—ночь обманами тревожить чувство.
Какъ въ кукольномъ театрѣ, ночью мы
Тамъ видимъ нѣчто, гдѣ нѣтъ ничего.
Но поздно. Мнѣ пора за дѣло.

(Вынимаетъ изъ камзола письмо и пробѣгаетъ его глазами).

Герцогъ

Письмо найдетъ, проснувшись, и кликаль.

Онъ ужаснется ли за жизнь свою?

Покается, измѣнится, захочетъ

Жить лучше? Или только посмѣется,

Что пощадилъ я злѣйшаго врага?

Мнѣ все равно. Твое, отецъ, вельнѣе

Я исполняю и вельнѣе той,

Черезъ которую тебя позналъ!

(Осторожно входитъ по лѣстницѣ, но въ ту минуту, когда онъ протягиваетъ руку, чтобы отодвинуть занавѣсъ, выходитъ герцогиня, вся въ бѣломъ; Гвидо отступаетъ).

Герцогиня. Вы, Гвидо, здѣсь! Зачѣмъ вы здѣсь такъ
поздно?

Гвидо. О, бѣлый, непорочный ангелъ! Ты

Съ небесъ сошла, конечно,—возвѣстить,

Что милосердіе прекраснѣй мести!

Герцогиня. Межъ нами больше нѣтъ преграды, Гвидо.

Гвидо. Да! больше нѣтъ.

Герцогиня. Я это совершила.

Гвидо. Здѣсь жди меня.

Герцогиня. Какъ? ты опять уходишь?

Ты вновь меня покинешь, какъ тогда?

Гвидо. Въ одно мгновенье я вернусь назадъ,
Но къ герцогу войти я долженъ въ спальню
И тамъ письмо съ кинжаломъ положить.

Когда проснется утромъ онъ...

Герцогиня. Кто?

Гвидо. Герцогъ.

Герцогиня. Онъ не проснется.

Гвидо. Какъ! онъ умеръ?

Герцогиня. Умеръ.

Гвидо. О, Боже! какъ пути Твои чудесны!

Кто могъ бы угадать, что той же ночью,
Когда я мечь вручалъ Твоей рукѣ,
Своей десницей Ты его коснешься
И призовешь передъ Собой на судъ!

Герцогиня. Кинжаломъ герцога убила я.

Гвидо (въ ужасѣ). О!

Герцогиня. Милый, подойди, все расскажу.

Себя убить хотѣла я сегодня.

Проснувшись часъ назадъ, изъ-подъ подушки

Достала я кинжалъ, хранимый тамъ,

И обнажила лезвее изъ ноженъ.

И съ мыслью, какъ тебя люблю я, Гвидо,

Я острее направила въ себя.

Вдругъ увидала я, что рядомъ спитъ

Старикъ, отъ лѣтъ и отъ грѣховъ усталый,

Проклятiя произнося сквозь сонъ.

И вотъ, глядя на гнусное лицо,

Какъ въ блескъ молнiи вдругъ поняла я:

Вотъ та преграда, о которой Гвидо

Мнѣ говорилъ,—ты, помнишь, о преградѣ

Мнѣ говорилъ,—иной не можетъ быть!

Я помню смутно, чтó случилось послѣ.

Туманъ кровавый между мной и имъ

Застлалъ глаза мнѣ.

Гвидо. Ужасъ!

Герцогиня. Простоналъ онъ,

И больше не стоналъ. Лишь было слышно,

Какъ капала по каплѣ на полъ кровь.

Гвидо. Довольно! О, довольно!

Герцогиня. Почему же

Меня ты не цѣлуешь? Говорилъ ты,

Что ангелами женская любовь
Вась дѣлаетъ; зато любовь мужская
Нась превращаетъ въ мученицъ, готовыхъ
Все вытерпѣть.

Гвидо. О, Боже!

Герцогиня. Говори же!

Гвидо. Я говорить не въ силахъ.

Герцогиня. Словъ не надо.

Бѣжимъ скорѣй. Межь нами нѣтъ преграды.

Чего жъ ты медлишь? Скоро утро. Время!

(Кладетъ руку на плечо Гвидо).

Гвидо (отступая отъ нея). Святая дьявола иль ангель ада,

Прочь! Чтò за демонъ научилъ тебя!

Пусть ты убила мужа,—чтò мнѣ въ этомъ,

Его души давно заждался адъ!—

Но ты любовь убила и ее

Кроваво-страшнымъ замѣнила дѣломъ.

Его дыханье дышитъ чернымъ ядомъ

И все мертвитъ во мнѣ.

Герцогиня (въ крайнемъ изумленіи). Но это все

Лишь для тебя мной сдѣлано. Когда бы

Не ты, объ этомъ я не помышляла бы!

Ты долженъ былъ остаться чуждымъ крови,

Безвиннымъ, безотвѣтнымъ, безпорочнымъ.

Мы, женщины, всѣмъ жертвуемъ любви,

И за тебя я погубила душу

Въ сей жизни и въ другой!

Гвидо. Не прикасайся!

Потокъ кровавый рѣветъ между нами!

Я чрезъ него не вижу. Убивая

Того, вонзила ты клинокъ въ любовь.

Намъ вмѣстѣ быть нельзя.

Герцогиня (ломаая руки). Лишь для тебя,

Лишь для тебя! Ужели ты не понялъ?

Ты мнѣ сказалъ: межъ нами есть преграда.

Она теперь въ той комнатѣ лежитъ,—

Повержена, разломана, разбита,

Нась больше не раздѣлить.

Гвидо. Ты ошиблась.

Грѣхъ былъ преградой, ты его свершила;

Злодѣйство и убійство было ею,

Ты взгромоздила ихъ своей рукой

Такъ высокò, что достигнула неба,

Что Бога достигнула.

Герцогиня. Для тебя
Все совершила я, лишь для тебя,
Меня покинуть ты не можешь, Гвидо.
Достань коней, бѣжать намъ должно тотчасъ.
Былое—тяжкій сонъ, его забудемъ!
Вся жизнь предъ нами, передъ нами дни
Любви, и опьяненья, и веселья!
Нѣтъ, не веселья—плакать мы должны,
Но плакать будемъ вмѣстѣ. Буду я
Служить тебѣ; я буду милой, нѣжной:
Меня еще не знаешь ты.

Гвидо. Нѣтъ, знаю!

Прочь, говорю я, съ глазъ моихъ.

Герцогиня (ходя взадъ и впередъ). О, Боже:
Какъ я его любила!

Гвидо. Никогда
Ты не любила. Иначе любовь
Тебѣ сковала бъ руки. Какъ мы можемъ
Дѣлать съ тобою пиршество любви?
Въ вино любви ты яду налила,
И сладкихъ яствъ коснулося убійство.

Герцогиня (бросается на колѣни).
Тогда убей меня. Я пролила
Кровь нынче ночью. Чтѣ жъ, пролей и ты.
Рука съ рукой, на небо или въ адъ
Найду я вмѣстѣ съ нимъ. Вынь шпагу, Гвидо!
Когда она вонзится въ это сердце,
Она найдетъ въ немъ, можетъ-быть, твой образъ.
А если ты убить меня не хочешь,
Скажи мнѣ слово,—и сама я брошусь
На этотъ ножъ.

Гвидо (вырывая у нея кинжалъ). Отдай его мнѣ. Боже,
Твоя рука вся кровью залита!
Здѣсь—адъ; я быть здѣсь не могу; уйди!
Я на твое лицо смотрѣть не въ силахъ!

Герцогиня. Ахъ, если бъ на твое я не смотрѣла!

(Гвидо отстраняется; она, продолжая стоять
на колѣняхъ, хватаетъ его руки).

Нѣтъ, Гвидо, выслушай еще минуту.
Пока тебя не довелось мнѣ встрѣтить,
Я въ Падуѣ жила несчастной, правда,
Но никогда не мысля объ убійствѣ.
Я подчинилась грозному супругу,
Я исполняла всѣ его велѣнья

И, можетъ-быть, была. невиннѣй многихъ
Тѣхъ дѣвушекъ, которыя теперь
Отъ рукъ моихъ въ испугѣ отшатнутся.

(Встаетъ).

Но ты пришелъ; ахъ, Гвидо, въ первый разъ
Съ тѣхъ поръ, какъ съ Франціей рассталась я,
Я услышала ласковое слово

Изъ устъ твоихъ: да, да! О, только это!

Да, ты пришелъ, и я въ твоихъ глазахъ

Прочла обътъ любви; моей душѣ

Какъ музыка твои слова звучали.

Какъ я тебя любила! Но не смѣла

Я о любви тебѣ и намекнуть.

Къ моимъ ногамъ ты самъ склонился, Гвидо,

Давая клятвы,—какъ склоняюсь я.

(Вновь становится на колѣни).

Какъ сладостно въ моихъ ушахъ тѣ клятвы

Еще звучать,—о, вѣрила я имъ.

Ты клялся мнѣ въ любви, и я могла бы

(И тысячи другихъ такъ поступили бѣ!)

Сказать тебѣ: пойдн, убей его!

И если бѣ это сдѣлала я,—нынче

Я не лежала бѣ предъ тобой во прахѣ,

(встаетъ)

Но ты мнѣ клялся бы въ любви безмѣрной.

(Послѣ короткаго молчанія приближается къ нему робко).

Не знаю, понялъ ли меня ты, Гвидо:

Лишь для тебя свершила я убійство,

Что холодомъ мнѣ оковало кровь.

Лишь для тебя.

(Простирая руки)

Ты говорить не хочешь?

Люби меня хотя бѣ немного,—я

И дѣвушкой не знала ни любви

Ни дружбы.

Гвидо. Тяжело тебя мнѣ видѣть.

Мнѣ предлагаешь благосклонность ты,—

Отдай ее придворнымъ дамамъ.

Герцогиня.

Вотъ какъ!

Такъ говорить мужчина! Если бѣ ты

Принесъ ко мнѣ тяжелый грѣхъ на сердцѣ,

Убійство, совершенное за плату,—

Я съѣла бы у ложа твоего,

И стерегла бѣ всю ночь, и не дала бы

Раскаянью прійти и влить свой ядъ

Въ твой слухъ, и сонъ твой берегла бы зорко.

Преступникъ болѣе страдаетъ,—онъ

И болѣе нуждается въ любви.

Гвидо. Гдѣ преступленье, тамъ любви не мѣсто.

Герцогиня. Гдѣ преступленье, нѣтъ любви! О, Боже!

Мы, женщины, не такъ любить умѣемъ!

Какъ много въ Падуѣ есть бѣдныхъ женщинъ,—

Ремесленниковъ и рабочихъ жены,—

Мужья которыхъ заработокъ свой

Въ тавернахъ тратятъ на игру и пьянство,

И, приходя домой въ субботу ночью,

У очага потухшаго найдя

Жену съ ребенкомъ плачущимъ, безъ хлѣба,

Ее жестоко бьютъ за то, что плачетъ

Отъ голода ребенокъ, и за то,

Что въ домѣ холодно. А чтò жъ она?—

Любя его, все такъ же встанетъ утромъ,

Съ лицомъ, еще покрытымъ синяками,

Домъ подмететъ, исполнитъ всю работу,

И, улыбаясь, будетъ рада, если

Ее вторично мужъ не поколотитъ

Передъ дѣтьми!.. Вотъ женская любовь.

(Молчаніе. Гвидо не говоритъ ничего).

Нѣтъ, Гвидо, ты меня не оттолкнешь.

Подумай: мнѣ вѣдь некуда пойти.

Лишь для тебя я пролила ту кровь,

Лишь для тебя я погубила душу

И вѣчное спасенье.

Гвидо. Уходи.

Сталъ призракомъ убитый, и любовь,

Какъ призракъ тоже, здѣсь витаетъ грустно,

По дому, какъ по склепу, бродитъ, плача,

Что твой кинжалъ вонзился въ сердце ей.

Ты видишь этотъ призракъ?

Герцогиня. Вижу я,

Что отдаетъ своей любви мужчина

Лишь часть души,—а женщина любви

Всю душу отдаетъ. Я это вижу.

Гвидо. Прочь! Воскреси убитаго, тогда

Съ тобой я буду вновь.

Герцогиня. Ахъ, если бъ было

Убитаго возможно воскресить,

Вернуть его глазамъ потухшимъ зрѣнье,

Его языкъ умолкшій оживить

И сердце мертвое заставить биться!
Но этого нельзя; что было,—было;
Кто умерь, будеть мертвь; уже огонь
Не дастъ ему тепла, и зимній холодъ
Его не потревожить. Онъ—не здѣсь.
Пусть позовуть его, онъ не отвѣтитъ;
Пусть позабавятъ, онъ не засмѣется;
Пусть снова ранятъ, кровь не заструится.
Ахъ, если бъ воскресить его могла я!
О, Боже, поверни немного солнце,
Изъ книги жизни вырви эту ночь,
Да будетъ такъ, что не было ея!
Дай быть мнѣ той же, что и часъ назадъ!
Нѣтъ, время на мгновенье не замедлитъ,
Не повернется солнце, хоть бы голосъ
Раскаляюща охринѣ. Но ты, мой милый,
Ужель ни слова жалости не можешь
Сказать мнѣ? Гвидо, Гвидо, неужели
Поцѣловать меня не можешь ты?
Не брось меня въ отчаянье, въ безумье.
Вѣдь женщина теряетъ разумъ, если
Такъ смотрятъ на нее. Ужель меня
Не поцѣлуешь?

Гвидо (держа кивжалъ). Не могу тебя
Я цѣловать, когда твой ножъ въ крови.
(Яростно)

Вернись къ тому, кто былъ тобой убитъ!
Герцогиня (всходя на первыя ступени лѣстницы).
Вернусь къ нему. Да будетъ милосерднѣй
Къ тебѣ судьба, чѣмъ ты ко мнѣ сегодня.
Гвидо. Да будетъ милосерднѣй, если нынче
И я убійство совершу.

Герцогиня (спускаясь на нѣсколько ступеней). Убійство?
Убійство—жадно, малымъ недовольно,
И ненасытна смерть, его сестра;
Она по дому бродитъ, не уйдетъ,
Пока не обрѣтетъ себѣ подруги!
Смерть, погоди, я дамъ тебѣ слугу.
Бродитъ съ тобою! Перестань, убійство,
Кричать: ты скоро голодь свой насытишь.
На этотъ домъ до утра грянетъ буря,
Такая страшная, что мѣсяцъ въ небо
Отъ ужаса замретъ и поблѣднѣетъ.
Со стономъ вѣтеръ воетъ вокругъ, и звѣзды

Въ безумномъ бѣгѣ чертятъ небосводъ,
Какъ если бѣ ночь огнистыми слезами
О томъ рыдала, что увидитъ утро!
Плачь, горестное небо! Выплачь горе!
Хотя бѣ ты хлынуло потопомъ въ поле
И превратило землю въ море слезъ,
Все было бѣ мало!

(Ударъ грома).

Слышишь? Это—небо
Даетъ намъ знакъ. Проснулась месть, спустила
Своихъ собакъ на мѣръ. Обоимъ намъ
Она грозитъ. И тотъ, на чью главу
Небесный громъ падетъ, пусть бережется
Погибели въ огнѣ разящихъ молній!

(Блескъ молніи, сопровождаемый ударомъ грома).

Гвидо. Прочь! Прочь!

(Герцогиня уходитъ; когда она поднимаетъ алый занавѣсъ передъ дверью, она, обернувшись, одно мгновеніе смотритъ на Гвидо, но тотъ не дѣлаетъ ни одного движенія; раскатъ грома).

У ногъ вся жизнь, какъ гряда пепла;
Любовь сама себя убила; въ жизнь
Кровавою пятой вошло убійство.
Она свершила это; но меня
Она любила; любить и теперь:
Лишь для меня рѣшилась это сдѣлать.
О, какъ я былъ жестокъ съ ней. Беатриче,
Послушай, Беатриче, возвратись!

(Подымается по лѣстницѣ, когда слышится шумъ идущихъ солдатъ).

Что это? факелы? сюда идутъ?

Спаси ес, о, Боже!

(Шумъ усиливается).

Беатриче!

Еще бѣжать есть время! Возвратись!

Скорѣй!

(Слышенъ голосъ герцогини за сценой).

Герцогиня. Туда бѣжалъ убійца мужа.
(Внизъ по лѣстницѣ стремительно сбѣгаетъ отрядъ солдатъ; они сначала не замѣчаютъ Гвидо, пока герцогиня, окруженная слугами съ факелами, не появляется на верху лѣстницы и не указываетъ на него; Гвидо тотчасъ схватываютъ, и одинъ изъ солдатъ, вырвавъ у него изъ руки кинжалъ, показываетъ его передъ всѣми начальнику отряда. Картина).

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО АКТА.

АКТЪ IV.

Зала суда: стѣны обиты сѣрымъ тисненымъ бархатомъ; выше этой обивки стѣны красныя; золоченыя символическія фигуры поддерживаютъ потолокъ изъ красныхъ балокъ съ сѣрымъ карнизомъ и фризомъ; балдахинъ изъ бѣлаго атласа, вышитый золотыми цвѣтами, поставленъ для герцогини; ниже—длинная скамья, покрытая краснымъ сукномъ, для судей; еще ниже—столъ для судебныхъ писцовъ. Два солдата стоятъ по сторонамъ балдахина; два другихъ на стражѣ у двери; часть горожанъ уже пришла на судъ; другіе приходятъ, привѣтствуя другъ друга; два стража, въ лиловомъ одѣяніи, съ длинными бѣлыми жезлами, поддерживаютъ порядокъ.

Первый горожанинъ. Доброе утро, сосѣдь Антоніо.

Второй горожанинъ. Доброе утро, сосѣдь Доменико.

Первый горожанинъ. Страшный день для Падуи, не правда ли?—герцогъ умеръ.

Второй горожанинъ. Могу сказать, сосѣдь Доменико, что такого дня не бывало съ того времени, какъ умеръ послѣдній герцогъ.

Первый горожанинъ. Сперва будутъ судить его, а потомъ произнесутъ рѣшеніе, вѣдь такъ, сосѣдь?

Второй горожанинъ. Нѣтъ, такъ онъ, пожалуй, увернется отъ наказанія; они его сначала осудятъ, чтобы онъ получилъ свое, а судить будутъ потомъ, чтобы несправедливости не было.

Первый горожанинъ. Вѣрно, вѣрно, съ нимъ поступить круто, нечего сомнѣваться.

Второй горожанинъ. И впрямь это страшное дѣло—пролить кровь герцога.

Первый горожанинъ. Говорятъ, у герцоговъ кровь голубая.

Второй горожанинъ. Я такъ думаю, что у нашего герцога кровь была черная, какъ его душа.

Первый горожанинъ. Берегись, сосѣдь, на тебя посматриваетъ стражъ.

Второй горожанинъ. Чего мнѣ бояться, если онъ на меня смотритъ; онъ вѣдь не можетъ поколотить меня глазами.

Третій горожанинъ. А что вы думаете о молодчикѣ, всадившемъ ножъ въ герцога?

Второй горожанинъ. Человѣкъ очень милый, очень добрый, очень славный, и все же виноватъ въ томъ, что убилъ герцога.

Третій горожанинъ. Это онъ въ первый разъ; можетъ-

быть, судъ его и помилуетъ, такъ какъ раньше онъ ничего подобнаго не дѣлалъ.

Второй горожанинъ. Вѣрно.

Стражъ. Молчи, негодяй!

Второй горожанинъ. Развѣ я ваше зеркало, господинъ стражъ, что вы меня называете негодяемъ?

Первый горожанинъ. Вотъ идетъ одна изъ служанокъ. Ну, синьора Лючія, вы состоите при дворѣ, какъ поживаетъ бѣдная герцогиня, чтѣ ея милое личико?

Лючія. Ну, денекъ! Чтѣ за ужасный день! Чтѣ за день! Чтѣ за ужасъ! Ровно девятнадцать лѣтъ назадъ, въ іюнь, въ день святого Микеля, я вышла замужъ, а вотъ теперь августъ, и герцога зарѣзали. Посмотрите, какое совпаденіе.

Второй горожанинъ. Ужъ если это совпаденіе, то молодчика, пожалуй, не казнятъ: законъ противъ совпаденіи не поидеть.

Первый горожанинъ. Но какъ поживаетъ герцогиня?

Лючія. Да, я вѣдь знала, что надъ этимъ домомъ стряется несчастіе: шесть недѣль назадъ пироги пригорѣли на одинъ сокъ, а въ день святого Мартина, ночь вечеръ, палетѣлъ на огонь громадный мотылекъ съ крыльями,—я со-всѣмъ перенугалась.

Первый горожанинъ. Эхъ, кумушка, перейди къ герцогинѣ: чтѣ она?

Лючія. Вѣрно, самое время сиранивать объ пей; бѣдняжка чуть не помѣшалась. Всю ночь не спала, все ходила по комнатѣ. Ужъ я ее просила выпить вина покрѣпче или настойки, да лечь въ постель и поспать немного, чтобы силы подкрѣпить, но она отвѣтила, что боится увидѣть сонъ. Странный отвѣтъ, не правда ли?

Второй горожанинъ. Зпатные люди всегда съ придурью, это Богъ устроилъ за то, что у нихъ шелки да бархаты.

Лючія. Да, ужъ упаси насъ, Боже, отъ убійства, пока мы живы.

(Входитъ быстро Моранцоне).

Моранцоне. Герцогъ умеръ?

Второй горожанинъ. Ему ножъ воткнули въ сердце, а это никому не на пользу.

Моранцоне. Кого обвиняютъ въ убійствѣ?

Второй горожанинъ. Да обвиняемаго, синьоръ.

Моранцоне. А кто обвиняемый?

Второй горожанинъ. Да тотъ, кого обвиняютъ въ убійствѣ герцога.

Моранцоне. Я спрашиваю, какъ его зовуть?

Второй горожанинъ. Помилуй Богъ, зовуть, какъ окрестили, какъ же иначе?

Стражъ. Его зовуть Гвидо Ферранти, синьоръ.

Моранцоне. Я былъ почти увѣренъ въ этомъ раньше.
(Въ сторону)

Что герцога убилъ онъ, это странно,
Иное онъ задумывалъ. Но, вѣрно,
Когда онъ герцога увидѣлъ ночью,—
Его отца продавнаго злодѣя,—
Въ порывѣ страсти онъ забылъ свои
Безумныя мечташья о любви.
И пожелалъ отмытить; но странно только,
Что онъ не спасся.

(Поворачиваясь къ другимъ)

Какъ его схватили?

Третій горожанинъ. За волосы, должно-быть, синьоръ.

Моранцоне. Нѣтъ, кто его схватилъ?

Третій горожанинъ. Да тотъ, кто наложилъ на него руку.

Моранцоне. Кто поднималъ тревогу?

Третій горожанинъ. Этого не могу сказать вамъ, синьоръ.

Лючия. Сама герцогиня указала убійцу.

Моранцоне (въ сторону). Герцогиня? Это очень странно.

Лючия. Да, и въ рукѣ у него былъ кинжалъ, — собственный кинжалъ герцогини.

Моранцоне. Что вы сказали?

Лючия. Клянусь честью, герцогъ былъ убитъ кинжаломъ герцогини.

Моранцоне (въ сторону). Здѣсь есть какая-то тайна: я этого не понимаю.

Второй горожанинъ. Долго они что-то не идутъ.

Первый горожанинъ. По-моему, для преступника они ирдутъ слишкомъ въ-время.

Стражъ. Молчаніе въ судѣ!

Первый горожанинъ. Вы, господинъ стражъ, сами больше всѣхъ шумите своимъ крикомъ.

(Входитъ верховный судья и другіе судьи).

Второй горожанинъ. Кто это въ красномъ? палачъ?

Третій горожанинъ. Нѣтъ, это—верховный судья.

(Входитъ Гвидо подъ стражей).

Второй горожанинъ. Это, навѣрное, преступникъ.

Третій горожанинъ. У него видъ честный.

Первый горожанинъ. Этимъ-то онъ и плохъ: негодяи въ наши дни такъ похожи на честныхъ людей, что честному человѣку, для отличія, надо быть похожимъ на негодяя.

(Входитъ палачъ, который занимаетъ мѣсто сзади Гвидо).

Второй горожанинъ. Вотъ тамъ, должно-быть, палачъ. Господи! Какъ ты думаешь, топоръ отточенъ?

Первый горожанинъ. Поострѣ твоихъ остротъ; но лезвие направлено не на него, замѣть.

Второй горожанинъ (почесывая шею). По правдѣ сказать, непріятно быть поблизости отъ него.

Первый горожанинъ. Э, тебѣ-то его нечего бояться; простымъ людямъ головъ не рубятъ; ихъ просто вѣшаютъ. (Трубы за сценой).

Третій горожанинъ. Почему трубить? развѣ судъ кончился?

Первый горожанинъ. Нѣтъ, это для герцогини. (Входитъ герцогиня въ черномъ бархатномъ платьѣ; ея шлейфъ изъ чернаго бархата, вышитаго цвѣтами, несутъ два пажа, одѣтые въ лиловое; съ ней кардиналъ въ алой сутанѣ и придворные, всѣ въ черномъ; герцогиня садится на свой тронъ выше судей, которые встаютъ и снимаютъ шляпы при ея появленіи; кардиналъ садится рядомъ съ герцогиней, нѣсколько ниже ея; придворные располагаются вокругъ трона).

Второй горожанинъ. Бѣдняжка, какъ она блѣдна! Она сядетъ на тронъ?

Первый горожанинъ. Да, вѣдь она теперь у насъ вмѣсто герцога.

Второй горожанинъ. Это для Падуи хорошо; герцогиня очнь добрая и сострадательная герцогиня; она лѣчила у меня ребенка отъ лихорадки.

Третій горожанинъ. Да, и еще дала намъ хлѣба: но надо забывать про хлѣбъ.

Солдатъ. Добрые люди, отступите.

Второй горожанинъ. Если мы добрые, зачѣмъ намъ отступать?

Стражъ. Молчаніе въ судѣ!

Верховный судья. По вашему желанью, ваша свѣтлость,

Мы приступаемъ, если вамъ угодно,

Къ разбору дѣла, какъ убить былъ герцогъ.

(Герцогиня наклоняетъ голову въ знакъ согласія).

Пусть подойдетъ преступникъ. (Гвидо подводятъ).

Какъ тебя

Зовутъ?

Гвидо. Синьоръ, не важно это.

Верховный судья.

Гвидо

Ферранти,—такъ тебя здѣсь называли.

Гвидо. Не все ль равно мнѣ, буду я казнень

Подъ этимъ именемъ или подъ другимъ?

Верховный судья. Ты знаешь, по какому обвиненью

Тяжелому ты привлечень сюда;

А именно: что былъ тобой убитъ

Симоне Джессо, герцогъ Падуанскій.

Что можешь возразить ты?

Гвидо.

Ничего.

Верховный судья (вставая). Тогда нашъ долгъ...

Моранцоне (выступая изъ толпы). Помедлите, синьоръ.

Верховный судья. Кто ты, что предлагаешь правосудію

Помедлить?

Моранцоне. Если это правосудье,

Пускай оно свершится; если жъ нѣтъ...

Верховный судья. Кто это?

Барди.

Знатный человекъ: его

Знавалъ покойный герцогъ.

Верховный судья. Вы, синьоръ,

Явились въ-время, чтобъ увидать,

Какъ будетъ отомщенъ покойный герцогъ.

Вотъ человекъ, свершившій злое дѣло.

Моранцоне. Есть доказательства у васъ, синьоръ?

Верховный судья (показывая кинжалъ).

Вотъ этотъ окровавленный кинжалъ.

Онъ былъ изъ рукъ его, кровавыхъ тоже,

Солдатомъ вырванъ нынче ночью. Нужно ль

Иныхъ намъ доказательства!

Моранцоне (беретъ кинжалъ и приближается къ герцогинѣ).

Ваша свѣтлость,

Не этотъ ли кинжалъ вчера я видѣлъ

У васъ на поясѣ?

Герцогиня содрогается, но ничего не отвѣчаетъ).

Позвольте мнѣ,

Синьоръ, поговорить одну минуту

Съ несчастнымъ юношей.

Верховный судья. Синьоръ, охотно.

Быть-можетъ, вы его уговорите

Намъ сдѣлать полное признанье.

(Моранцоне подходитъ къ Гвидо, стоящему направо, и беретъ его за руку).

Моранцоне (вполголоса).

Гвидо!

Убила герцогиня. Я прочелъ

Признаше въ ея глазахъ. Ужели,
Ты думаешь, позволю я, чтобъ ты
Казненъ былъ за чужое преступленье!
Отецъ твой герцогомъ былъ преданъ: нынѣ
Его вдова здѣсь предаеть тебя.

Гвидо. Графъ, это сдѣлалъ я. Отмщенъ отецъ мой.
Чего жъ вамъ болѣе?

Верховный судья. Сознался онъ?

Гвидо. Я сознаю, что было свершено
Ужасное, постыдное убійство.

Первый горожанинъ. Ну, посмотрите, какое у него
доброе сердце: онъ совсѣмъ не похожъ на убійцу; они его
оправдаютъ.

Верховный судья. И это все?

Гвидо. Синьоръ, еще скажу я,
Что смертный грѣхъ—пролить чужую кровь.

Второй горожанинъ. Ему бы сѣдовало сказать это
палачу: дѣльное мнѣнiе.

Гвидо. Теперь, синьоръ, прошу я позволенья—
Здѣсь, передъ судомъ, открыто объяснить,
Что скрыто тайлаго въ убійствѣ этомъ,
И вамъ назвать того, кто эгой ночью
Кинжаломъ этимъ герцога убилъ.

Верховный судья. Ты можешь говорить.

Герцогиня (вставая). Нѣтъ, онъ не долженъ:
Не очевидно развѣ это дѣло?

Не онъ ли схваченъ ночью, во дворцѣ,
Въ плащѣ, залитомъ кровью?

Верховный судья (показывая ей книгу законовъ).
Ваша свѣтлость,

Прочтите, вотъ законъ.

Герцогиня (отталкивая книгу). Синьоръ, умѣстно ль,
Чтобъ человекъ, какъ этотъ, въ правѣ былъ
Здѣсь, предъ лицомъ народа, надругаться
Надъ герцогомъ, монимъ покойнымъ мужемъ,
Надъ честью города, и надо мной,
Быть-можетъ...

Верховный судья. Государыня, но—право?

Герцогиня. Опъ говорить не долженъ! Пусть ему
И ротъ заткнуть, когда взведутъ на плаху.

Верховный судья. Но право?

Герцогиня. Развѣ связаны мы правомъ?
Другихъ мы вяжемъ имъ.

Моранцоне.

Синьоръ, ужели

Допустите вы это беззаконье?

Верховный судья. Такихъ совѣтовъ, графъ, суду не
нужно.

Примѣръ опасный былъ бы, ваша свѣтлость,

Обычный нуть закона преграждать.

Беззаконію мы тѣмъ дадимъ возможность

Коснуться нашихъ золотыхъ вѣсовъ,

И беззаконіе тогда побѣду справить.

Барди. Нельзя мѣшать закону, ваша свѣтлость.

Герцогиня. Но, если, благородные синьоры,

Затронуть ваши земли и богатства,

И ваши безпредѣльные доходы

Осмѣлятся на грошъ одинъ уменьшить,—

Не будете вы говорить о правѣ

Съ такимъ упорствомъ важнымъ, какъ теперь.

Барди. На насъ клеветаете вы, ваша свѣтлость.

Герцогиня. Нѣтъ, я не клевету. И кто изъ васъ,

Въ своемъ дому застигнувъ ночью вора,

Несущаго въ мѣшкѣ домашній хламъ,

Съ нимъ станеть говорить, а не предасть

Его тотчасъ же въ руки сторожей,

Чтобъ отвести его въ тюрьму? Не такъ ли

Должны вы поступить, когда нашли

Убийцу въ комнатѣ дворца, съ руками,

Залитыми горячей кровью мужа?

Его должны вы привести на судъ

И подъ топоръ послать безъ промедленья.

Гвидо. О, Боже!

Герцогиня (къ верховному судѣ). Отвѣчайте.

Верховный судья.

Ваша свѣтлость,

Есть точные законы, по которымъ

Простой убійца все жъ имѣеть право

Отъ обвиненья лично защищаться.

Герцогиня. Синьоръ, предъ нами не простой убійца.

Онъ внѣ закона, онъ измѣнникъ низкій,

На наше герцогство онъ поднялъ руку.

Кто убиваетъ государя, съ нимъ

И государство поражаетъ вмѣстѣ;

Женъ дѣлаетъ вдовами, а дѣтей

Сиротами; подобенъ онъ врагу,

Пришедшему на насъ съ военной силой,

Ведя съ собой ряды венеціанцевъ,

Чтобъ стѣны Падуи низвергнуть въ прахъ.

Итъ, онъ для насъ опаснѣе врага.
Врата и стѣны, крѣпости и замки,
Что создано изъ дерева и камня,
Возможно возсоздать, но кто вернетъ
Жизнь моему убитому супругу,
Кто воскресить его?

Малффо. Клянусь я вѣрой,

Онъ не получить права говорить.

Джинно Вителлоццо. Похоже такъ, но слушайте.

Герцогиня.

Пускай

Посылетъ непломъ Падуя главу,
Повѣситъ всюду черныя знамена
И облечется въ трауръ. Только прежде,
Чѣмъ мы приступимъ къ горестнымъ обрядамъ,
Подумать должно о рукѣ преступной,
Готовившей погибель государству;
Пора убійцу бросить въ тѣсный домъ,
Гдѣ звуковъ нѣтъ, гдѣ малой горстью пыли
Навѣкъ замкнутся лживыя уста.

Гвидо. Пустите, стражи! Выслушай, судья!

Какъ не смиришь ты вольный океанъ,
Альпійскую грозу или зимній вѣтеръ,
Такъ тщетно мнѣ приказывать молчать!
Свои ножи въ меня сейчасъ вонзите,—
Всѣ раны тотчасъ обрѣтутъ языкъ
И будутъ вопіять!

Верховный судья. Синьоръ, напрасенъ

Такой иорывъ. Покуда судъ не дастъ

Тебѣ законно права защищаться,

Мы словъ твоихъ не примемъ во вниманье.

(Герцогиня смѣется, а Гвидо съ жестомъ отчаянья
отступаетъ назадъ).

Позвольте мнѣ и судьямъ, ваша свѣтлость,

Пройти въ другую комнату и тамъ

Всѣ затрудненья дѣла разобрать

И подыскать законы и примѣры.

Герцогиня. Синьоръ, идите, рассмотрите дѣло

И воспретите вольничать убійцѣ.

Моранцоне. Идите, судьи, и спросите совѣсть,

Возможно ли, не выслушавъ, казнить.

(Верховный судья и другіе судьи удаляются).

Герцогиня. Молчи, злой духъ моей несчастной жизни!

Ты всталъ вторично между мной и имъ,

По этотъ разъ, синьоръ, чередъ за мною.

Гвидо. Я не умру, не высказавъ всего.

Герцогиня. Умрешь и тайну унесешь съ собою.

Гвидо. Ты ль это, герцогиня Беатриче?

Герцогиня. Я—то, чѣмъ сдѣлалъ ты меня. Смотри:

Я рукъ твоихъ созданье.

Маффио. Не похожа ль

Она сейчасъ на бѣлую тигрицу,

Чтобъ Индія прислала дожу въ даръ?

Джеппо. Молчи, еще услышать.

Паллачъ. Бѣдный малый,

Зачѣмъ тебѣ охота говорить,

Когда топоръ уже виситъ надъ шеей?

Словами не притупишь острей.

Но если это такъ тебѣ желанно,

То попроси себѣ духовника:

Простые люди всѣ его зовутъ,

А онъ, я знаю, съ доброю душой.

Гвидо. Хоть смерть и ремесло твое, но все же

Ты былъ со мной любезнѣе другихъ.

Паллачъ. Спаси васъ Богъ, синьоръ, а я готовъ

Вамъ оказать послѣднюю услугу.

Гвидо (къ кардиналу).

Скажите, монсиньоръ, возможно ль, чтобы

Здѣсь, въ христіанскомъ городѣ, гдѣ ликъ

Спасителя глядитъ на насъ въ судѣ,—

Безъ исповѣди былъ казненъ несчастный?

Мнѣ запретятъ ли исповѣдать грѣхъ,

Тяжелый грѣхъ, въ душѣ лежащій камнемъ?

Герцогиня. Напрасно было бъ тратить время.

Кардиналь. Сынъ мой,

Въ дѣлахъ суда я власти не имѣю.

Нашъ долгъ тамъ начинается, гдѣ судъ

Кончается дѣло. И тогда тебя

Раскаяться мы будемъ убѣждать

И церкви на ухо повѣдать тайны

Твоей души грѣховной.

Герцогиня. Да, ты можешь

На исповѣди столько говорить,

Что у тебя отъ словъ распухнутъ губы,

Но здѣсь молчать ты долженъ.

Гвидо. Монсиньоръ,

Мнѣ въ этомъ мало утѣшенья.

Кардиналь. Сынъ мой,

Власть церкви переходитъ за предѣлы

Того комка земли, на коемъ мы—
Лишь прахъ, какъ говорить Иеронимъ.
И если ты раскаленнымъ умрешь,
Молитвами и мессами мы можемъ
Твоей душѣ въ чистилищѣ помочь.

Герцогиня. И если ты въ чистилищѣ увидишь
Покойнаго супруга, съ язвой въ сердцѣ,
Скажи ему, что посланъ мной.

Гвидо.

О, Боже!

Моранцоне. И эту женщину ты могъ любить!

Кардиналъ. Какъ вы къ нему жестоки, ваша свѣт-
лость.

Герцогиня. Не болѣе, чѣмъ во мнѣ онъ былъ жестокъ.

Кардиналъ. Пощада—украшенье государей.

Герцогиня. Я не щажу и не прошу пощады.

Онъ сердце обратилъ мнѣ въ твердый камень,

Онъ тернии посѣялъ въ чистомъ полѣ,

Онъ въ сердцѣ отравилъ источникъ блага,

Онъ вырвалъ съ корнемъ жалость изъ души;

Вся жизнь моя—голодная страна,

Въ которой все живое помертвѣло.

Я то, чѣмъ сдѣлалъ онъ меня.

(Герцогиня плачетъ).

Дженно.

Какъ странно,

Что герцога она любила такъ.

Малфю. Да, странно, если мужъ любимъ женою,

А если не любимъ,—еще страннѣе.

Дженно. Какой философъ ты, Петруччи!

Малфю.

Да,

Съ моею философией легко

Несчастія другихъ переношу я.

Герцогиня. Сѣдя борода довольно медлятъ.

Зовите ихъ, велите ихъ прійти,

А то боюсь, что сердце разорвется!

Ие потому, чтобъ мнѣ хотѣлось жить;

Богъ видитъ жизнь мою, въ ней мало счастья,

Но какъ-то страшно умереть одной

И въ адъ одной итти... Ахъ, монсеньоръ,

Вы видите, здѣсь, на моемъ челѣ,

Написано перомъ кровавымъ: Мсты!

Подайте мнѣ воды, я смою слово.

Мнѣ эти буквы выжгли нынче ночью,

Но днемъ я не могу ихъ выносить,

Онѣ мнѣ жгутъ и сунать мозгъ; подайте.

Мнѣ ножъ, не этотъ, нѣтъ, другой, я срубжу
Ихъ прочь съ чела!

Кардиналъ. Понятно, ваша свѣтлость,
Что гнѣваетесь вы на руку ту,
Что герцога предательски убила.

Герцогиня. А! Эту руку я сожгла бь въ огнѣ;
Но вѣчный пламень пусть палить ее!

Кардиналъ. Спаситель повелѣлъ—прощать врагамъ.

Герцогиня. Прощать? Мнѣ не прощали! Я не буду!

Но вотъ идутъ. Ну что жь, синьоръ, ну что жь?

(Входитъ верховный судья и другіе судьи).

Верховный судья. Всемилостивѣйшая герцогиня!

Мы долго обсуждали вашъ вопросъ

И, признавая мудрость вашихъ словъ,

Что исходили изъ прекрасныхъ устъ...

Герцогиня. Любезностей не надо, дальше!

Верховный судья. Мы

Нашли, что справедливо ваша свѣтлость

Считаетъ гражданина, кто насильемъ

Злоумышляетъ противъ государя,

Стоящимъ *ipso facto*—виѣ закона.

Онъ самъ себя лишилъ защиты права

И, ставъ измѣнникомъ, врагомъ народа,

Онъ можетъ каждымъ быть убитъ свободно,

Причемъ убившій не несетъ отвѣта.

И если будетъ онъ представленъ въ судъ.

Онъ долженъ тамъ въ почтительномъ молчаньи

Прослунать только должный приговоръ,

Лишившисьъ права защищать себя.

Герцогиня. Васъ отъ души благодарю, синьоръ.

Мнѣ вашъ законъ по сердцу, и прошу

Произнести скорѣе приговоръ.

Какъ, что-то есть еще?

Верховный судья. Да, ваша свѣтлость.

Нашъ обвиняемый—не падуанецъ.

Не здѣсь родившись, съ герцогомъ покойнымъ

Онъ клятвой вѣрности не связанъ; онъ

Ему служилъ, какъ могъ служить другому.

Итакъ, хотя онъ обвиненъ въ измѣнѣ,

За что законъ всегда караетъ смертию,

Но онъ по праву можетъ защищаться

Передъ лицомъ народа и суда.

Должны мы даже прямо настоять,

Чтобъ онъ свою защиту произнесъ,

Дабы тотъ городъ, гдѣ родился онъ,
Въ правосудіи не обвинилъ насъ
И противъ Падуи войны не началъ.
Такъ милосерды въ Падуѣ законы
По отношенію къ чужестранцамъ.

Герцогиня. Какъ!

Придворный мужа—чужестранецъ здѣсь?

Верховный судья. Да, только послѣ семилѣтней службы

Онъ можетъ въ Падуѣ стать гражданиномъ.

Гвидо. Васъ отъ души благодарю, синьоръ.

Мнѣ вашъ законъ по сердцу.

Второй горожанинъ. Мнѣ законы

Не по душѣ. Не будь законовъ, ихъ

Не нарушали бъ. Каждый былъ бы честенъ.

Первый горожанинъ. Вотъ умныя слова: ведутъ да-
леко.

Стражъ. На висѣлицу, другъ.

Герцогиня. Таковъ законъ?

Верховный судья. Таковъ законъ навѣрно, ваша
свѣтлость.

Герцогиня. Подайте книгу: онъ написанъ кровью.

Дженпо. Смотри на герцогиню.

Герцогиня. О, проклятый!

Я вырвала бъ тебя изъ нашей жизни,

Какъ вырываю здѣсь, изъ этой книги.

(Вырываетъ страницу).

Графъ Барди, подойдите; честны вы?

Доставьте быстро ко дворцу коня,

Въ Венецію мнѣ надо ѣхать тотчасъ.

Барди. Въ Венецію?

Герцогиня. Ни слова никому,

Исполните.

(Графъ Барди уходитъ).

Синьоръ, одну минуту.

Вы мнѣ сказали, что таковъ законъ,—

Нѣтъ, нѣтъ, не сомнѣваюсь, что вы правы,

Хоть въ дѣлѣ этомъ и не правъ законъ,—

Но объясните мнѣ, въ моей ли власти

Нашъ судъ отсрочить до другого дня?

Верховный судья. Нельзя отсрочить дѣло объ убійствѣ.

Герцогиня. Я слушать не хочу, какъ этотъ дерзкій

Безстыднымъ языкомъ порочить будетъ

Въ судѣ священную особу нашу.

Синьоры, мы уходимъ.

Верховный судья. Ваша свѣтлость,
Нельзя вамъ удалиться изъ суда,
Пока мы приговора не объявимъ.

Герцогиня. Нельзя, синьоръ? Но кто даетъ вамъ право
Мнѣ воспрещать, когда хочу уйти?
Какъ, развѣ я не герцогиня ваша?
Кто жъ править городомъ?

Верховный судья. Да, ваша свѣтлость,
Вы въ этомъ городѣ—источникъ права,
Оно изъ вашей воли истекаетъ;
Едва вы удалитесь, какъ рѣка,
Оно иссохнетъ. Вамъ уйти нельзя.

Герцогиня. Что жъ, ты меня удержишь противъ воли?

Верховный судья. Не должно вашей волѣ спорить
съ правомъ.

Герцогиня. А если силой я найду дорогу?

Верховный судья. Въ судѣ дорогу силой не находятъ.

Герцогиня. Я ухожу отсюда.

(Встаетъ съ трона).

Верховный судья. Гдѣ привратникъ?

(Привратникъ выступаетъ).

Ты знаешь долгъ свой.

(Привратникъ закрываетъ двери суда, на лѣвой сторонѣ сцены, и, когда герцогиня со свитой приближается къ нимъ, становится на колѣни).

Привратникъ. Ваша свѣтлость, я
Смирено васъ прошу не обращать
Моихъ обязанностей въ непочтенье,
Служенья моего—въ непослушанье.

Герцогиня. Ужель изъ васъ, синьоры, ни одинъ
Не уберетъ съ дороги болтуна?

Маффио (обнажая шпагу). Я это сдѣлаю!

Верховный судья. Графъ Маффио,
Не смѣйте. (Къ Джеппо)

Также вы, синьоръ. Кто первый

Подниметъ мечъ на служащихъ суда,—
Умретъ еще до сумерекъ.

Герцогиня. Синьоры,
Вложите въ ножны ваши шпаги. Я
Хочу признанія убійцы слышать.

(Возвращается на свой тронъ).

Моранцоне. Теперь врага въ рукахъ ты удержишь.

Верховный судья (держитъ песочные часы). Гвидо
Ферранти, ты, пока песокъ въ часахъ

Течеть, имѣешь право говорить,—

Не дольше.

Гвидо. Этого съ меня довольно.

Верховный судья. Уже стоишь ты на порогѣ смерти,

И говорить ты долженъ только правду,

Иное не поможетъ.

Гвидо. Если я

Скажу иное,—пусть меня казнягъ.

Верховный судья (перевертывая несочные часы).

Молчаніе—нока онъ говорить.

Стражъ. Молчаніе въ судѣ!

Гвидо. Синьоры, я,

Откуда рѣчь свою начать, не знаю:

Такъ это дѣло странно и ужасно.

Позвольте объяснить мнѣ, кто я родомъ.

Я—сынъ законный герцога Лоренцо,

Который былъ измѣнически преданъ

Тѣмъ гнуснымъ негодяемъ, кто такъ долго

Въ прекрасной Падуѣ, какъ герцогъ, правилъ.

Верховный судья. Остерегись, напрасно ты глумишься

Надъ герцогомъ, въ гробу лежащимъ нынѣ.

Малффо. Помилуй Богъ! Такъ, значить, онъ—законный

Властитель Пармы.

Джеппо. Виденъ въ немъ былъ рыцарь.

Гвидо. Я сознаюсь, что съ цѣлью правой мести,

Да, съ правой цѣлью отомстить убійцѣ,

Я къ герцогу на службу поступилъ,

Былъ хлѣбъ его, съ нимъ пилъ вино и былъ

Его товарищемъ. Я сознаюсь,

Что добивался дружбы я его,

Чтобъ мнѣ свои всѣ тайны онъ открылъ,

Чтобъ мнѣ сталъ довѣрять онъ, какъ когда-то

Ему отецъ покойный довѣрять.

Для этого я у него служилъ. (Къ палачу)

Топоръ помеди на меня клонить:

Кто знаетъ, мнѣ ли время умереть,

Нль голову другую плаха ждать.

Верховный судья. Песокъ въ часахъ не медлитъ.

Пристунай

Скорѣй къ разсказу, какъ убить былъ герцогъ.

Гвидо. Я буду кратокъ. Прошлой ночью, въ полночь,

Я во дворецъ взобрался по веревкѣ

Съ намѣреньемъ отмстить за смерть отца.

Да, съ этой цѣлью, сознаюсь, синьоры.

Все это я призналъ, и вотъ еще что:
Я подошелъ по лѣстницѣ до двери,
Ведущей въ спальню герцога, и руку
Я протянулъ къ пурпурной занавѣскѣ,
Дрожавшей и качавшейся подъ вѣтромъ;
Вдругъ бѣлый мѣсяцъ въ небѣ засіялъ,
Заливъ покой своимъ серебристымъ свѣтомъ,
Ночь для меня зажгла свои свѣтила,
И я увидѣлъ герцога въ постели.
И съ мыслью о возлюбленномъ отцѣ,
Котораго на эшафотъ послалъ онъ,
Схватилъ кинжалъ я, найденный случайно,
Тамъ, въ этой комнатѣ, и прямо въ сердце
Его вонзилъ презрѣнному убійцѣ!

Герцогиня (вставая съ трона). О!

Гвидо (неудержимо). Герцога убилъ я. Нѣтъ, синьоры,
Я милости не попрошу у васъ.

Пусть только не увижу я разсвѣта,
Встающаго надъ этимъ жалкимъ міромъ.

Верховный судья. Исполнимъ эту просьбу. Нынче ночью
Ты жизнь покончишь. Пусть его возьмутъ.

Пойдемте, ваша свѣтлость.

(Гвидо уходитъ; когда онъ проходитъ мимо герцогини, она простираетъ къ нему руки и стремительно встаетъ со своего трона).

Герцогиня. Гвидо! Гвидо! (Падаетъ безъ чувствъ. Картина).

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО АКТА.

А К Т Ъ V.

Темница въ падуанской тюрьмѣ; Гвидо спитъ на скамьѣ (слѣва); столъ, на которомъ стоитъ чаша (слѣва); пять солдатъ пьютъ и играютъ въ кости на углу каменнаго стола; у одного изъ нихъ фонарь, висящій на алебардѣ; факель вставленъ въ стѣну надъ головой Гвидо; въ глубинѣ два окна съ рѣшетками, между которыми дверь (посерединѣ), ведущая въ проходъ; на сценѣ полутьма.

1-й солдатъ (бросаетъ кости). Опять шестерки, милый Пьетро!

2-й солдатъ. Чортъ возьми, товарищъ, я больше съ тобой не играю. А то проиграю все.

3-й солдатъ. Все, кромѣ ума; ты этимъ крѣпокъ.

2-й солдатъ. Да, этого онъ съ меня не возьметъ!

3-й солдатъ. Какъ взять съ тебя то, чего у тебя нѣтъ.

Солдаты (громко смѣются). Ха-ха-ха!

1-й солдатъ. Тише! Вы заключеннаго разбудите; онъ спитъ.

2-й солдатъ. Чгò за бѣда! Онъ довольно выспится,

когда его похоронятъ. Вотъ, если бы мы его разбудили въ могилѣ, я думаю, онъ былъ бы радъ.

3-й солдатъ. Нѣтъ! Вѣдь когда онъ тамъ проснется, будетъ день Страшнаго суда.

2-й солдатъ. Зато и сдѣлалъ онъ страшное дѣло; ты подумай: убить одного изъ насъ, состоящихъ изъ плоти и крови, это — грѣхъ, а убить герцога — это уже преступленіе.

1-й солдатъ. Ну, это былъ дурной герцогъ.

2-й солдатъ. Поэтому онъ и не долженъ былъ его трогать; кто связывается съ дурными людьми, самъ отъ нихъ заражается.

3-й солдатъ. Чтò вѣрно, то вѣрно. А сколько ему лѣтъ?

2-й солдатъ. Довольно, чтобы поступать по-глупому, но мало, чтобы поступать по-умному

1-й солдатъ. Этакъ можетъ ему быть лѣтъ сколько угодно.

2-й солдатъ. Говорить, герцогиня хотѣла его помиловать.

1-й солдатъ. Да чтò ты?

2-й солдатъ. Да, и очень она просила верховнаго судью, только тотъ не согласился.

1-й солдатъ. А я думалъ, Пьетро, что герцогиня все можетъ.

2-й солдатъ. Вѣрно, судя по ея сложенію; никого и не видывалъ красивѣе.

Солдаты (смѣются). Ха-ха-ха!

1-й солдатъ. Я хотѣлъ сказать, что герцогиня все можетъ сдѣлать.

2-й солдатъ. Нѣтъ, потому что онъ преданъ судьямъ, а тѣ уже позаботятся, чтобы совершилось правосудіе,—тѣ, вмѣстѣ съ силачомъ Уго, палачомъ; а когда ему голову отрубятъ, вотъ тогда герцогиня можетъ его помиловать, если ей угодно; противъ этого нѣтъ законовъ.

1-й солдатъ. А мнѣ не думается, чтобы Уго-силачу, какъ ты его называешь, пришлось-таки въ концѣ концовъ дѣлать свое дѣло. Вѣдь этотъ Гвидо изъ знатныхъ и, значить, по закону, имѣетъ право раньше выпить ядъ, если это ему угодно.

3-й солдатъ. А если онъ не выпьетъ?

1-й солдатъ. Ну, тогда ему отрубятъ голову. (Стукъ въ дверь). Посмотри, кто тамъ?

(3-й солдатъ идетъ къ двери и смотритъ въ окошечко, продѣланное въ ней).

3-й солдатъ. Это, синьоръ, женщина.

1-й солдатъ. Красива?

3-й солдатъ. Не сумѣю сказать, она въ маскѣ.

1-й солдатъ. Только очень безобразныя или очень красивыя женщины всегда прячутъ свое лицо. Впусти ее.
(Солдатъ отпираетъ дверь, входитъ герцогиня въ маскѣ и въ плащѣ).

Герцогиня (къ 3-му солдату). Кто здѣсь начальникъ?

1-й солдатъ (выходя впередъ). Я, синьора.

Герцогиня. Я должна остаться съ узникомъ наединѣ.

1-й солдатъ. Очень жаль, синьора, но это невозможно.

(Герцогиня подаетъ ему перстень, тотъ, взглянувъ на него, возвращаетъ его съ поклономъ и дѣлаетъ знакъ солдатамъ).

Ступайте отсюда!

(Солдаты уходятъ).

Герцогиня. Ваши солдаты немного грубы.

1-й солдатъ. Они добрые ребята.

Герцогиня. Я выйду отсюда черезъ нѣсколько минутъ. Прикажите имъ, когда я буду проходить мимо, не подымать моей маски.

1-й солдатъ. Не безпокойтесь, синьора.

Герцогиня. У меня есть важныя причины на то, чтобы моего лица не видѣли.

1-й солдатъ. Синьора, съ этимъ перстнемъ вы можете приходите и уходите сколько вамъ угодно: это собственный перстень герцогини.

Герцогиня. Оставьте меня. (Солдатъ поворачивается, чтобы идти). Одну минуту, синьоръ. Въ какомъ часу назначена?..

1-й солдатъ. Намъ приказано, синьора, вывести его въ двѣнадцать часовъ; но я не думаю, чтобы онъ сталъ насъ дожидаться: по всей вѣроятности, онъ выпьетъ этотъ ядъ; люди палачей боятся.

Герцогиня. Это—ядъ?

1-й солдатъ. Да, синьора, самый вѣрный ядъ.

Герцогиня. Можете идти, синьоръ.

1-й солдатъ. Чортъ побери, красивая рука! Кто бы это могъ быть? Должно-быть, его возлюбленная. (Уходитъ).

Герцогиня (снимая маску).

О, наконецъ-то!—Можетъ онъ спастись

Въ плащѣ и маскѣ: съ нимъ мы сходны ростомъ,

Его—солдаты примутъ за меня...

А я? Мнѣ все равно. Лишь только бѣ онъ

Меня не ненавидѣлъ. А боюсь:

Онъ будетъ ненавидѣть,—и по праву.

Теперь одиннадцать; придуть въ двѣнадцать.

(Подходить къ столу).

Такъ это ядь. Не странно ль: въ этой чашѣ
Таится ключъ всей мудрости земной. (Береть чашу).

Онъ пахнетъ макомъ. Помню хорошо,
Когда жила въ Сициліи я, въ дѣтствѣ,
Я часто красный макъ рвала въ поляхъ,
Плела вѣнки, а мой суровый дядя,
Джованни изъ Неаполя, смѣялся.

Не знала я тогда, что можетъ макъ
Жизнь оборвать, остановить бѣшене
Въ усталомъ сердцѣ, кровь оледенить
Въ застывшихъ жилахъ, такъ что наше тѣло

Поволокутъ крюками и швырнутъ
Въ могилу общую. Да, наше тѣло,—
А чтѣ душа? На небо или въ адъ
Она пойдетъ. Куда жъ пойдетъ моя?

(Береть со стѣны факель и подходитъ къ постели Гвидо).

Какъ сонъ его спокоенъ! Спитъ, какъ мальчикъ,
Уставшій отъ игры. О, если бѣ я

Могла такъ спать. Но сны мнѣ снятся ночью!

(Наклоняясь надъ нимъ)

Чтѣ если поцѣлю я его?

Нѣтъ, я его устами обожгу!

Ему любви довольно. Все готово.

Изъ Падуи онъ нынче въ ночь уѣдетъ;

И это хорошо. Синьоръ судья,

Быть-можетъ, умны вы; но я умнѣе,

И это хорошо.—Какъ я любила!

Но изъ любви цвѣтокъ кровавый выросъ.

(Возвращается къ столу).

Лишь выпить этотъ сокъ,—всему конецъ.

Чѣмъ лучше ждать, когда захочетъ смерть

Прійти къ моей постели, съ черной свитой

Болѣзней, старости, бѣдъ, угрызений?

Ужель еще должна страдать я много?

Я слишкомъ молода, чтобъ умирать.

Но это надо. Почему же надо?

Онъ убѣжитъ сегодня. Кровь его

Меня не будетъ мучить. Нѣтъ, такъ надо.

Я грѣхъ свершила, и за это—смерть.

Меня любилъ онъ, и за это—смерть.

Меня не любить онъ, за это—смерть.

Я бѣ умерла счастливой, если бѣ онъ

Поцѣловаль меня; онъ не захочетъ.
Его не знала я, и мнѣ казалось,
Что онъ меня предасть суду. Какъ странно!
Мы, женщины, умѣемъ разгадать
Возлюбленнаго, лишь разставшись съ нимъ.

(Колоколь начинаетъ звонить).

Проклятый колоколь! какъ жадный волкъ,
Ты мѣдной глоткой вопиешь о смерти.
Добычи не получишь, замолчи!
Онъ шевельнулся,—я должна спѣшить.

(Береть въ руки чашу).

Любовь! любовь! любовь! не знала я,
Что такъ тебя я буду прославлять!

(Выпиваетъ ядъ и ставитъ чашу на столъ, сзади себя; этотъ шумъ будить Гвидо, онъ встаетъ, но не видитъ, что она сдѣлала. Минуту длится молчаніе, они смотрять другъ на друга).

Я не прощенія пришла просить:

Я знаю, ты просить меня не можешь.

Не будемъ говорить объ этомъ. Я

Во всемъ созналась судьямъ: говорили,

Что басней я тебя спасти хочу,

Что ты—сообщникъ мой, что милосердемъ

Играютъ женщины, какъ и любовью

Что я отъ горя разумъ потеряла;

Когда жъ крестомъ я поклялась, они

Послали за врачомъ,—лѣчить меня.

Ихъ было десять, Гвидо, десять противъ

Одной меня, и ты вопиѣ въ ихъ власти.

Я въ Падуѣ считаюсь герцогиней;

Не знаю, такъ ли это; я просила

Тебя помиловать, мнѣ отказали

Твердятъ, что ты измѣнникъ, что сама

Я это указала. Можеть-быгь

И черезъ часъ они придутъ сюда,

Тебя возьмутъ и уведутъ отсюда,

Связавши руки за спиной, заставятъ

На плахѣ на колѣни стать. Но я

Успѣла ихъ опередить. Возьми,—

Вотъ перстень съ государственной печатью;

Ты съ нимъ пройдеши свободно мимо стражи;

Вотъ плащъ и маска; данъ приказъ солдатамъ

Не трогать маски; миновавъ ворота,

Иди налѣво; предъ вторымъ мостомъ

Ждетъ конь тебя; ты будешь завтра утромъ

Въ Венеціи. (Молчаніе).

Что жъ ты не отвѣчаешь?

Меня проклясть не хочешь, уходя?

Ты—правъ. (Молчаніе).

Ты, кажется, меня не понялъ.

Между ударомъ палача и нами

Осталось столько времени, въ какое

Въ часахъ протечь успѣеть горсть иску

Изъ рукъ ребенка. Перстень—здѣсь. Возьми.

Нѣтъ больше крови на рукѣ моей.

Не отвергай ея. Ты взять не хочешь?

Гвидо (береть перстень и цѣлуетъ его). Возьму охотно.

Герцогиня.

И бѣги сейчасъ.

Гвидо. Бѣжать?

Герцогиня. Бѣжать скорѣе, нынче ночью.

Гвидо. Да, этой ночью я спасусь.

Герцогиня.

Да будетъ!

Гвидо. Я буду жить? Милѣй еще ни разу

Мнѣ не казалась жизнь.

Герцогиня.

Не медли, Гвидо.

Вотъ плащъ и маска. Конь—ждетъ у моста.

Налѣво, мостъ второй, у перевоза.

Не медли, Гвидо. Развѣ ты не слышишь

Ужасный колоколъ? Ударомъ каждымъ

Онъ огрываетъ у тебя минуты.

Слыши.

Гвидо. Все жъ онъ прійти успѣетъ.

Герцогиня.

Кто?

Гвидо (спокойно).

Палачъ.

Герцогиня. Нѣтъ, нѣтъ!

Гвидо.

Лишь онъ одинъ мнѣ можетъ

Изъ Падуи дорогу указать.

Герцогиня. Не смѣешь ты, нѣтъ, ты не смѣешь, Гвидо,

Вторымъ убійствомъ отягчить мнѣ душу.

Довольно одного! Когда предстану

На Божій судъ, я не хочу, чтобъ ты

Явился вслѣдъ, съ рубцомъ на бѣлой шеѣ,

И говорилъ, что я тебя убила.

Гвидо. Я остаюсь, синьора.

Герцогиня.

Ты не смѣешь.

Не понялъ развѣ ты, что нынче ночью

Я въ Падуѣ безсильна точно такъ же,

Какъ женщина любая: ты умрешь.

Я видѣла на площади помость,

Вокругъ него толпилась злая чернь,

Съ ужасными насмѣшками, со смѣхомъ,
Какъ будто передъ кукольнымъ театромъ,
А не предъ трономъ смерти. Гвидо, Гвидо,
Ты долженъ убѣжать.

Гвидо. Я остаюсь.

Герцогиня (ломаю руки). Ужели мало одного грѣха?
Ужели онъ долженъ возрастить второй,
Ужаснѣй перваго, чтобъ тотъ сталъ явнымъ?
Замкни грѣховъ утробу, загради.
И не хочу, чтобъ снова запятнала
Мнѣ руки кровь.

Гвидо (хватая ее за руку). Ужели такъ низко палъ я,
Что за тебя не смѣю умереть?

Герцогиня (вырывая руку).
Какъ, за меня?—но жизнь моя позорна
И брошена въ пыли земныхъ путей;
Ты за меня не долженъ умереть:
Я—грѣшница.

Гвидо. Пусть это скажетъ тотъ,
Кто не позналъ, что значитъ искушенье,
Кто не бродилъ, какъ мы съ тобой бродили,
Въ огнѣ страстей, чья жизнь блѣдна и скучна
Да, если есть на свѣтѣ человѣкъ,
Кто не любилъ ни разу, пусть въ тебя
Онъ броситъ камнемъ. Но не я.

Герцогиня. Увы!

Гвидо (падая къ ея ногамъ).
Ты—вся моя любовь и весь мой міръ!

О, золото волосъ! о, пурпуръ губъ!
Все это создано—лишь для любви!
Очарованья воплощенный образъ!
Тобой люблюсь, забываю все,
Тобой люблюсь, я съ тобой сливаюсь,
Тобой люблюсь, счастливъ я, какъ богъ.
Пусть будетъ тѣло брошено на плаху,
Моя любовь бессмертна!

(Герцогиня закрываетъ лицо руками; Гвидо отводитъ ихъ).

О, открой

Дрожащій завѣсъ этихъ милыхъ глазъ,
Чтобъ я сказалъ, глядя на эти очи,
Что никогда такъ не любилъ тебя.
Какъ нынѣ, въ часъ, когда насъ раздѣляютъ
Уста холодной смерти. Беатриче,
Я говорю тебѣ: люблю! Отвѣть же!

Да, я могу перенести топоръ,
Но не твое молчанье! Повтори же
Мое «люблю»! Скажи одно мнѣ слово,
И смерти притупится лезвее!
Но ты молчишь, и тысяча смертей
Въ сравненьи съ этимъ легче. Ты меня
Не любишь, ты жестока.

Герцогиня. Я не смѣю.
Я залила любви невинной руки
Багряной кровью. Здѣсь повсюду кровь.
Она вокругъ меня.

Гвидо. О, нѣтъ, не ты!
Какой-то дьяволъ искусилъ тебя.

Герцогиня (внезапно вставая).
Мы сами—дьяволъ свой, и цѣлый міръ
Мы превращаемъ въ адъ.

Гвидо. Такъ пусть мой рай
Низвергнуть будетъ въ Тартаръ. Этотъ міръ
Я въ небо превращу на эти миги!
О, если былъ здѣсь грѣхъ, то былъ онъ—мой.
Кто, какъ не я, вскормилъ убійство въ сердцѣ,
Имъ подслащая яства и вино,
Я герцога сто разъ на дно кинжаломъ
Пронзалъ въ мотъхъ мечтахъ. И если бь могъ онъ
Хоть въ половину умирать такъ часто,
Какъ я того желала,—всегда стояла бь
Смерть во дворцѣ и рыскала убійство,
Но ты, о, дорогая, ты жалѣла
Побитую собаку, на тебя
Съ восторгомъ улыбались дѣти, ты
Съ собой вносила всюду ясность солнца,
Ты, бѣлый ангелъ чистоты небесной,—
Не можешь быть виновна во грѣхѣ!
Что жь это было?

Герцогиня. Было чтѣ? Порою
Все, что свершилось, кажется мнѣ сномъ,
Что мнѣ послалъ какой-то демонъ злой,
Но тотчасъ вижу блѣдный ликъ во гробѣ
И сознаю, что то не сонъ, что руки
Мои въ крови, и что душа моя,
Въ своей любви искавшая пріюта
Подъ грозной бурей міра,—челнъ свой утлый
Разбила объ утесъ грѣха. Спросилъ ты,

Что́ это было? Ахъ,—одно убійство.

Ужасное убійство. Только это.

Гвидо. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! То былъ цвѣтокъ стра-
дальный

Твоей любви; въ единый мигъ онъ прожилъ
Жизнь скорби, и въ единый мигъ онъ далъ
Кровавый плодъ, который я въ мечтахъ
Срывалъ такъ много разъ. Моя душа
Была убійцей, руки были слабы;
Твоя душа—чиста, хотя руками
Свершила ты убійство. Беатриче,
За это я люблю тебя, и тотъ,
Кто въ милосердіи тебѣ откажетъ,
Да будетъ проклятъ. Поцѣлуй меня.

(Пытается поцѣловать ее).

Герцогиня (уклоняясь). Твои уста чисты, мои преступны.

Любовникомъ мнѣ было преступленье,
И грѣхъ со мной лежалъ на ложѣ. Нѣтъ!
Но, если любишь ты меня,—бѣги.
Вѣдь каждый мигъ подтачиваетъ жизнь
Твою, какъ червь. Бѣги, мой милый. Если
Ты вспомнишь обо мнѣ когда-нибудь,
То знай, что я тебя любила больше,
Чѣмъ могутъ полюбить другія! Помни,
Что я любви пожертвовала жизнью,
Но тѣмъ любовь убила... Что́ такое?
Звукъ колокола смолкъ. Я слышу ясно
По лѣстницѣ шаги солдатъ.

Гвидо (въ сторону). Идутъ
Уже за мной.

Герцогиня. Что́ жъ колоколъ замолкъ?

Гвидо. Онъ подалъ знакъ, что близится конецъ
Моей несчастной жизни въ этомъ мірѣ.
Но въ мірѣ лучшемъ будемъ мы съ тобой!

Герцогиня. Нѣтъ, нѣтъ, еще не поздно, поспѣши.
Конь у моста, бѣги, не медли, Гвидо.

(Шумъ солдатъ въ проходѣ).

Голосъ за дверью. Верховному судѣ́ дорогу!
(Сквозь рѣшетчатое окно видно, какъ проходитъ верховный судья,
предшествуемый людьми съ факелами).

Герцогиня. Поздно.

Голосъ за дверью. Дорогу палачу!

Герцогиня (падая). О! О!

(Видно, какъ палачъ проходитъ съ топоромъ на плечахъ, сопрово-
ждаемый монахами съ горящими свѣчами).

Гвидо. Прощай,

Моя любовь! Мнѣ должно выпить ядъ.
Я смерти не боюсь, но не хочу
Я умирать на площади, одинъ.
Здѣсь, здѣсь, въ твоихъ рукахъ, тебя цѣлуя,
Умру счастливымъ...

(Идетъ къ столу и беретъ чашу).

Какъ, она пуста?

Скуной тюремщикъ, пожалѣлъ ты яду!

Герцогиня (слабо). Его не обвиняй.

Гвидо. Какъ, это—ты?

Ты выжила? Скажи мнѣ, Беатриче,
Что нѣтъ.

Герцогиня. Когда бъ я стала отрицать,
Огонь, сжигающій мнѣ сердце, скоро
Тебѣ все объяснилъ бы.

Гвидо. Ты жестока,
Зачѣмъ мнѣ не оставила ни капли!

Герцогиня. Для одного лишь было здѣсь довольно.

Гвидо. О, нѣтъ ли яду на губахъ твоихъ? —
Его я поцѣлусь выпью!

Герцогиня. Нѣтъ!

Ты не убилъ и умереть не долженъ.

Убила я и умереть должна.

Ты помнишь: кровь за кровь. Кто такъ сказалъ?
Я позабыла.

Гвидо. Подожди. Умеремъ

Съ тобой мы вмѣстѣ!

Герцогиня. Нѣтъ, ты долженъ жить.

Есть въ мѣрѣ много женщинъ, и онѣ

Тебя полюбятъ, не свершивъ убійства.

Гвидо. Люблю одну тебя.

Герцогиня. Но умереть

Не долженъ ты!

Гвидо. Возлюбленная! Если

Умеремъ мы вмѣстѣ, можно будетъ лечь

И вмѣстѣ намъ въ могилу.

Герцогиня. Будетъ

Для ложа брачнаго тѣсна могила.

Гвидо. Достаточно для насъ!

Герцогиня. Ее закроютъ

Суровымъ саваномъ, полыню горькой;

Нѣтъ больше на могилахъ алыхъ розъ,

А если были, всё онъ увидал
Съ тѣхъ поръ, какъ мужъ убить мой.

Гвидо. Беатриче,

Есть розы устъ твоихъ,—тѣ не увянутъ!

Герцогиня. О, нѣтъ, въ могилѣ стану съкрытымъ прахомъ

Мои уста, какъ и твои глаза

Влюбленные въ глазницахъ помертвѣють,

И черви стася намъ изложутъ сердце.

Гвидо. Я не боюсь. Любовь сильнѣе смерти.

Во имя торжествующей любви

Умру съ тобою!

Герцогиня. Но въ могилѣ мрачно,

Въ гробу темно. Такъ, я иду впередъ,

Чтобъ свѣточи зажечь передъ тобою.

Нѣтъ, не хочу я смерти! не хочу!

О, милый мой, ты силенъ, молодъ, храбръ;

Стань между мной и ангелами смерти,

Сражайся съ ними за меня.

(Ставить Гвидо передъ собой).

Тебя

Я поцѣлую, если побѣдишь.

Ужель нѣтъ средствъ спасти меня отъ яда?

Ужель въ Италиі нѣтъ больше рѣкъ,

Что ты не хочешь дать мнѣ горсть воды,

Чтобъ загасить огонь!

Гвидо. О, Боже!

Герцогиня. Гвидо!

Что жъ ты скрывалъ, что засуха въ странѣ,

Что нѣтъ воды, и что вездѣ—огонь!

Гвидо. О, Беатриче!

Герцогиня. Позови врача,

Но не того, кто состоялъ при мужѣ,

Другого! Позови врача. Скорѣе.

Я знаю, есть лѣкарства противъ яда,—

Намъ продадутъ ихъ, если мы заплатимъ.

Скажи ему: я Падаю отдамъ

За часъ единый жизни! Умирать

Я не хочу. Мнѣ больно. Умираю,

Не прикасайся. Ядъ мнѣ сердце жжетъ.

Не знала я, какъ страшно умирать.

Я думала, что жизнь взяла себѣ

Всѣ муки. Нѣтъ, не такъ.

Гвидо. Гасите, звѣзды

Проклятыя, въ слезахъ свое сiянье!
Пусть мѣсяцъ не выходитъ нынче ночью!
Герцогиня. Зачѣмъ мы здѣсь? Мнѣ кажется, мой Гвидо,
Для брачной комнаты здѣсь слишкомъ бѣдно.
Уйдемъ скорѣй отсюда. Гдѣ же кони?
Давно пора въ Венецію намъ ѣхать.
Какъ холодно. Поскачемъ поскорѣй.

(Монахи начинаютъ пѣть за сценой).

Поютъ? Напѣвъ печаленъ. Но теперь
Вездѣ печаль,—не знаю, почему.
Не надо плакать: мы другъ друга любимъ;
Довольно этого. Зачѣмъ здѣсь смерть?
Кто васъ позвалъ за этотъ столъ, синьора?
Прочь! Ты намъ не нужна! Послушай, я
Пила не ядь, а въ честь твою вино.
Ложь, будто бы мной выпить ядь; онъ пролить
На землю, какъ та кровь. Ты опоздала.
Гвидо. Здѣсь никого нѣтъ съ нами, дорогая!
Все это—только призраки твои.
Герцогиня. Зачѣмъ ты медлишь, смерти! Стунай на-
верхъ;

Тамъ есть остатки послѣ похоронъ,
Возьми себѣ; мы здѣсь справляемъ свадьбу.
Тебѣ не мѣсто здѣсь. Къ тому же—лѣто.
Намъ пламени подобнаго не надо,
Ты насъ сожжешь. О, Гвидо, я горю!
О, помоги мнѣ! дай воды! воды!
Иль больше яду! Нѣтъ, вся боль прошла, —
Какъ странно: боли въ тѣлѣ не осталось,—
И смерть ушла,—какъ этому я рада.
Она—насъ разлучить хотѣла. Гвидо,
Жалѣешь ты, что встрѣтился со мной?
Гвидо. Безъ этого не стоило и жить,
Клянусь тебѣ! И многіе на свѣтѣ
Умрутъ охотно за подобный мигъ,
Но не найдутъ его!

Герцогиня. Ты не жалѣешь?
Какъ это странно!

Гвидо. Беатриче! Я
Лицомъ къ лицу стоялъ предъ красотой.
Довольно этого для нашей жизни.
О, милая! Я—счастливъ. Часто прежде
Сидѣлъ я на пирахъ, но что сравнится
Съ тѣмъ пиромъ, на которомъ мы теперь?

Здѣсь наши кравчіе—любовь и смерть,
Любили вмѣстѣ мы, умремъ мы вмѣстѣ.

Герцогиня. Всѣхъ женщинъ я преступнѣе была,

Всѣхъ женщинъ я наказана жесточе.

Ты вѣришь ли,—нѣтъ, это невозможно,—

Ты вѣришь ли, что съ рукъ моихъ любовь

Способна смыть кровавое пятно,

Бальзамомъ раны сердца окропить

И сдѣлать грѣхъ багряный чище снѣга?

Я много согрѣшила.

Гвидо. Тотъ невиненъ,

Кто согрѣшилъ изъ-за любви.

Герцогиня. Нѣтъ, много

Я согрѣшила, но, быть-можетъ, мнѣ

Простятъ за то, что я любила много!

(Они цѣлуютъ теперь другъ друга, впервые въ этомъ актѣ, но вдругъ герцогиня вскакиваетъ въ мучительной судорогѣ смерти, рветъ въ агоніи свои волосы и наконецъ, съ лицомъ измѣненнымъ и искаженнымъ болью, падаетъ мертвой на скамью. Гвидо, выхвативъ у нея изъ-за пояса кинжалъ, закалывается; падая на ея колѣни, онъ увлекаетъ плащъ, повѣшенный на спинкѣ скамьи, и покрываетъ ее всю этимъ плащомъ. Нѣсколько мгновений длится молчаніе. Потомъ изъ прохода слышны шаги солдатъ; дверь открывается, и входятъ: верховный судья, палачъ и стражи; они видятъ фигуру, покрытую чернымъ, и Гвидо, лежащаго мертвымъ у ея ногъ. Верховный судья устремляется впередъ и подымаетъ плащъ съ герцогини, лицо которой теперь подобно мрамору и исполнено мира, какъ знакъ, что Богъ простилъ ее. Картина).

Конецъ пьесы.

1882—1883.

САЛОМЕЯ.

Драма въ одномъ дѣйствіи.

Другу моему Пьеру Луису.

Переводъ съ французскаго оригинала К. Д. Бальмонта и Ен. Андреевой.

ДѢЙСТВУЮЩИЯ ЛІЦА:

Иродъ Антиппа, тетрархъ Іудей.
Іоканаанъ, пророкъ.
Молодой сиріецъ, начальникъ отряда тѣлохранителей.
Тигеллинъ, молодой римлянинъ.
Канпадокіецъ.
Нувіецъ.
Первый солдатъ.
Второй солдатъ.
Пажъ Иродіады.
Іудей, назаряине и пр.
Равъ.
Нааманъ, палачъ.
Иродіада, жена тетрарха.
Саломея, дочь Иродіады.
Равыни Саломей.

СЦЕНА

Обширная терраса во дворцѣ Ирода, къ которой примыкаетъ пиршественная зала. Солдаты стоятъ, облокотившись на балконъ. Направо огромная лѣстница. Налѣво, въ глубинѣ, старый водоемъ, съ краями изъ зеленой бронзы. Свѣтъ луны.

Молодой сиріецъ. Какъ красива царевна Саломея сегодня вечеромъ!

Пажъ Иродіады. Посмотри на луну. Станный видъ у луны. Она какъ женщина, встающая изъ могилы. Она по-

хожа на мертвую женщину. Можно подумать — она ищетъ мертвыхъ.

Молодой сиріецъ. Очень странный видъ у нея. Она похожа на маленькую царевну въ желтомъ покрывалѣ, ноги которой изъ серебра. Она похожа на царевну, у которой ноги, какъ двѣ бѣлыя голубки. Можно подумать — она тацуетъ.

Пажъ Иродіады. Она какъ мертвая женщина. Она медленно движется. (Шумъ въ пиршественной залѣ).

Первый солдатъ. Какой шумъ! Что за дикіе звѣри ревуть тамъ?

Второй солдатъ. Юдеи. Они всегда такъ. Спорять о своей вѣрѣ.

Первый солдатъ. Почему они спорять о своей вѣрѣ?

Второй солдатъ. Не знаю. Они всегда такъ. Фарисеи утверждаютъ, напримѣръ, что есть ангелы, а саддукеи говорятъ, что ангеловъ не существуетъ.

Первый солдатъ. Я нахожу, что смѣшно спорить о такихъ вещахъ.

Молодой сиріецъ. Какъ красива царевна Саломея сегодня вечеромъ!

Пажъ Иродіады. Ты постоянно смотришь на нее. Ты слишкомъ много смотришь на нее. Не надо такъ смотрѣть на людей. Можетъ случиться несчастіе.

Молодой сиріецъ. Она очень красива сегодня вечеромъ.

Первый солдатъ. У тетрарха мрачный видъ.

Второй солдатъ. Да, у него мрачный видъ.

Первый солдатъ. Онъ смотритъ на что-то.

Второй солдатъ. Онъ смотритъ на кого-то.

Первый солдатъ. На кого онъ смотритъ?

Второй солдатъ. Я не знаю.

Молодой сиріецъ. Какъ царевна блѣдна! Я никогда не видѣлъ, чтобы она была такъ блѣдна. Она похожа на отраженіе бѣлой розы въ серебряномъ зеркалѣ.

Пажъ Иродіады. Не надо смотрѣть на нее. Ты слишкомъ много смотришь на нее!

Первый солдатъ. Иродіада наполнила кубокъ тетрарха.

Каппадокіецъ. Это царица Иродіада, та вонъ, въ черномъ уборѣ, усѣянномъ жемчугомъ, и у которой волосы напудрены голубымъ?

Первый солдатъ. Да, это Иродіада. Супруга тетрарха.

Второй солдатъ. Тетрархъ очень любитъ вино. У него есть три сорта вишъ. Одно съ острова Самоѳракіи, пурпурное, какъ мантия цезаря.

Каппадокиецъ. Я никогда не видѣлъ цезаря.

Второй солдатъ. Другое съ острова Кипра, оно желтое, какъ золото.

Каппадокиецъ. Я очень люблю золото.

Второй солдатъ. И третье вино — сицилійское. Это вино — красное, какъ кровь.

Нубиецъ. Боги моей страны очень любятъ кровь. Въ годъ два раза мы приносимъ имъ въ жертву юношей и дѣвушекъ: пятьдесятъ юношей и сто дѣвушекъ. Но, должно-быть, мы все недостаточно даемъ имъ, потому что они очень суровы къ намъ.

Каппадокиецъ. Въ моей странѣ нѣтъ больше боговъ, ихъ выгнали римляне. Нѣкоторые говорятъ, что они бѣжали въ горы, но я этому не вѣрю. Я три ночи провелъ въ горахъ и искалъ ихъ всюду. Я ихъ не нашелъ. Наконецъ я сталъ ихъ звать по именамъ, но они не появились. Я думаю, они умерли.

Первый солдатъ. Иудеи молятся богу, котораго нельзя видѣть.

Каппадокиецъ. Я не могу понять этого.

Первый солдатъ. Словомъ, они вѣрятъ только въ то, чего нельзя видѣть.

Каппадокиецъ. Мнѣ это кажется очень смѣшнымъ.

Голосъ Иоканаана. За мною придетъ другой, кто сильнѣе меня. Я не достоинъ развязать ремни сандалій Его. Когда Онъ придетъ, пустыня возликуетъ. Она рѣдѣетъ, какъ лилія. Глаза слѣпыхъ увидятъ свѣтъ, и уши глухихъ раскроются. Вновь рожденный положить руку на логовище драконовъ и поведетъ львовъ за гриву ихъ.

Второй солдатъ. Заставь его замолчать. Онъ всегда говоритъ вздоръ.

Первый солдатъ. Ну нѣтъ, это святой человекъ. Онъ очень кроткій. Я каждый день ношу ему пищу. Онъ меня всегда благодарить.

Каппадокиецъ. Кто онъ такой?

Первый солдатъ. Онъ пророкъ.

Каппадокиецъ. Какъ его зовутъ?

Первый солдатъ. Иоканаанъ.

Каппадокиецъ. Откуда онъ?

Первый солдатъ. Изъ пустыни, гдѣ онъ питался акридами и дикимъ медомъ. На немъ было платье изъ верблюжьей шерсти, а на чреслахъ кожаный поясъ. Онъ былъ очень дикій на видъ. Большая толпа слѣдовала за нимъ. У него были даже ученики.

Каппадокіецъ. А что онъ говорить?

Первый солдатъ. Мы этого никогда не знаемъ. Иногда онъ говорить ужасныя вещи, но понять его невозможно.

Каппадокіецъ. Можно его увидѣть?

Первый солдатъ. Нѣтъ. Тетрархъ не позволяетъ.

Молодой сиріецъ. Царевна спрятала лицо свое за вѣрвь! Ея маленькія бѣлыя руки движутся, какъ голубки, что улетаютъ къ своей голубятнѣ. Онѣ похожи на бѣлыхъ бабочекъ. Онѣ совсѣмъ, какъ бѣлыя бабочки.

Пажъ Иродіады. Но что тебѣ до этого? Зачѣмъ ты смотришь на нее? Не надо такъ смотрѣть на нее. Можетъ случиться несчастье.

Каппадокіецъ (указывая на водоемъ). Какая странная тюрьма!

Второй солдатъ. Это старый водоемъ.

Каппадокіецъ. Старый водоемъ! Тамъ должно быть очень нездорово.

Второй солдатъ. Нѣтъ. Братъ тетрарха, напимѣръ, его старшій братъ, первый мужъ царицы Иродіады, былъ заключенъ тамъ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ. И не умеръ. Его подъ конецъ пришлось задушить.

Каппадокіецъ. Задушить? Кто же осмѣлился это сдѣлать?

Второй солдатъ (указывая на палача, большого негра). Воцъ тотъ, Нааманъ.

Каппадокіецъ. Онъ не побоялся?

Второй солдатъ. Нѣтъ. Тетрархъ послалъ ему перстень.

Каппадокіецъ. Какой перстень?

Второй солдатъ. Перстень смерти. Такъ что онъ не боялся.

Каппадокіецъ. Все же ужасно задушить царя.

Первый солдатъ. Почему? У царей такая же шея, какъ у другихъ людей.

Каппадокіецъ. Мнѣ кажется, что это ужасно.

Молодой сиріецъ. Царевна встаетъ! Она выходитъ изъ-за стола! У нея очень скучающій видъ. А! Она идетъ сюда. Да, она идетъ къ намъ. Какъ она блѣдна! Я никогда не видѣлъ, чтобы она была такъ блѣдна.

Пажъ Иродіады. Не смотри на нее. Я прошу тебя, не смотри на нее.

Молодой сиріецъ. Она, какъ голубка, которая заблудилась... Она, какъ нарциссъ, колеблемый вѣтромъ... Она похожа на серебряный цвѣтокъ.

(Входитъ Саломея).

Саломея. Я не останусь тамъ. Я не могу тамъ оста-

ваться. Чтѣ онъ все смотритъ на меня, тетрархъ, своими глазами крота изъ-подъ дрожащихъ вѣкъ? Странно, что мужъ моей матери такъ на меня смотритъ. Я не знаю, чтѣ это значить... Впрочемъ, нѣтъ, я это знаю.

Молодой сиріецъ. Ты покинула пиръ, царевна?

Саломея. Какой свѣжій воздухъ здѣсь! Наконецъ здѣсь можно дышать! Тамъ внутри — іудеи изъ Іерусалима, которые рвутъ другъ друга на части изъ-за своихъ глупыхъ обрядовъ, и варвары, которые пьютъ, не переставая, и льютъ вино на полъ, на плиты, и греки изъ Смирны съ своими накрашенными глазами, парумяненными щечками, съ завитыми колечками волосами, и египтяне, молчаливые, хитрые, съ ногтями изъ зеленака, въ коричневыхъ плащахъ, и римляне, грубые, тяжеловѣсныя, ругающіеся. Ахъ, какъ я ненавижу римлянъ! Самые послѣдніе люди, а изображаютъ изъ себя знатныхъ господъ.

Молодой сиріецъ. Не хочешь ли ты съѣсть, царевна?

Пажъ Иродіады. Зачѣмъ говорить съ нею? Зачѣмъ смотрѣть на нее? О! случится несчастье

Саломея. Какъ хорошо смотрѣть на луну. Она похожа на маленькую монету. Она совсѣмъ какъ маленькій серебряный цвѣтокъ. Она холодная и цѣломудренная, луна... О, навѣрно, она дѣвственница. У нея красота дѣвственности... Да, она дѣвственница. Она никогда не была осквернена. Она никогда не отдавалась людямъ, какъ другія богини.

Голосъ Іоканаана. Онъ пришелъ, Господь! Онъ пришелъ, Сынъ Человѣческій. Кентавры скрылись въ рѣкахъ, и сирени покинули рѣки и скрылись въ чащѣ лѣсовъ.

Саломея. Кто прокричалъ это?

Второй солдатъ. Это пророкъ, царевна.

Саломея. А! Это пророкъ, котораго боится тетрархъ.

Второй солдатъ. Объ этомъ мы ничего не знаемъ, царевна. Это пророкъ Іоканаанъ.

Молодой сиріецъ. Прикажешь, чтобы тебѣ принесли посылки, царевна? Въ саду очень хорошо.

Саломея. Онъ говоритъ чудовищныя вещи о моей матери, правда?

Второй солдатъ. Мы никогда не понимаемъ, чтѣ онъ говоритъ, царевна.

Саломея. Да, онъ говоритъ чудовищныя вещи о ней.

Рабъ. Царевна, тетрархъ проситъ тебя вернуться на пиръ.

Саломея. Я не вернусь туда.

Молодой сиріецъ. Прости, царевна, но, если ты не вернешься туда, можетъ случиться несчастье.

Саломея. Онъ старикъ, этотъ пророкъ?

Молодой сиріецъ. Царевна, лучше было бы вернуться. Позволь мнѣ проводить тебя.

Саломея. Пророкъ... старикъ?

Первый солдатъ. Нѣтъ, царевна, онъ совсѣмъ молодой.

Второй солдатъ. Это неизвѣстно. Нѣкоторые говорятъ, что это Илія.

Саломея. Кто это Илія?

Второй солдатъ. Очень древній пророкъ этой страны, царевна.

Равъ. Какой отвѣтъ мнѣ передать тетрарху отъ царевны?

Голосъ Іоканаана. Не лжуй, страна Палестины, ибо бичъ того, кто бичевалъ тебя, преломился. Изъ рода змія пойдетъ василискъ, и то, что родится, поглотитъ птицъ.

Саломея. Какой странный голосъ! Мнѣ хотѣлось бы говорить съ нимъ.

Первый солдатъ. Это, вѣрно, невозможно, царевна. Тетрархъ не хочетъ, чтобы съ нимъ говорили. Онъ запретилъ даже первосвященнику говорить съ нимъ.

Саломея. Я хочу говорить съ нимъ.

Первый солдатъ. Это невозможно, царевна.

Саломея. Я хочу.

Молодой сиріецъ. Въ самомъ дѣлѣ, царевна, лучше было бы вернуться на ниръ.

Саломея. Выведите сюда пророка.

Первый солдатъ. Мы не смѣемъ, царевна.

Саломея (подходить къ краю водоема и смотреть въ глубь его). Какъ тамъ темно! Ужасно, должно-быть, сидѣть въ такой темной дырѣ! На могилу похоже... (Къ солдатамъ) Вы не поняли меня? Выведите его сюда. Я хочу его видѣть.

Второй солдатъ. Царевна, я прошу тебя, не требуй этого отъ насъ.

Саломея. Вы заставляете меня ждать.

Первый солдатъ. Царевна, наши жизни тебѣ принадлежатъ, но то, что ты хочешь, мы не можемъ сдѣлать... И не къ намъ тебѣ нужно обращаться.

Саломея (смотреть на молодого сирійца). А!

Пажъ Иродіады. О! Что будетъ? Я увѣренъ, что случится несчастіе.

Саломея (подходя къ молодому сирійцу). Нарработь, ты это сдѣлаешь для меня, вѣдь правда? Ты это сдѣлаешь для меня? Я къ тебѣ всегда была расположена. Не правда ли, ты это сдѣлаешь для меня? Я только посмотрѣть хочу на него, на этого страннаго пророка. О немъ такъ много

говорилл. Я такъ часто слышала, какъ говорилъ о немъ тетрархъ. Мнѣ кажется, онъ боится его, тетрархъ. Я увѣрена, что онъ боится его... А ты, Нарработъ, ты тоже боишься его?

Молодой сиріецъ. Я не боюсь его, царевна, я никого не боюсь. Но тетрархъ сгрозайше запретилъ, чтобы кто-нибудь приподнималъ крышку съ этого водоема.

Саломея. Ты сдѣлаешь это для меня, Нарработъ, и завтра, когда я въ своихъ носилкахъ поровниюсь съ дверями торгующихъ идолами, я уроню для тебя маленькій цвѣтокъ, маленькій зеленый цвѣтокъ.

Молодой сиріецъ. Царевна, я не могу, я не могу.

Саломея (улыбаясь). Ты это сдѣлаешь для меня, Нарработъ. Ты же знаешь, что ты это сдѣлаешь для меня. И завтра, когда мои носилки поровняются на мосту съ тѣми, что торгуютъ идолами, я посмотрю на тебя сквозь кисейныя завѣсы, я посмотрю на тебя, Нарработъ, и, можетъ-быть, я улыбнусь тебѣ. Посмотри на меня, Нарработъ. Посмотри на меня. А, ты знаешь навѣрно, что ты сдѣлаешь то, о чемъ я тебя прошу. Ты это навѣрно знаешь, не правда ли?.. Я это знаю навѣрно.

Молодой сиріецъ (дѣлаетъ знакъ третьему солдату). Выведите сюда пророка... Царевна Саломея хочетъ его видѣть.

Саломея. А!

Пажъ Иродіады. О! Какой странный видъ у луны! Какъ будто это рука мертвой, которая хочетъ закрыться саваномъ.

Молодой сиріецъ. Очень странный видъ у нея. Она какъ маленькая царевна съ глазами изъ янтаря. Сквозь облака кисеи она улыбается, какъ маленькая царевна. (Пророкъ выходитъ изъ водоема. Саломея смотритъ на него и отступаетъ).

Иоканаанъ. Гдѣ тотъ, чаша скверны котораго уже преисполнена? Гдѣ тотъ, что однажды, въ одеждѣ изъ серебра, умретъ передъ лицомъ всего народа? Скажите, чтобы онъ пришелъ сюда, дабы онъ, вялъ голосу того, кто зывалъ въ пустыняхъ и въ дворцахъ царей.

Саломея. О комъ говорить онъ?

Молодой сиріецъ. Этого никогда не знаешь, царевна.

Иоканаанъ. Гдѣ та, что, увидѣвъ мужей, на стѣнѣ изображенныхъ, лики халдеевъ, означенныхъ красками, предалась похоти глазъ своихъ и отравила пословъ въ Халдею?

Саломея. Онъ говоритъ о моей матери.

Молодой сиріецъ. О, нѣтъ, царевна.

Саломея. Да, онъ говоритъ о моей матери.

Иоканаанъ. Гдѣ та, что отдалась военачальнику ассирійцевъ, которые носятъ перевязи на чреслахъ и разноцвѣтные вѣнички на головахъ? Гдѣ та, что отдавалась юношамъ Египта, одѣтымъ въ полотно и гіацинты, носящимъ золотые щиты и серебряные шлемы, имъ, что росли тѣломъ? Пусть встанетъ она съ ложа безстыдства своего, съ ложа кровосмѣшенія, и услышитъ слова того, кто приготавливаетъ путь Господень, дабы покаялась во грѣхахъ своихъ. Хотя она и не раскается никогда и будетъ пребывать въ своей сквернѣ, пусть придетъ, ибо Господь уже держитъ бичъ въ рукахъ Своихъ.

Саломея. Но онъ ужасенъ, онъ ужасенъ

Молодой сиріецъ. Не оставайся здѣсь, царевна, я прошу тебя.

Саломея. Самое ужасное—это его глаза. Они точно черныя дыры, прожженные факелами въ тирскихъ коврахъ. Точно черныя пещеры, гдѣ живутъ драконы, черныя пещеры Египта, гдѣ находятъ себѣ пристанище драконы. Точно черныя озера, возмущенныя призрачными озерами... Вы думаете, онъ будетъ еще говорить?

Молодой сиріецъ. Не оставайся здѣсь, царевна, я прошу тебя, не оставайся здѣсь.

Саломея. Какъ онъ худъ! Онъ похожъ на тонкую фигуру изъ слоновой кости. Точно фигура изъ серебра. Я увѣрена, что онъ цѣломудренъ, какъ мѣсяць. Онъ похожъ на лунный лучъ, на серебряный лунный лучъ. Его тѣло, должно быть, очень холодное, какъ слоновая кость... Я хочу видѣть его вблизи.

Молодой сиріецъ. Нѣтъ, нѣтъ, царевна.

Саломея. Мнѣ надо посмотрѣть на него вблизи.

Молодой сиріецъ. Царевна! Царевна!

Иоканаанъ. Что это за женщина смотритъ на меня? Я не хочу, чтобы она смотрѣла на меня. Что она смотритъ на меня своими золотыми глазами подъ золотыми вѣками? Я не знаю, кто она. Не хочу знать, кто она. Пусть она уйдетъ. Не съ ней хочу я говорить.

Саломея. Я Саломея, дочь Иродіады, царевна іудейская.

Иоканаанъ. Прочь! Дочь Вавилона! Не приближайся къ избраннику Господню. Твоя мать наполнила землю виномъ своихъ злодѣяній, и крикъ грѣховъ ея достигъ ушей Господнихъ.

Саломея. Говори еще, Иоканаанъ. Твой голосъ пльиить мени.

Молодой сиріецъ. Царевна! Царевна! Царевна!

Саломея. Говори еще. Говори еще, Иоканаанъ, и скажи мнѣ, что мнѣ дѣлать.

Иоканаанъ. Не приближайся ко мнѣ, дочь Содома, закрой лучше покрываломъ твое лицо, посыпь главу твою пшломъ и бѣги въ пустыню искать Сына Человѣческаго.

Саломея. Кто это Сынъ Человѣскій? Онъ такъ же красивъ, какъ ты, Иоканаанъ?

Иоканаанъ. Прочь! Прочь! Я слышу во дворцѣ взмахи крыльевъ ангела смерти.

Молодой сиріецъ. Царевна, я молю тебя, вернись!

Иоканаанъ. Ангель Господень, зачѣмъ ты здѣсь съ мечомъ своимъ? Чтѣ ищешь ты въ этомъ нечестивомъ дворцѣ?.. Не настала еще день того, кто умретъ въ сребряной одеждѣ.

Саломея. Иоканаанъ!

Иоканаанъ. Кто говоритъ?

Саломея. Иоканаанъ! Я влюблена въ твое тѣло! Твое тѣло бѣлое, какъ лилія луга, который еще никогда не косили. Твое тѣло бѣлое, какъ снѣга, что лежатъ на горахъ Іудеи и нисходятъ въ долины. Розы въ саду аравійской царицы не такъ бѣлы, какъ твое тѣло. Ни розы въ саду царицы аравійской, благоуханномъ саду царицы аравійской, ни стопы утренней зари, скользящей по листьямъ, ни луно, когда она поконтся на лонѣ моря... Нѣтъ ничего на свѣтѣ бѣлѣе твоего тѣла. Дай мнѣ коснуться твоего тѣла!

Иоканаанъ. Прочь, дочь Вавилона! Черезъ женщину зло пришло въ міръ. Не говори со мной. Я не хочу слушать тебя. Я слушаю только слова Господа Бога.

Саломея. Твое тѣло отвратительно. Оно какъ тѣло прокаженнаго. Оно точно выбѣленная стѣна, по которой пролили ехидны, точно выбѣленная стѣна, гдѣ скорпіоны устроили свое гнѣздо. Оно точно выбѣленная гробница, которая полна мерзостей. Оно ужасно, оно ужасно, твое тѣло!.. Я въ твои волосы влюблена, Иоканаанъ. Твои волосы похожи на грозды винограда, на грозды чернаго винограда, что висятъ въ виноградникахъ Эдома въ странѣ эдомитовъ. Твои волосы, какъ кедры ливанскіе, какъ высокіе кедры ливанскіе, что даютъ тѣнь львамъ и разбойникамъ, которые хотятъ днемъ скрыться. Длинныя черныя ночи, ночи, когда луна не показывается, когда звѣзды боятся, не такъ черны. Молчаніе, живущее въ лѣсахъ, не такъ черно. Нѣтъ ничего на

свѣтъ чернѣ твоихъ волосъ... Дай мнѣ коснуться твоихъ волосъ.

Иоканаанъ. Прочь, дочь Содома! Не прикасайся ко мнѣ! Пельзя осквернять храмъ Господа Бога.

Саломея. Твои волосы ужасны. Они покрыты грязью и пылью. Они какъ терновый вѣнокъ, что положили тебѣ на лобъ. Точно узелъ черныхъ змѣй, которыя вьются вокругъ твоей шеи. Мнѣ не нравится твоя шея. Мнѣ не нравятся твои волосы... Я въ ротъ твой влюблена, Иоканаанъ. Онъ какъ алая перевязь на башнѣ изъ слоновой кости. Онъ какъ гранатъ, разрѣзанный ножомъ изъ слоновой кости. Цвѣты граната, что цвѣтутъ въ садахъ Тира,—болѣе красныя, чѣмъ розы,—не такъ красны. Красныя крики боевыхъ трубъ, возвѣщающіе прибытіе царей и внушающіе страхъ врагамъ, не такъ красны. Твой ротъ краснѣе, чѣмъ ноги тѣхъ, что мнутъ виноградъ въ давильняхъ. Онъ краснѣе, чѣмъ ноги голубей, которые живутъ въ храмахъ и которыхъ кормятъ священники. Онъ краснѣе, чѣмъ ноги того, кто возвращается изъ лѣса, гдѣ онъ убилъ льва и видѣлъ золотистыхъ тигровъ. Твой ротъ, какъ вѣтка коралла, что рыбаки нашли въ сумеркахъ моря и которую они берегаютъ для царей. Онъ точно киноварь, что моавитяне находятъ въ рудникахъ Моавин и которую цари отнимаютъ у нихъ. Онъ какъ лукъ нерсидскаго царя, выкрашенный киноварью и съ рогами изъ коралловъ. Нѣтъ ничего на свѣтѣ краснѣе твоего рта... Дай мнѣ поцѣловать твой ротъ.

Иоканаанъ. Никогда! Дочь Вавилона! Дочь Содома, никогда!

Саломея. Я поцѣлую твой ротъ, Иоканаанъ. Я поцѣлую твой ротъ.

Молодой сиріецъ. Царевна, царевна, ты какъ цвѣтъ мирты, ты голубка изъ голубокъ, не смотри на этого чужака, не смотри на него! Не говори ему такихъ вещей. Я не могу это вынести... Царевна, царевна, не говори ему такихъ вещей.

Саломея. Я поцѣлую твой ротъ, Иоканаанъ.

Молодой сиріецъ. А!

(Онъ убиваетъ себя и падаетъ между Саломеей и Иоканааномъ).

Пажъ Иродиады. Молодой сиріецъ убилъ себя! Молодой начальникъ убилъ себя! Тотъ, кто былъ моимъ другомъ, убилъ себя! Я подарилъ ему маленькую коробочку благовоній и серьги, сдѣланныя изъ серебра, а онъ теперь убилъ себя! Ахъ, не предсказывалъ ли онъ, что случится несчастіе... Я самъ предсказалъ это, и оно случилось. Я

зналъ, что луна искала мертвого, но я не зналъ, что сто искала она. Ахъ, зачѣмъ я не скрылъ его отъ луны? Если бы я скрылъ его въ пещерѣ, она бы не увидала его.

Первый солдатъ. Царевна, сейчасъ молодой начальникъ убилъ себя.

Саломея. Дай мнѣ поцѣловать твой ротъ, Иоканаанъ.

Иоканаанъ. И не страшно тебѣ, дочь Иродіады? Не говорилъ ли я тебѣ, что я слышалъ во дворцѣ взмахи крыльевъ ангела смерти, и не явился ли ангелъ этотъ?

Саломея. Дай мнѣ поцѣловать твой ротъ.

Иоканаанъ. Дочь прелюбодѣянiя, есть одинъ человекъ, который можетъ спасти тебя. Это Тотъ, о которомъ я говорилъ тебѣ. Иди ищи Его. Онъ въ лодкѣ на морѣ Галилейскомъ и говоритъ къ Своимъ ученикамъ. Стань на колѣни на берегу моря и зови Его по имени. Когда Онъ придетъ къ тебѣ, — Онъ приходитъ ко всѣмъ, кто зоветъ Его, — прострись у ногъ Его и проси прощенiя грѣхамъ твоимъ.

Саломея. Дай мнѣ поцѣловать твой ротъ.

Иоканаанъ. Будь проклята, дочь кровосмѣсительницы-матери, будь проклята.

Саломея. Я поцѣлую твой ротъ, Иоканаанъ.

Иоканаанъ. Я не хочу тебя видѣть, я не буду смотрѣть на тебя. Ты проклята, Саломея, ты проклята.

(Онъ спускается въ водоемъ).

Саломея. Я поцѣлую твой ротъ, Иоканаанъ, я поцѣлую твой ротъ.

Первый солдатъ. Надо перенести трупъ въ другое мѣсто. Тетрархъ не любитъ смотрѣть на труны, исключая труновъ тѣхъ, которыхъ онъ самъ убилъ.

Пажъ Иродіады. Онъ былъ моимъ братомъ, онъ былъ мнѣ ближе брата. Я подарилъ ему маленькую коробочку съ благовоиіями и кольцо изъ агата, которое онъ всегда носилъ на рукѣ. Вечеромъ мы бродили съ нимъ по берегу рѣки подъ миндальными деревьями, и онъ рассказывалъ мнѣ о своей родинѣ. Онъ говорилъ всегда очень тихо. Звукъ его голоса походилъ на звукъ флейты играющаго на флейтѣ. Онъ также очень любилъ смотрѣться въ рѣкѣ. Я упрекалъ его въ этомъ.

Второй солдатъ. Ты правъ, нужно убрать трупъ. Не надо, чтобы тетрархъ его видѣлъ.

Первый солдатъ. Тетрархъ не придетъ сюда. Онъ никогда не выходитъ на террасу. Онъ слишкомъ боится пророка.

(Входятъ Иродъ, Иродіада и весь дворъ).

Иродъ. Гдѣ Саломея? Гдѣ царевна? Почему она по-
вернулась на пиръ, какъ я просилъ ее? А! Вотъ она!

Иродіада. Не надо смотрѣть на нес. Ты все время смот-
ришь на нес.

Иродъ. Какая странная луна сегодня вечеромъ. Вѣдь
правда, она очень странная? Она какъ истеричная жен-
щина, которая всюду ищетъ любовниковъ. И она нагая.
Она совершенно нагая. Облака хотятъ ее закрыть, но она
не хочетъ. Она показывается совсѣмъ нагая на небѣ. Она
идетъ шатаясь среди облаковъ, какъ пьяная женщина... Я
увѣренъ, что она ищетъ любовниковъ... Вѣдь, правда, она
шатается, какъ пьяная женщина? Она похожа на истерич-
ную женщину, вѣдь правда?

Иродіада. Нѣтъ. Луна какъ луна, и все тутъ. Пойдемъ
домой... Тебѣ здѣсь нечего дѣлать.

Иродъ. Я останусь здѣсь! Манассія, постелите ковры
тамъ. Зажгите факелы. Принесите столы изъ слоновой кости
и столы изъ яшмы. Воздухъ здѣсь чудесный. Я выпью еще
вина съ моими гостями. Посламъ цезаря нужно оказать
всевозможныя почести.

Иродіада. Не для нихъ ты здѣсь остаешься.

Иродъ. Да, воздухъ чудесный. Пойдемъ, Иродіада, наши
гости ждутъ насъ... А! Я поскользнулся въ крови! Это дур-
ной знакъ. Это очень дурной знакъ. Почему здѣсь кровь?..
И этотъ трупъ? Почему здѣсь трупъ? Не думаете ли вы,
что я, какъ царь египетскій, который всегда, когда устраи-
ваетъ пиръ, показываетъ трупъ своимъ гостямъ? Да и кто
это такой? Я не хочу его видѣть.

Первый солдатъ. Это нашъ начальникъ, владыка. Мо-
лодой сиріецъ, котораго всего три дня тому назадъ ты
сдѣлалъ начальникомъ.

Иродъ. Я не давалъ приказанія убить его.

Второй солдатъ. Онъ самъ убилъ себя, владыка.

Иродъ. Почему? Я сдѣлалъ его начальникомъ.

Второй солдатъ. Мы не знаемъ, владыка. Но онъ
убилъ себя самъ.

Иродъ. Это мнѣ кажется страннымъ. Я думалъ, что
только римскіе философы убиваютъ себя. Не правда ли,
Тигеллинъ, римскіе философы убиваютъ себя?

Тигеллинъ. Нѣкоторые убиваютъ себя, владыка. Это
люди очень грубые. И потомъ, это люди очень смѣшныя. Я
ихъ нахожу очень смѣшными.

Иродъ. Я тоже. Смѣшно убивать себя.

Тигеллинъ. Надъ ними очень смѣются въ Римѣ.

Императоръ написалъ на нихъ сатиру. Ее повторяютъ всюду.

Иродъ. А! Онъ написалъ на нихъ сатиру! Цезарь удивительный. Онъ все умѣетъ... Страшно, что молодой сириецъ убилъ себя. Мнѣ жаль его. Да, мнѣ очень жаль его. Потому что онъ былъ красивъ. Онъ былъ даже очень красивъ. У него были такіе томные глаза. Я вспоминаю, я видѣлъ, какъ томно онъ смотрѣлъ на Саломею; правда, я находилъ, что онъ слишкомъ много смотрѣлъ на нее.

Иродіада. Есть и другіе, которые слишкомъ много смотрятъ на нее.

Иродъ. Его отецъ былъ царь, я изгналъ его изъ царства. А царицу, его мать, ты сдѣлала своей рабыней, Иродіада. Такимъ образомъ онъ былъ здѣсь какъ бы гость. И потому я его сдѣлалъ пачальникомъ. Мнѣ жаль, что онъ умеръ... Но почему вы оставили здѣсь трупъ? Уберите его отсюда. Я не хочу его видѣть... Унесите его... (Тѣло уносить). Здѣсь холодно. Здѣсь вѣтеръ. Вѣдь, правда, здѣсь вѣтеръ?..

Иродіада. Нѣтъ, здѣсь нѣтъ вѣтра.

Иродъ. Нѣтъ, здѣсь вѣтеръ... И я слышу въ воздухѣ что-то подобное взмахамъ крыльевъ, взмахамъ гигантскихъ крыльевъ. А ты не слышишь?

Иродіада. Я ничего не слышу.

Иродъ. Теперь и я не слышу ихъ, но я слышалъ. Это было, вѣрно, вѣтеръ. Теперь прошло. Но нѣтъ, я еще ихъ слышу. А ты не слышишь? Совсѣмъ какъ взмахи крыльевъ.

Иродіада. Ничего нѣтъ, говорю я тебѣ. Ты боленъ. Пойдемъ домой.

Иродъ. Я не боленъ. Это твоя дочь больна. У нея видъ очень больной, у твоей дочери. Я никогда не видѣлъ, чтобы она была такъ блѣдна.

Иродіада. Я тебѣ говорила, не смотри на нее.

Иродъ. Налейте вина. (Приносить вино). Саломея, подойди и выпей немного вина со мной. У меня тутъ чудесное вино. Самъ цезарь послалъ мнѣ его. Омочи твои маленькія красныя губы въ кубкѣ, и потомъ я осушу его.

Саломея. Я не хочу пить, тетрархъ.

Иродъ. Ты слышишь, какъ она мнѣ отвѣчаетъ, твоя дочь?

Иродіада. Я нахожу, что она совершенно права. Почему ты на нее все смотришь?

Иродъ. Принесите плодовъ. (Приносить плоды). Саломея,

подойди и съѣшь со мною плодовъ. Я люблю видѣть слѣдъ твоихъ маленькихъ зубовъ на нихъ. Откуси маленькій кусочекъ отъ этого плода, а потомъ я съѣмъ то, что останется.

Саломея. Я не хочу ѣсть, тетрархъ.

Иродъ (къ Иродіадѣ). Вотъ какъ ты воспитала ее, твою дочь.

Иродіада. Моя дочь и я царскаго рода, а твой дѣдъ пасъ верблюдовъ! И къ тому же онъ былъ воръ!

Иродъ. Ты лжешь!

Иродіада. Ты самъ знаешь, что это правда.

Иродъ. Саломея, подойди, сядь ко мнѣ, я дамъ тебѣ престолъ твоей матери.

Саломея. Я не устала, тетрархъ.

Иродіада. Вотъ видишь, какъ она обраѣается съ тобой.

Иродъ. Принесите... Что это мнѣ надо? Я не знаю. Ахъ! Ахъ! всомнилъ...

Голосъ Іокапана. Время настало! То, что я возвѣстилъ, сбылось, говоритъ Господь Богъ. Насталъ день, о которомъ я говорилъ.

Иродіада. Вели ему замолчать. Я не хочу слышать его голосъ. Этотъ человѣкъ постоянно изрыгаетъ поношенья на меня.

Иродъ. Онъ ничего не говорилъ противъ тебя. И къ тому же онъ великій пророкъ.

Иродіада. Я не вѣрю въ пророковъ. Какой человѣкъ можетъ сказать, что случится? Никто этого не знаетъ. И къ тому же онъ меня постоянно оскорбляетъ. Но, мнѣ кажется, ты боишься его... Да, я знаю, ты боишься его.

Иродъ. Я не боюсь его. Я никого не боюсь.

Иродіада. Нѣтъ, ты боишься его. Если не боишься, почему ты его не выдашь іудеямъ, которые уже шесть мѣсяцевъ у тебя его просятъ?

Іудей. Владыка, дѣйствительно было бы лучше выдать его намъ.

Иродъ. Довольно объ этомъ. Я уже вамъ далъ свой отвѣтъ. Я вамъ его не выдамъ. Это святой человѣкъ, этотъ человѣкъ видѣлъ Бога.

Іудей. Это невозможно, никто не видѣлъ Бога послѣ пророка Іліи. Онъ послѣдній видѣлъ Бога. Въ наше время Богъ не показывается. Онъ скрывается. И потому въ странѣ такія великія бѣдствія.

Другой іудей. Наконецъ, это еще неизвѣстно, видѣлъ ли дѣйствительно пророкъ Ілія Бога. Вѣрнѣе, онъ видѣлъ тѣнь Бога.

Третій іудей. Богъ никогда не скрывается. Онъ является всегда и во всемъ. Богъ такъ же въ злѣ, какъ и въ добрѣ.

Четвертый іудей. Не надо этого говорить. Эта мысль очень опасная. Эта мысль вышла изъ александрійскихъ школъ, гдѣ учатъ греческой философіи. А греки — язычники. Они даже не обрѣзаны.

Пятый іудей. Никогда нельзя знать, какъ Богъ свершаетъ, ибо пути Его неисповѣдимы. Можетъ-быть, то, что намъ кажется зломъ—добро, и что намъ кажется добромъ—зло. Ничего нельзя знать. Нужно только быть покорнымъ всему. Богъ очень силенъ. Онъ разитъ одновременно и слабыхъ и сильныхъ. Никого не щадитъ.

Первый іудей. Это вѣрно. Богъ страшенъ. Онъ дробитъ слабыхъ и сильныхъ, какъ дробятъ въ ступѣ зерно. Но этотъ человекъ никогда не видѣлъ Бога. Никто не видѣлъ Бога со времени пророка Іліи.

Иродіада. Вели имъ замолчать. Они надоѣли мнѣ.

Иродъ. А я слышалъ, что говорятъ, будто Іоканазанъ самъ вашъ пророкъ Ілія.

Іудей. Это невозможно. Со времени пророка Іліи прошло болѣе трехсотъ лѣтъ.

Иродъ. Да, но есть люди, которые говорятъ, что это пророкъ Ілія.

Назаретянинъ. Я убѣжденъ, что онъ пророкъ Ілія.

Іудей. Нѣтъ, нѣтъ, это не пророкъ Ілія.

Голосъ Іоканаана. День пришелъ, день Господень, и я слышу на горахъ шаги Того, Кто будетъ Спасителемъ міра.

Иродъ. Что это значитъ? Спаситель міра.

Тигеллинъ. Это одинъ изъ титуловъ цезаря.

Иродъ. Но цезарь не будетъ въ Іудеѣ. Я получилъ вчера письма изъ Рима. Объ этомъ ничего не говорится. А ты, Тигеллинъ, ты былъ зимой въ Римѣ, ты ничего объ этомъ не слышалъ?

Тигеллинъ. Поистинѣ, владыка, я ничего не слышалъ объ этомъ, я просто объясняю титулъ. Это одинъ изъ титуловъ цезаря.

Иродъ. Цезарь здѣсь быть не можетъ. У него подагра. Говорятъ, у него ноги, какъ у слона. Есть на это и государственныя причины. Римъ теряетъ—кто Римъ покидаетъ. Онъ не будетъ здѣсь. Но цезарь господинъ и, если захочетъ, онъ будетъ здѣсь. Но я думаю, что онъ не будетъ здѣсь.

Первый назарейянинъ. Это не о цезарѣ пророкъ говорилъ, владыка.

Иродъ. Не о цезарѣ?

Первый назарейянинъ. Нѣтъ, владыка.

Иродъ. О комъ же онъ говорилъ?

Первый назарейянинъ. О Мессіи, который пришелъ.

Иудей. Мессія не пришелъ.

Первый назарейянинъ. Онъ пришелъ и повсюду творить чудеса.

Иродіада. О! О! Чудеса! Я не вѣрю въ чудеса. Я слишкомъ много видѣла чудесъ. (Къ пажу) Мой вѣрь.

Первый назарейянинъ. Этотъ человекъ совершаетъ истинныя чудеса. Такъ, по случаю свадьбы въ маленькомъ городѣ Галилеи, въ довольно значительномъ городѣ, онъ обратилъ воду въ вино; мнѣ рассказывали объ этомъ люди, которые тамъ были. Онъ тоже исцѣлилъ двухъ прокаженныхъ, которые сидѣли у вратъ Капернаума, однимъ прикосновеніемъ своимъ.

Второй назарейянинъ. Нѣтъ, онъ исцѣлилъ двухъ слѣпыхъ въ Капернаумѣ.

Первый назарейянинъ. Нѣтъ, это были прокаженные. Но онъ исцѣлилъ и слѣпыхъ, и его видѣли на одной горѣ бесѣдующимъ съ ангелами.

Саддукей. Ангелы не существуютъ.

Фарисей. Ангелы существуютъ, но я не вѣрю, чтобы этотъ человекъ съ ними бесѣдовалъ.

Первый назарейянинъ. Большая толпа людей видѣла, какъ онъ бесѣдовалъ съ ангелами.

Саддукей. Не съ ангелами.

Иродіада. Какъ они раздражаютъ меня, эти люди! Они глупы. Они совершенно глупы. (Къ пажу) Ну, а мой вѣрь? (Пажъ подаетъ ей вѣрь). У тебя такой видъ, будто ты мечтаешь. Не надо мечтать. Мечтатели—больные. (Она ударяетъ пажу вѣромъ).

Второй назарейянинъ. Еще свершилось чудо съ дочерью Іаира.

Первый назарейянинъ. Да, это совершенно вѣрно; стоило отрицать нельзя.

Иродіада. Эти люди безумны. Они слишкомъ много смотрѣли на луну. Скажи, чтобы они замолчали.

Иродъ. Что это такое за чудо съ дочерью Іаира?

Первый назарейянинъ. Дочь Іаира умерла. Онъ ее воскресилъ.

Иродъ. Онъ воскрешаетъ мертвыхъ?

Первый назарейянинъ. Да, владыка. Онъ воскрешаетъ мертвыхъ.

Иродъ. Я не хочу, чтобы онъ это дѣлалъ. Я запрещаю ему это дѣлать! Я не позволяю воскрешать мертвыхъ. Надо найти этого человѣка и сказать ему, что я не позволю ему воскрешать мертвыхъ. Гдѣ онъ теперь, этотъ человекъ?

Второй назарейянинъ. Онъ всюду, владыка, но найти его очень трудно.

Первый назарейянинъ. Говорятъ, онъ въ Самаріи теперь.

Иудей. Вотъ и видно, что это не Мессія, если онъ въ Самаріи. Не къ самаритянамъ придетъ Мессія. Самаритяне прокляты. Они никогда не приносятъ жертвъ въ храмъ.

Второй назарейянинъ. Нѣсколько дней тому назадъ онъ покинулъ Самарію; я думаю, что онъ сейчасъ въ окрестностяхъ Иерусалима.

Первый назарейянинъ. Да нѣтъ же, его тамъ нѣтъ, я какъ разъ изъ Иерусалима. Вотъ уже два мѣсяца ничего не слыхали о немъ.

Иродъ. Это все равно! Кто все же надо найти и сказать ему отъ меня, что я не позволю воскрешать мертвыхъ. Обращать воду въ вино, исцѣлять прокаженныхъ и слѣпыхъ... пусть онъ все это дѣлаетъ, если хочетъ. Мнѣ нечего возразить на это. Исцѣленіе прокаженныхъ кажется мнѣ даже добрымъ дѣломъ. Но я не позволю ему воскрешать мертвыхъ. Было бы ужасно, если бы мертвые возвращались.

Голосъ Иоканаана. А! Блудница! Прелюбодѣйка! А! Дочь Вавилона, съ своими золотыми глазами подъ золотыми вѣнками! Вотъ что говоритъ Господь Богъ. Пусть выпускаютъ на нее толпу людей. Пусть народъ побьетъ ее камнями.

Иродіада. Прикажи ему замолчать!

Голосъ Иоканаана. Пусть начальники войскъ пронзятъ ее мечами, пусть раздавятъ ее щитами своими.

Иродіада. Какая низость!

Голосъ Иоканаана. Такъ истреблю Я беззаконія земли, и всѣ женщины научатся не подражать мерзостямъ этой женщины.

Иродіада. Ты слышишь, что онъ обо мнѣ говоритъ? Ты терпишь, чтобы такъ оскорбляли твою супругу?

Иродъ. Онъ не называлъ твоего имени.

Иродіада. Чтѣ изъ этого? Ты же знаешь, что онъ старается опозорить именно меня. А я твоя супруга, не такъ ли?

Иродъ. Да, дорогая и достойная Иродіада, ты моя супруга, а прежде ты была супругой моего брата.

Иродіада. Но это ты вырвалъ меня изъ его объятій.

Иродъ. Въ самомъ дѣлѣ, я былъ болѣе сильнымъ... Но не будемъ говорить объ этомъ. Я не хочу говорить объ этомъ. Поэтому пророкъ сказалъ эти страшныя слова. Можетъ-быть, поэтому случится несчастье. Не будемъ говорить объ этомъ... Благородная Иродіада, мы забываемъ папихъ гостей. Налей мнѣ вина, возлюбленная моя. Наполните виномъ эти большіе серебряные кубки и эти большіе хрустальные кубки. Я буду пить за здоровье цезаря. Здѣсь римляне. Надо пить за здоровье цезаря.

Всѣ. Цезарь! Цезарь!

Иродъ. Ты не замѣчашь, какъ твоя дочь блѣдна.

Иродіада. Что тебѣ за дѣло, блѣдна она или нѣтъ?

Иродъ. Я никогда не видалъ, чтобы она была такъ блѣдна.

Иродіада. Не надо смотрѣть на псе.

Голосъ Іокапана. Въ тотъ день солнце почернѣетъ, какъ власяница, луна будетъ, какъ кровь, и звѣзды съ неба упадутъ на землю, какъ незрѣлые плоды падаютъ со смоквицы, и царямъ земнымъ станетъ страшно.

Иродіада. А! А! Хотѣла бы я увидѣть день, о которомъ онъ говоритъ, когда луна будетъ, какъ кровь, и звѣзды упадутъ на землю подобно незрѣлымъ плодамъ. Этотъ пророкъ говоритъ, какъ пьяный... Но я не могу выносить звукъ его голоса. Я ненавижу его голосъ. Прикажи ему замолчать.

Иродъ. Нѣтъ, зачѣмъ? Я не понимаю, что онъ говоритъ, но это можетъ быть предвѣщаніе.

Иродіада. Я не вѣрю въ предвѣщанія. Онъ говоритъ, какъ пьяный.

Иродъ. Быть-можетъ, онъ пьянъ виномъ Господнимъ!

Иродіада. Что это за вино—вино Господне? Изъ какихъ оно виноградниковъ? Въ какой давильнѣ готовится оно?

Иродъ (уже не отрываясь, смотреть на Саломею). Тигеллицъ, когда ты въ послѣдній разъ былъ въ Римѣ, говорилъ тебѣ цезарь о...?

Тигеллицъ. О чемъ, владыка?

Иродъ. О чемъ? А! Я тебя спросилъ о чемъ-то, по правда ли? Я забылъ, что мнѣ хотѣлось знать.

Иродіада. Ты опять смотришь на мою дочь, не надо на нее смотрѣть. Я уже говорила тебѣ это.

Иродъ. Ты только это и говоришь.

Иродіада. И говорю еще разъ.

Иродъ. А возстановленіе храма, о чемъ такъ много говорили? Что-нибудь выйдетъ изъ этого? Не правда ли, говорить—завѣса исчезла изъ святилища.

Иродіада. Да вѣдь ты же ее взялъ. Самъ не знаешь, что говоришь. Я не хочу больше оставаться здѣсь. Пойдемъ къ себѣ.

Иродъ. Саломея, танцуй для меня.

Иродіада. Я не хочу, чтобы она танцевала.

Саломея. Мнѣ совсѣмъ не хочется танцевать, тетрархъ.

Иродъ. Саломея, дочь Иродіады, танцуй для меня.

Иродіада. Оставь ее въ покоѣ.

Иродъ. Я приказываю тебѣ танцевать, Саломея.

Саломея. Я не буду танцевать, тетрархъ.

Иродіада (смѣясь). Вотъ какъ она слушается тебя!

Иродъ. Что мнѣ до того, танцуетъ она или нѣтъ? Мнѣ это все равно. Сегодня вечеромъ я счастливъ. Я очень счастливъ. Я никогда еще не былъ такъ счастливъ.

Первый солдатъ. У тетрарха мрачный видъ. Правда, у него мрачный видъ?

Второй солдатъ. Да, у него мрачный видъ.

Иродъ. Почему бы мнѣ не быть счастливымъ? Цезарь, а онъ повелитель міра, повелитель надъ всѣмъ въ мірѣ, меня очень любитъ. Онъ только-что послалъ мнѣ драгоценнѣйшіе дары. И еще онъ обѣщалъ мнѣ отозвать въ Римъ царя каппадокійскаго, моего врага. Быть-можетъ, въ Римѣ онъ распнетъ его. Онъ можетъ сдѣлать для меня все, что захочетъ, цезарь. Ибо онъ повелитель. Потому, вы видите, я имѣю право быть счастливымъ. И правда, я счастливъ. Еще никогда я не былъ такъ счастливъ. Нѣтъ ничего на свѣтѣ, что могло бы испортить мою радость.

Голосъ Иокнаана. Онъ будетъ возсѣдать на престолѣ своемъ. Въ пурпуръ и багрянецъ будетъ одѣтъ онъ. Въ рукѣ своей онъ будетъ держать золотой сосудъ, наполненный поруганіями его, и ангель Господа Бога поразитъ его. Онъ будетъ съѣденъ червями.

Иродіада. Слышишь, что онъ говоритъ о тебѣ? Онъ говоритъ, ты будешь съѣденъ червями.

Иродъ. Не обо мнѣ онъ говоритъ. Онъ никогда ничего не говоритъ противъ меня. Онъ говоритъ о царѣ каппадокійскомъ, моемъ врагѣ. Это онъ будетъ съѣденъ червями; не я. Никогда онъ ничего не говорилъ противъ меня, пророкъ, кромѣ того, что я поступилъ несправедливо, взявъ въ жены жену моего брата. Быть-можетъ, онъ правъ. Въ самомъ дѣлѣ, ты бесплодна.

Иродіада. Я бесплодна, я! И это говоришь ты, ты, который постоянно смотришь на мою дочь, ты, который хотѣлъ, чтобы она танцевала для твоей услады! Смѣшно говорить это. У меня уже былъ ребенокъ. У тебя ни одного не было, ни отъ одной пзъ твоихъ рабынь даже; это ты бесплоденъ, а не я.

Иродъ. Молчи. Я говорю, что ты бесплодна. Ты не подарила мнѣ ребенка, и пророкъ говоритъ, что нашъ бракъ не есть истинный бракъ. Онъ говоритъ, что это бракъ кровосмѣнительный, что этотъ бракъ принесетъ несчастія... Я боюсь, что онъ правъ. Я увѣренъ, что онъ правъ. Но теперь не время говорить объ этомъ. Я сейчасъ хочу быть счастливъ. Я и счастливъ. Я очень счастливъ. Нѣтъ ни чего, чего бы мнѣ не хватало.

Иродіада. Я очень рада, что ты въ такомъ хорошемъ расположеніи духа сегодня вечеромъ. Это не въ твоихъ привычкахъ. Однако поздно. Вернемся домой. Не забудь, что завтра съ восходомъ солнца мы всѣ ѣдемъ на охоту. Послашь цезаря нужно оказать всякія почести, не такъ ли?

Второй солдатъ. Какой мрачный видъ у тетрарха.

Первый солдатъ. Да, у него мрачный видъ.

Иродъ. Саломея, Саломея, танцуй для меня. Я молю тебя, танцуй для меня. Мнѣ грустно сегодня вечеромъ. Да, мнѣ очень грустно сегодня вечеромъ. Когда я вошелъ сюда, я поскользнулся въ крови, это дурной знакъ, и я слышалъ, я увѣренъ, что я слышалъ взмахи крыльевъ въ воздухѣ, взмахи какъ бы гигантскихъ крыльевъ. Я не знаю, что это значитъ... Мнѣ грустно сегодня вечеромъ. Поэтому танцуй для меня. Танцуй для меня, Саломея, я умоляю тебя. Если ты будешь танцевать для меня, ты можешь просить все, что захочешь, и я дамъ тебѣ. Да, танцуй для меня, Саломея, я дамъ тебѣ все, что ты пожелаешь, будь это половина моего царства.

Саломея (вставая). Ты мнѣ дашь все, что я пожелаю, тетрархъ?

Иродіада. Не танцуй, дочь моя.

Иродъ. Все, будь это половина моего царства.

Саломея. Ты въ этомъ клянешься, тетрархъ?

Иродъ. Я въ этомъ клянусь, Саломея.

Иродіада. Дочь моя, не танцуй.

Саломея. Чѣмъ поклянешься ты, тетрархъ?

Иродъ. Жизнью моею, короной моею, богами моими. Все, что ты пожелаешь, я дамъ тебѣ, будь это половина

моего царства, если ты будешь танцовать для меня. О! Саломея, Саломея, танцуй для меня.

Саломея. Ты поклялся, тетрархъ.

Иродъ. Я поклялся, Саломея.

Саломея. Что бы я ни пожелала, будь это половина твоего царства?

Иродіада. Не танцуй, дочь моя.

Иродъ. Будь это половина моего царства. Какъ ты прекрасна будешь царицей, Саломея, если тебѣ угодно будетъ пожелать половину моего царства. Не правда ли, она будетъ очень красивой царицей?.. А! Здѣсь холодно! Холодный вѣтеръ, и я слышу... Почему слышу я въ воздухѣ эти взмахи крыльевъ? О! можно подумать, что какая-то птица, какая-то большая черная птица носится надъ террасой. Почему я не могу видѣть эту птицу? Взмахи крыльевъ ея ужасны. Это холодный вѣтеръ... Но нѣтъ, здѣсь совсѣмъ не холодно. Напротивъ, очень жарко. Очень жарко. Я задыхалюсь. Воды полейте мнѣ на руки. Дайте мнѣ снѣгу поѣсть. Разстегните мнѣ мантию. Скорѣе, скорѣе разстегните мантию... Нѣтъ. Оставьте. Это мнѣ больно отъ моего вѣнка, отъ моего вѣнка изъ розъ. Цвѣты какъ будто изъ огня. Они сожгли мнѣ лобъ. (Онъ срываетъ съ головы вѣнокъ и бросаетъ его на столъ). Ахъ! Наконецъ я дышу. Какъ красны эти лепестки! Они какъ пятна крови на скатерти. Это ничего. Не надо паходить знаменія во всемъ, что видишь. Это дѣлаетъ жизнь невозможной. Лучше было бы сказать, что пятна крови такъ же прекрасны, какъ лепестки розъ. Было бы гораздо лучше сказать такъ... Но не будемъ говорить объ этомъ. Теперь я счастливъ. Я очень счастливъ. Я имѣю право быть счастливымъ, не правда ли? Твоя дочь будетъ танцовать для меня. Вѣдь, правда, ты будешь танцовать для меня, Саломея? Ты обѣщала танцовать для меня.

Иродіада. Я не хочу, чтобы она танцевала.

Саломея. Я буду танцовать для тебя, тетрархъ.

Иродъ. Ты слышишь, что говоритъ твоя дочь. Она будетъ танцовать для меня. Это съ твоей стороны хорошо, Саломея, что ты будешь танцовать для меня. И, когда ты кончишь танцовать, не забудь потребовать отъ меня все, что ты захочешь. Все, что ты захочешь, я дамъ тебѣ, будь это половина моего царства, я поклялся, не правда ли?

Саломея. Ты поклялся, тетрархъ.

Иродъ. И я никогда не нарушалъ своего слова. Я не изъ тѣхъ, кто нарушаетъ свое слово. Я не умѣю лгать. Я рабъ своего слова, и слово мое есть слово царя. Царь

Каппадокійскій всегда лжетъ, по онъ и не настоящій царь. Онъ трусь. Онъ мнѣ и деньги долженъ и не хочетъ платить, онъ даже оскорбилъ моихъ вѣстовъ. Онъ говоритъ очень обидныя вещи. Но цезарь его расшибетъ, когда онъ вернется въ Римъ. Я увѣренъ, что цезарь расшибетъ его. А если нѣтъ, онъ умретъ, съѣденный червями. Пророкъ предсказалъ это. Что жъ! Саломея, чего ты ждешь?

Саломея. Я жду, чтобы рабыни мои принесли мнѣ благовонія и семь покрываль и сняли съ ногъ моихъ сандаліи.

(Рабыни приносятъ благовонія и семь покрываль и снимаютъ съ Саломеи сандаліи).

Иродъ. Ты будешь танцовать босая! Какъ хорошо! Какъ хорошо! Твои маленькія ножки будутъ, какъ бѣлыя голубки. Онѣ будутъ похожи на бѣлыя цвѣточки, что пляшутъ на деревѣ. А! Нѣтъ. Она будетъ танцовать на крови! На землѣ кровь. Я не хочу, чтобы она танцевала на крови. Это было бы очень дурное предвѣщаніе.

Иродіада. Что тебѣ до того, что она будетъ танцовать на крови? Ты достаточно ходилъ по крови... ты...

Иродъ. А! мнѣ что до того? А! посмотри на луну! Она стала красной. Она стала красной, какъ кровь. А! Пророкъ вѣдь это предсказалъ. Онъ предсказалъ, что луна станетъ красной, какъ кровь. Вѣдь, правда, онъ это предсказалъ? Вы всѣ это слышали. Луна стала красной, какъ кровь. Ты этого не видишь?

Иродіада. Отлично вижу, и звѣзды падаютъ, какъ перспыя плоды, да? И солнце становится чернымъ, какъ власяница, и цари земные боятся. Это, но крайней мѣрѣ, видно. Хотя разъ въ жизни пророкъ оказался правъ. Цари земные боятся. Пойдемъ однако къ себѣ. Ты боленъ. Въ Римѣ скажутъ, что ты сошелъ съ ума. Пойдемъ къ себѣ, говорю я тебѣ.

Голосъ Иоканаана. Кто тотъ, что пришелъ изъ Эдома, что пришелъ изъ Босры въ своей пурпуровой одеждѣ, блистая въ великолѣпнѣя одѣянія, и кто это шествуетъ во всемогуществомъ своимъ? Почему одежды ваши окрашены въ багрянецъ?

Иродіада. Пойдемъ къ себѣ. Голосъ этого человѣка приводитъ меня въ изступленіе. Я не хочу, чтобы моя дочь танцевала въ то время, какъ онъ выкликаетъ такъ. Я не хочу, чтобы она танцевала въ то время, какъ ты будешь на нее смотрѣть такъ. Однимъ словомъ, я не хочу, чтобы она танцевала.

Иродъ. Не вставай, супруга моя, моя царица, это напрасно. Я не уйду, пока не увижу, какъ она танцевала. Танцуй, Саломея, танцуй для меня.

Иродіада. Не танцуй, дочь моя.

Саломея. Я готова, тетрархъ.

(Саломея танцуетъ танецъ семи покрываль).

Иродъ. А, это чудесно, чудесно! Ты видишь, она для меня танцевала, твоя дочь. Подойди ко мнѣ, Саломея! Подойди, чтобы я могъ наградить тебя. А! Я хорошо плачу танцовщицамъ. Хорошо заплачу и тебѣ. Я тебѣ дамъ все, что ты захочешь. Что хочешь ты, говори?

Саломея (опускаясь на колѣни). Я хочу, чтобы мнѣ сейчасъ же принесли на серебряномъ блюдѣ...

Иродъ (смѣясь). На серебряномъ блюдѣ? Ну да, конечно, на серебряномъ блюдѣ. Она очаровательна, не правда ли? Что ты хочешь, чтобы тебѣ принесли на серебряномъ блюдѣ, дорогая и прекрасная Саломея, ты, которая прекраснѣе всѣхъ дѣвушекъ Іудеи? Что ты хочешь, чтобы тебѣ принесли на серебряномъ блюдѣ? Скажи мнѣ. Что бы это ни было, тебѣ это дадутъ. Мои сокровища принадлежатъ тебѣ. Что же это такое, Саломея?

Саломея (вставая). Голову Іоканаана.

Иродіада. А! это хорошо сказано, дочь моя.

Иродъ. Нѣтъ, нѣтъ.

Иродіада. Это хорошо сказано, дочь моя.

Иродъ. Нѣтъ, нѣтъ, Саломея. Ты не просишь этого. Не слушай твою мать. Она всегда подаетъ дурные совѣты. Не слушай ея.

Саломея. Я не слушаю мою мать. Для моего собственнаго удовольствія я прошу на серебряномъ блюдѣ голову Іоканаана. Ты поклялся, Иродъ. Не забудь, ты поклялся.

Иродъ. Я знаю. Я поклялся моими богами. Я хорошо это знаю. И все же, я умоляю тебя, Саломея, проси у меня чего-нибудь другого, проси половину моего царства, я дамъ тебѣ его. Но не проси у меня то, чего ты просишь.

Саломея. Я прошу у тебя голову Іоканаана.

Иродъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу.

Саломея. Ты поклялся, Иродъ.

Иродіада. Да, ты поклялся. Всѣ слышали. Ты поклялся передъ всѣми.

Иродъ. Молчи. Я говорю не съ тобой.

Иродіада. Моя дочь совершенно права, прося голову того человѣка. Онъ покрывалъ меня ругательствами. Онъ говорилъ обо мнѣ чудовищныя вещи. Видно, какъ она лю-

бить свою мать. Не уступай, дочь моя. Онъ поклялся, онъ поклялся.

Иродъ. Молчи. Не говори со мной... Послушай; Саломея, надо быть разумной, не правда ли? Вѣдь, правда, надо быть разумной? Я никогда не былъ суровъ къ тебѣ. Я всегда тебя любилъ... Быть-можетъ, я слишкомъ любилъ тебя. Такъ не проси же у меня этого... Это чудовищно, это ужасно просить у меня этого. Въ сущности, я думаю, ты это не серьезно. Голова обезглавленнаго некрасивая вещь, не правда ли? Дѣвушка не должна смотрѣть на такія вещи. Какое удовольствіе можетъ это тебѣ доставить? Никакого. Нѣтъ, нѣтъ, ты этого не хочешь... Послушай меня одну минуту. У меня есть изумрудъ, большой круглый изумрудъ, который послалъ мнѣ любимецъ цезаря. Если ты посмотришь сквозь этотъ изумрудъ, ты увидишь вещи, происходящія на громадномъ отдаленіи. Самъ цезарь носитъ камень совершенно подобный этому, когда идетъ въ циркъ. Но мой изумрудъ больше. Это самый большой изумрудъ въ мірѣ. Не правда ли, тебѣ хочется его? Пожелай, и я дамъ тебѣ его.

Саломея. Я прошу голову Іоканаана.

Иродъ. Ты не слушаешь меня, ты не слушаешь меня. Дай же мнѣ сказать, Саломея.

Саломея. Голову Іоканаана.

Иродъ. Нѣтъ, нѣтъ, ты этого не хочешь. Ты это говоришь только, чтобъ помучить меня, потому что я весь вечеръ смотрѣлъ на тебя. Ну да! это такъ. Я смотрѣлъ на тебя весь вечеръ. Твоя красота смутила меня. Твоя красота страшно смутила меня, и я слишкомъ много смотрѣлъ на тебя. Но я больше не буду этого дѣлать. Не надо смотрѣть ни на людей ни на вещи. Надо смотрѣть только въ зеркала. Потому что зеркала отражаютъ однѣ лишь маски... О! О! вина! мнѣ нить хочется... Саломея, Саломея, будемъ друзьями. Ну вотъ, посмотри... что это я хотѣлъ сказать? Что такое? Да, вспомнилъ. Саломея! Нѣтъ, подойди поближе ко мнѣ. Я боюсь, ты не услышишь меня... Саломея, ты знаешь моихъ бѣлыхъ павлиновъ, моихъ красивыхъ бѣлыхъ павлиновъ, что гуляютъ въ саду среди миртъ и высокихъ кипарисовъ? У нихъ клювы золотые, и зерна, которыя они клюютъ, золотыя, и ихъ ноги пурпурно-красныя. Когда они кричатъ, идетъ дождь, и когда они распускаютъ свой хвостъ, на небѣ показывается луна. Они ходятъ парами между кипарисами и черными миртами, и у каждаго рабъ, который ходитъ за нимъ. Иногда они летаютъ между деревьями, иногда лежатъ на лужайкахъ и

вокруг пруда. Во всемъ свѣтѣ нѣтъ такихъ чудесныхъ птицъ. Ни у одного царя на свѣтѣ нѣтъ такихъ чудесныхъ птицъ. Я увѣренъ, что у самого цезаря нѣтъ такихъ чудесныхъ птицъ. Такъ вотъ, я дамъ тебѣ пятьдесятъ такихъ павлиновъ. Они будутъ всюду слѣдовать за тобой, и ты среди нихъ будешь, какъ луна въ большомъ бѣломъ облакѣ. Я отдамъ тебѣ всѣхъ, у меня ихъ всего сто, и пѣть ни одного царя на свѣтѣ, который обладаетъ такими павлинами, но я отдамъ тебѣ ихъ всѣхъ. Только освободи меня отъ моего слова и не проси у меня того, чтѣ ты у меня просила. (Онъ осушаетъ кубокъ вина).

Саломея. Дай мнѣ голову Іоканаана.

Продіада. Это хорошо сказано, дочь моя; ты смѣшонъ со своими павлинами.

Продъ. Молчи. Ты постоянно кричишь. Ты кричишь, какъ хищный звѣрь. Не надо кричать такъ. Твой голосъ мучитъ меня. Молчи, говорю я тебѣ... Саломея, подумай, чтѣ ты дѣлаешь. Быть-можетъ, этотъ человѣкъ посланъ Богомъ. Я увѣренъ, что онъ посланъ Богомъ. Онъ святой человѣкъ. Перстъ Божій коснулся его. Ужасныя слова вложилъ Богъ въ его уста. Во дворцѣ, какъ и въ пустынѣ, Богъ всегда съ нимъ... По крайней мѣрѣ, это возможно. Навѣрное неизвѣстно, но возможно, что Богъ за него и съ нимъ. Умри онъ, меня можетъ поразить несчастье. Онъ сказалъ, что въ день, когда онъ умретъ, кого-то поразитъ несчастье. Только меня онъ могъ разумѣть. Помнишь, я поскользнулся въ крови, когда я вошелъ сюда. И еще я слышалъ взмахи крыльевъ въ воздухѣ, взмахи гигантскихъ крыльевъ. Это очень дурныя предвѣщанія. И были другія. И, навѣрно, были другія, хотя я ихъ не замѣтилъ. Но ты не захочешь, Саломея, чтобы меня поразило несчастье! Ты же хочешь этого. Послушай меня.

Саломея. Дай мнѣ голову Іоканаана.

Продъ. Вотъ видишь, ты не слушаешь меня. Не волнуйся,—я очень спокоенъ. Я совершенно спокоенъ. Послушай. Здѣсь у меня спрятаны драгоценности, которыхъ не видѣла даже и мать твоя, совсѣмъ несбычательныя драгоценности. У меня есть ожерелье изъ четырехъ рядовъ жемчуга. Можно подумать, что это луны, нанизанныя на серебряныя лучи. Можно подумать, пятьдесятъ лунъ, уловленныхъ въ золотую сѣть. Это носила когда-то одна царица на бѣлой, какъ слоновою кость, груди. Когда ты надѣнешъ его, ты будешь хороша, какъ царица. У меня есть аметисты двухъ породъ. Одни черныя, какъ випо. Другіе красныя, какъ вино

съ водою. У меня есть желтые топазы, какъ глаза тигровъ, и розовые топазы, какъ глаза голубей, и зеленые топазы, какъ глаза кошекъ. У меня есть опалы, которые всегда свѣтятся очень холоднымъ пламенемъ, опалы, которые дѣлають душу печальной и боятся мрака. У меня есть ониксы, подобные зрачкамъ мертвой женщины. У меня есть лунные камни, которые мѣняются, когда мѣняется луна, и блѣднѣють, когда они видять солнце. У меня есть сапфиры, большіе, какъ яйца, и синіе, какъ синіе цвѣты. Въ нихъ волнуется море, и луна никогда не мутить синевы ихъ волнъ. У меня есть хризолиты и бериллы, хризопразы и рубины, сардониксы, и гіацинты, и халцедоны, я отдамъ тебѣ ихъ всѣ и къ нимъ прибавлю еще много другихъ вещей. Царь Индіи какъ разъ послалъ мнѣ четыре опахала изъ перьевъ попугаевъ, а царь Нубинъ—одѣяніе изъ страусовыхъ перьевъ. У меня есть кристалль, на который не позволено смотрѣть женщинамъ, и даже молодые люди могутъ смотрѣть на него только послѣ того, какъ ихъ бичевали розгами. Въ ларчикѣ изъ перламутра у меня есть три чудесныхъ бирюзы. Если ихъ носить на лбу, можно воображать то, чего нѣтъ, а если ихъ носить въ рукѣ, то можно женщинъ сдѣлать безплодными. Эти сокровища — великой цѣнности. Эти сокровища безцѣпны. И это не все. Въ эбеновомъ ларчикѣ у меня два янтарныхъ кубка, подобные золотымъ яблокамъ. Если въ эти кубки врагъ подмѣшаетъ яду, они дѣлаются подобны серебрянымъ яблокамъ. Въ ларчикѣ, выложенномъ янтaremъ, у меня есть сандаліи, изукрашенные стекломъ. У меня есть одѣянія, что изъ страны Шелковичной, и браслеты, украшенные карбункулами и зеленчаками изъ города Ефрата... Ну, что же ты хочешь, Саломея? Скажи мнѣ, что ты хочешь, и я дамъ тебѣ это! Я дамъ тебѣ все, что ты попросишь. Кромѣ одной вещи. Я дамъ тебѣ все, что имѣю, кромѣ одной жизни. Я дамъ тебѣ облаченіе первосвященника. Я дамъ тебѣ завѣсу Святая Святыхъ.

Иудей. О! О!

Саломея. Дай мнѣ голову Іоканаана.

Иродъ (опускаясь на свое сѣдалище). Дать ей то, что она просить! Воистину она дочь своей матери. (Первый солдатъ приближается; Иродіада снимаетъ съ руки тетрарха перстень смерти и отдаетъ его солдату, который тотчасъ же относитъ его палачу. У палача испуганный видъ). Кто взялъ мое кольцо? У меня было кольцо на правой рукѣ. Кто выпилъ мое вино? Въ моемъ кубкѣ было вино. Онъ былъ полонъ вина. Кто-нибудь

его выпилъ? О, я увѣренъ, случится несчастіе съ кѣмъ-нибудь. (Палачъ спускается въ водоемъ). Ахъ! зачѣмъ я далъ слово? Цари никогда не должны давать слова. Не сдерживаютъ они его—это ужасно. Сдерживаютъ—это тоже ужасно.

Иродіада. Я нахожу, что моя дочь хорошо поступила.

Иродъ. Я увѣренъ, что случится несчастіе.

Саломея (наклоняется надъ водоемомъ и прислушивается). Ни звука. Я ничего не слышу. Почему онъ не кричитъ, этотъ человѣкъ? Ахъ, если бы кто-нибудь захотѣлъ убить меня, я бы кричала, я бы защищалась, я бы не хотѣла страдать... Ударъ, ударъ, Нааманъ, ударъ, говорю я тебѣ... Нѣтъ, я ничего не слышу. Ужасное молчаніе. А! что-то упало на землю. Это мечъ палача. Онъ боится, этотъ рабъ. Онъ уронилъ свой мечъ. Онъ не смѣетъ убить его. Онъ трусъ, этотъ рабъ! Надо послать солдатъ. (Она видитъ пажу Иродіады и обращается къ нему) Поди сюда, ты былъ другомъ того, кто умеръ, вѣдь такъ? Еще не довольно мертвыхъ. Скажи солдатамъ, чтобы они спустились и принесли мнѣ то, что я прошу, что обѣщаль мнѣ тетрархъ, что мнѣ принадлежигъ. (Пажъ отступаетъ. Она обращается къ солдатамъ) Подите сюда, солдаты. Спуститесь въ этотъ водоемъ и принесите мнѣ голову этого человѣка. (Солдаты отступаютъ). Тетрархъ, тетрархъ, прикажи твоимъ солдатамъ принести мнѣ голову Іоканаана. (Большая черная рука, рука палача, показывается изъ водоема, держа на серебряномъ щитѣ голову Іоканаана. Саломея ее схватываетъ. Иродъ скрываетъ голову въ своей мантии. Иродіада улыбается и опаживается вѣеромъ. Назарейне опускаются на колѣни и начинаютъ молиться). А, ты не хотѣлъ мнѣ дать поцѣловать твой ротъ, Іоканаанъ. Хорошо, теперь я поцѣлую его. Я укушу его зубами своими, какъ кусаютъ зрѣлый плодъ. Да, я поцѣлую твой ротъ, Іоканаанъ. Не говорила ли я тебѣ? Вѣдь говорила? Такъ вотъ! я поцѣлую его теперь. Но почему ты не смотришь на меня, Іоканаанъ? Твои глаза, которые были такъ страшны, которые были полны гнѣва и презрѣнія, закрыты теперь. Почему они закрыты? Открой глаза твои! Приподними твои вѣки, Іоканаанъ. Почему ты не смотришь на меня? Ты боишься меня, Іоканаанъ, что не смотришь на меня?.. А языкъ твой, подобный красной змѣѣ, источающей яды, онъ не шевелится больше, онъ ничего не говоритъ теперь, Іоканаанъ, эта красная ехидна, которая своимъ ядомъ оплевала меня. Не странно ли это? Какъ же случилось, что эта красная ехидна не шевелится больше? Ты не захотѣлъ меня, Іоканаанъ. Ты оттолкнулъ меня. Ты говорилъ мнѣ позоряція меня

слова. Ты обращался со мной, какъ съ распутной, какъ съ продажной, со мной, Саломеей, дочерью Иродіады, царевной іудейской! А теперь, Іоканаанъ, я жива еще, а ты мертвъ, и твоя голова принадлежитъ мнѣ. Я могу съ нею дѣлать, что хочу. Я могу ее бросить собакамъ и птицамъ въ воздухѣ. Что оставятъ собаки, стѣдятъ птицы въ воздухѣ... А! Іоканаанъ! Іоканаанъ, ты былъ единственный человѣкъ, котораго я любила. Всѣ другіе внушаютъ мнѣ отвращеніе. Но ты, ты былъ красивъ. Твое тѣло было подобно колоннѣ изъ слоновой кости на подножьи изъ серебра. Оно было подобно саду, полному голубей и серебряныхъ лилій. Оно было подобно башнѣ изъ серебра, украшенной щитами изъ слоновой кости. Ничего на свѣтѣ не было бѣлѣ твоего тѣла. Ничего на свѣтѣ не было чернѣ твоихъ волосъ. Въ цѣломъ свѣтѣ не было ничего краснѣ твоего рта. Твоей голосъ былъ жертвеннымъ сосудомъ, изливающимъ странное благовоніе, и, когда я смотрѣла на тебя, я слышала странную музыку! А! почему ты не смотрѣлъ на меня, Іоканаанъ? За твоими руками и за хуленіями твоими скрылъ ты лицо свое. На глаза свои ты надѣлъ повязку, какъ тотъ, кто хочетъ видѣть своего Бога. Ну что же, ты видѣлъ своего Бога, Іоканаанъ, но меня, меня ты никогда не видалъ. Если бы ты меня увидѣлъ, ты полюбилъ бы меня. Я видѣла тебя, Іоканаанъ, и я полюбила тебя! Я еще люблю тебя, Іоканаанъ. Тебя одного. Твоей красоты я жажду. Тѣла твоего я хочу. И ни вино ни плоды не могутъ утолить желанія моего. Что буду я дѣлать теперь, Іоканаанъ? Ни рѣки ни великія воды не погасятъ моей страсти. Царевной была я, ты презрѣлъ меня. Дѣвушкой была я, ты лишилъ меня дѣвственности. Цѣломудренна я была, ты зажегъ огонь въ моихъ жилахъ... А! А! почему ты не посмотрѣлъ на меня, Іоканаанъ? Если бы ты посмотрѣлъ, ты полюбилъ бы меня. Я знаю, ты полюбилъ бы меня, потому что тайна любви больше, чѣмъ тайна смерти. Лишь на любовь надо смотрѣть.

Иродъ. Она чудовищна, твоя дочь, она совершенно чудовищна. То, что она сдѣлала, большое преступленіе. Я увѣренъ, что это преступленіе противъ какого-нибудь невѣдомаго Бога.

Иродіада. Я одобряю, что сдѣлала моя дочь, и теперь хочу остаться здѣсь.

Иродъ (вставая). А! заговорила жена-кровосмѣсительница! Пойдемъ! Я не хочу оставаться здѣсь. Идемъ, говорю я. Я увѣренъ, что случится несчастье. Манассія, Иссахаръ, Осія, тушите факелы. Я ничего не хочу видѣть, не хочу,

чтобы меня что-нибудь видѣло. 'Гушите факелы. Скройте луну. Скройте звѣзды. Скроемся въ нашемъ дворцѣ, Иродіада. Я начинаю бояться

(Рабы тушатъ факелы. Звѣзды исчезаютъ. Большое черное облако проходитъ и совсѣмъ закрываетъ луну. Совершенно темнѣть. Тетрархъ начинаетъ подниматься по лѣстницѣ).

Голосъ Саломеи. А! я поцѣловала твой ротъ, Иоканаанъ, я поцѣловала твой ротъ. На твоихъ губахъ былъ острый вкусъ. Былъ это вкусъ крови?.. Можетъ-быть, это вкусъ любви. Говорятъ, у любви острый вкусъ. Но все равно. Все равно. Я поцѣловала твой ротъ, Иоканаанъ, я поцѣловала твой ротъ.

(Лучъ луны падаетъ на Саломею и освѣщаетъ ее).

Иродъ (оборачивается и видитъ Саломею). Убейте эту женщину.

(Солдаты бросаются и щитами своими раздавливаютъ Саломею, дочь Иродіады, царевну іудейскую).

ЗАВѢТЫ МОЛОДОМУ ПОКОЛѢНІЮ.

Перев. К. Ч.

Поменьше естественности,—въ этомъ первый нашъ долгъ. Въ чемъ же второй,—еще никто не дознался.

Порочность — это много, созданный людьми благонравными, когда имъ было нужно объяснить, почему же иные изъ насъ бываютъ такъ странно-привлекательны.

Какъ легко было бы разрѣшить проблему бѣдности, если бы у всѣхъ бѣдняковъ были красивые профили.

Тѣ, кто видятъ различіе между душой и тѣломъ, не имѣютъ ни тѣла ни души.

Хорошо подобранная бутоньерка — единственная связь между искусствомъ и природой.

Религін умираютъ тогда, когда бываетъ доказано, что въ нихъ заключалась истина. Наука—это лѣтопись умершихъ религій.

Воспитанные люди всегда противорѣчатъ другимъ. Мудрые—противорѣчатъ самимъ себѣ.

Совершенно недѣйствительно то, что случается съ нами въ дѣйствительности.

Скука—совершеннolѣтіе серьезности.

Во всѣхъ незначительныхъ дѣлахъ важенъ стиль, а не искренность.

Если скажешь правду,—все равно, рано или поздно попадешься.

Ничто такъ не старитъ человѣка, какъ счастье: наслаждение—это единственное, ради чего нужно жить.

Только не платя по счетамъ, ты можешь лелѣять мечту, что память о тебѣ не умретъ въ нашемъ торгашескомъ обществѣ.

Преступленіе никогда не бываетъ вульгарнымъ, но вульгарность—всегда преступленіе.

Только неглубокій человѣкъ познаётъ самого себя.

Время—потеря денегъ.

Надо быть всегда чуть-чуть неправдоподобнымъ.

Есть что-то роковое во всякомъ добромъ рѣшеніи: ихъ всегда принимаютъ слишкомъ рано.

Если хочешь скрасить слишкомъ крикливый нарядъ, покажи слишкомъ большую образованность. Это единственный способъ.

Быть скороспѣлымъ значить быть совершеннымъ.

Понятіе добра и зла доступно лишь тѣмъ, кто лишентъ всѣхъ остальныхъ понятій.

Честолюбіе—последнее прибежище неудачи.

Истина перестаетъ быть истиной, едва лишь въ нее увѣруеть больше, чѣмъ одинъ человѣкъ.

На экзаменахъ глупцы предлагаютъ вопросы, на которые мудрецы не могутъ дать отвѣтъ.

Эллинская одежда, по своему существу, была крайне антихудожественна. Красоту тѣла можетъ раскрыть только тѣло.

Каждый долженъ быть произведеніемъ искусства,—или носить на себѣ произведенія искусства.

Только внѣшнее и поверхностное долго таятся въ душѣ. Самое глубокое скоро выходитъ наружу.

Промышленность—корень уродства.

Эпохи живутъ въ исторіи только благодаря своимъ анахронизмамъ.

Лишь боги вкусили смерть. Аполлонъ давно умеръ, но Гіацинтъ, котораго онъ будто бы убилъ, живъ и пенныѣ. Неронъ и Нарциссъ всегда съ нами.

Престарѣлые вѣрятъ во все. Пожилые чувствуютъ все. Юные знаютъ все.

Лѣтность—главное условіе совершенства. Цѣль совершенства—юность.

Только великому мастеру стилиа удастся быть неудобочитаемымъ.

Сколько юношей въ Англіи начинаютъ прекраснымъ профилемъ и кончаютъ полезной профессіей! Въ этомъ есть нѣчто трагическое.

Полюбить самого себя — вотъ начало романа, который продлится всю жизнь.

1894, декабрь.

ЛЕКЦИИ И ГАЗЕТНЫЯ ЗАМѢТКИ.

РЕНЕССАНСЪ АНГЛІЙСКАГО ИСКУССТВА.

Лекція *).

Перев. К. Чуковского.

Мы многимъ обязаны Гёте, его великой эстетической чуткости; онъ первый насъ научилъ опредѣлять красоту, какъ нѣчто чрезвычайно конкретное, постигать ее не въ общихъ, а въ отдѣльныхъ, частичныхъ ся проявленіяхъ. Поэтому въ настоящей лекціи я не стану навязывать вамъ какое-нибудь отвлеченное опредѣленіе красоты, — одну изъ тѣхъ универсальныхъ формулъ, которыя хотѣла отыскать философія XVIII вѣка; я даже не буду пытаться передавать вамъ то, что по существу своему не передаваемо, — ту неуловимую особенность, благодаря которой данная картина или поэма наполняетъ насъ небывалою, ни съ чѣмъ не сравнимой радостью. Мнѣ просто хотѣлось бы очертить передъ вами тѣ основныя идеи, которыя характеризуютъ великій Ренессансъ англійскаго искусства, указать, насколько возможно, источникъ этихъ идей и опредѣлить ихъ дальнѣйшую судьбу, — опять-таки насколько возможно.

Я называю это теченіе нашимъ англійскимъ возрожденіемъ, потому что, подобно эпохѣ великаго итальянскаго возрожденія, въ XV вѣкѣ, здѣсь и вправду какъ будто *сызнова рождается* человѣческій духъ, и въ немъ, какъ и тогда, просыпается жажда болѣе нарядной, изысканной жизни, страсть къ физической красотѣ, всепоглощающее вниманіе къ формѣ, онъ начинаетъ искать новыхъ сюжетовъ для поэзіи, новыхъ формъ для искусства, новыхъ усладъ для ума и воображенія. Я называю это теченіе романтическимъ, ибо именно въ романтизмѣ — нынѣшнее воплощеніе красоты.

Часто хотѣли видѣть въ этомъ теченіи иростую реставрацію эллинскихъ пріемовъ мышленія или — средневѣковаго чувства. Но я сказалъ бы, что оно присоединило къ этимъ старымъ формамъ человѣческаго духа все, что художественно-цѣннаго создала современная жизнь, такая сложная, запутанная, многоопытная, — заимствовавъ въ свою очередь у эллинизма ясность взгляда и спокойную сдержанность чувства, а у средневѣковья — разнообразіе формъ и мистичность видѣній. Ибо, — какъ сказалъ тотъ же Гёте, — развѣ, изучая древній міръ, мы тѣмъ самымъ не обращаемся къ міру реальному (греки вѣдь и были реалисты), и по слову Маццини, — что же такое средневѣковье, какъ не индивидуальность?

*) Въ печати сохранилось много лекцій Оскара Уайльда объ искусствѣ. Не полагаясь на газетные отчеты, мы даемъ лишь тѣ изъ нихъ, которыя возстановлены по подлиннымъ рукописямъ автора.

Воистину, отъ сочетанія эллинизма, широкаго, здравомыслящаго, спокойно обладающаго красотой, — съ усиленнымъ, напряженнымъ индивидуализмомъ, окрашеннымъ всей страстностью романтическаго духа, — отъ этого сочетанія и рождается современное англійское искусство, какъ отъ союза Фауста съ Еленой Троянскою родился прекрасный юноша Эвфоріонъ.

Правда, такіе терминны, какъ „классическій“ и „романтическій“, давно уже превратились въ пошлыя клички художественныхъ школъ; само искусство не знаетъ такихъ подраздѣленій, ибо у него только одинъ-единственный высшій законъ: законъ формы или гармоніи; однако мы не можемъ не признать, что между классическимъ и романтическимъ духомъ въ искусствѣ наблюдается хотя бы то различіе, что первый имѣетъ дѣло съ типами, а второй — съ исключеніями. Въ созданіяхъ современнаго романтическаго духа уже болѣе не трактуютъ вѣчныя, неизмѣнныя истины бытія; искусство стремится передать мгновенное положеніе, мгновенный обликъ того или иного предмета. Такъ, въ скульптурѣ, которая изо всѣхъ искусствъ является наиболѣе характернымъ выраженіемъ классическаго духа, сюжетъ всегда преобладаетъ надъ положеніемъ, въ живописи — этомъ типичнѣйшемъ выраженіи духа романтическаго — положеніе преобладаетъ надъ сюжетомъ.

Итакъ, существуютъ два духа: эллинскій духъ и романтическій можно считать основными элементами нашей сознательной, интеллектуальной традиціи, нашими вѣчными мѣрилами вкуса. Чтò касается ихъ источника, то вѣдь въ искусствѣ, какъ и въ политикѣ, есть лишь одинъ источникъ всяческихъ революцій: стремленіе человѣка къ болѣе благороднымъ формамъ жизни, къ болѣе свободнымъ приемамъ и способамъ выраженія. Но все же мнѣ кажется, что при отбѣнкѣ интеллектуальнаго и чувственнаго духа, присущаго нашему англійскому Ренессансу, не слѣдуетъ его изолировать отъ той общественной жизни, которая и создала этотъ духъ, отъ ся прогресса и движенія; иначе мы отняли бы у него его жизненность и, можетъ-быть, даже извратили бы его настоящій смыслъ. И, выдѣляя изо всѣхъ исканій и стремленій современнаго человечества тѣ исканія и стремленія, которыя связаны съ искусствомъ и съ любовью къ искусству, мы все же должны принять во вниманіе множество такихъ историческихъ событій, которыя съ перваго взгляда кажутся наиболѣе враждебными всякому художественному чувству.

Такъ что, хотя нашъ англійскій Ренессансъ, съ такимъ страстнымъ культомъ чистой красоты, съ безупречною преданностью формѣ, — такой исключительно чувственный! — и кажется по началу далекимъ отъ всякой яростной политической страсти, отъ хриплыхъ голосовъ забунтовавшей черни, — все же мы должны обратиться къ французской революціи, чтобы найти первичные факторы его появленія на свѣтъ, первоначальныя причины его зарожденія; къ той революціи, которая породила насъ всѣхъ, хотя мы, непокорныя дѣти, часто встаемъ противъ нея; къ той революціи, которой черезъ моря послала ваша юная республика благородныя изъявленія любви *), — когда въ Англии даже такіе умы, какъ Кольриджъ и Вордсвортъ, совершенно растерялись передъ ней.

Правда, наше современное ощущеніе преемственности историческихъ событій привело насъ къ тому, что ни въ политикѣ ни въ

*) Здѣсь Уайльдъ обращается къ американцамъ: лекція впервые была прочтана въ Нью-Йоркѣ

природѣ нѣтъ революціи, а есть эволюція; правда, прелюдія къ этому бѣшеному шторму, который въ 1789 году пронесся надъ Франціей и заставилъ каждаго монарха въ Европѣ дрожать за своей престолъ, прозвучала сперва въ литературѣ за много лѣтъ до паденія Бастиліи и взятія Версаля: ибо дорога къ кроваво-краснымъ событіямъ, разыгравшимся надъ Сеной и Луарой, была вымощена, была уготована тѣмъ критическимъ духомъ Германіи и Англии, который приучилъ насъ переоцѣнивать все, съ точки зрѣнія разумности или полезности (или разумности и полезности вмѣстѣ); и народные бунты на улицахъ Парижа были эхомъ, порожденнымъ жизнью Эмиля и Вертера *), потому что Жанъ-Жакъ Руссо у молчаливаго озера и у тихой горы призывалъ человѣчество назадъ, къ золотому вѣку, который все еще ждетъ насъ впереди, и проповѣдывалъ возвратъ къ природѣ съ такимъ страстнымъ краснорѣчіемъ, что оно, какъ музыка, донинѣ витаетъ въ нашемъ холодномъ сѣверномъ воздухѣ. И Гёте и Вальтеръ-Скоттъ освободили романтизмъ изъ темницы, гдѣ онъ былъ въ заточеніи столько вѣковъ; а что такое романтизмъ, какъ не само человѣчество!

Однако еще во чревѣ самой революціи, подъ вихрями бурь и ужасовъ той изступленной поры, таились такія стремленія, которыя возрожденное искусство использовало для себя, чуть только наступилъ подходящій моментъ; сначала это были тенденціи чисто-научныя; онѣ породили цѣлый выводокъ нѣсколько шумливыхъ титановъ и, пожалуй, въ сферѣ поэзіи принесли немало добра. Онѣ придали энтузіазму ту интеллектуальную основу, въ которой вся его сила. Именно объ этомъ вліяніи науки на искусство такъ благородно выразился Вордсвортъ: „когда на лицѣ науки зажигается страсть, наука становится поэзіей; своей божественной душой поэтъ оживотворяетъ тѣлесныя формы науки“. Отъ Шелли до Свинбёрна поэты воспѣвали науку, ея космическое чувство, ея глубочайшій пантеизмъ, — но и помимо того, мнѣ хотѣлось бы здѣсь изслѣдовать вліяніе науки на художественный темпераментъ, указать, какую ясность взгляда, точную наблюдательность, строгое чувство мѣры, — т.-е. все, въ чемъ истинная сущность искусства, — придаетъ художнику науку.

„Золотое великое правило какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ, — утверждалъ Вильямъ Блэкъ, — заключается въ томъ, что каждое созданіе тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ яснѣе, точнѣе и опредѣленнѣе его границы. Неясность этихъ границъ свидѣтельствуетъ о бессмысленности, подражаніи, плагиатѣ. Это постигали великіе новаторы всѣхъ вѣковъ, — въ чемъ, какъ не въ этомъ, сказались и Микель-Анджело и Альбрехтъ Дюреръ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ писалъ со всей прямою девятнадцатаго вѣка: „обобщать — это значитъ быть идіотомъ“.

И это пристрастіе къ отчетливой концепціи, эта ясность зрѣнія, это чувство границы и мѣры присуще всѣмъ величайшимъ созданіямъ поэзіи: Гомеръ и Данте, Китсъ и Вильямъ Моррисъ, Чосеръ и Теокрытъ — всѣ они одинаково четко видѣли окружающій міръ. Такая же конкретность лежитъ въ основѣ всѣхъ благородныхъ созданий искусства — реалистическихъ и романтическихъ, — въ противоположность безцвѣтнымъ и пустымъ отвлеченностямъ нашихъ поэтовъ XVIII вѣка, псевдо-классическихъ французскихъ драматурговъ, ту-

*) „Эмилъ“ — книга Ж. Ж. Руссо. „Страданія молодого Вертера“ — произведеніе Гёте.

манныхъ спиритуалистовъ нѣмецкой сентиментальной школы, — а также въ противоположность тому духу трансцендентализма, который былъ въ одно и то же время и корнемъ и цвѣткомъ великой революціи, таея въ безстрастныхъ умозрѣніяхъ Вордсворта и открылая Шелли въ его ординаромъ полетѣ; хотя теперь этотъ духъ трансцендентализма уже замѣненъ матеріализмомъ и позитивизмомъ нашихъ дней, но все же—въ области философіи—онъ завѣщаль намъ двѣ великія школы мышленія: школу Ньюмана въ Оксфордѣ и Эмерсона въ Америкѣ; духу же искусства этотъ духъ совершенно чуждъ, ибо художникъ не можетъ принять какую-нибудь отдѣльную область жизни взамѣнъ самой жизни. Для него нѣтъ освобожденія отъ путь и оковъ земли; и желанія даже нѣтъ — освободиться.

Въ сущности онъ единственный истинный реалистъ: символизмъ, эта эссенція трансцендентальнаго духа, совершенно несвойственъ ему. Метафизическій разумъ Азіи можетъ создать себѣ многогрудаго чудовищнаго идола Эфесскаго, но для эллина, чистаго художника, это произведеніе покажется чуждымъ истинно-духовной жизни, которая въѣдъ лучше всего согласуется съ совершенными проявленіями жизни физической.

„Буря революціи, — сказалъ Андре Шенье: — тушить факель поэзіи“... Но послѣдствія такой безумной катастрофы сказываются далеко не сразу: сначала кажется, что стремленіе къ равенству создаетъ титаническихъ, исполинскихъ людей, какихъ и міръ никогда не видаль: вдругъ услышали лиру Байрона и легіоны Наполеона; то была эпоха безмѣрныхъ страстей и безмѣрнаго же отчаянія; честолюбіе и раздоръ были главными нотами искусства и жизни; этотъ вѣкъ былъ вѣкомъ мятежа, — фаза, которую долженъ пройти человѣческій духъ, но въ ней ему нельзя останавливаться, ибо цѣль культуры—миръ, а не бунтъ, и зловѣщая долина, гдѣ черною ночью бьются темныя полчища, не можетъ быть обителью для той, кому боги отвели цвѣтушіе горныя склоны, солнечныя горныя вершины и чистый, безурный воздухъ.

И скоро эта жажда совершенства, которая лежитъ въ основѣ революціи, нашла въ молодомъ англійскомъ поэтѣ свое полное и безупречное осуществленіе.

Гомеръ предвосхитилъ Фидія и созданія эллинскаго искусства. Данте предвѣщаетъ для насъ напряженность, колоритность и страстность итальянскаго искусства; современное увлеченіе пейзажемъ ведетъ свое начало отъ Ж.-Ж. Руссо, — а въ Китѣ мы видимъ зачинателя художественнаго Ренессанса Англійи.

Байронъ былъ мятежникъ, а Шелли—мечтатель; но именно Китѣ былъ чистый и безмятежный художникъ; такъ ясны и тихи его созерцанія, такъ полно онъ владѣетъ собою, такъ вѣрно постигаетъ красоту, такъ чувствуетъ самодовлѣющую сущность поэзіи!—да, онъ несомнѣнный предтеча прерафаэлитской школы, того великаго романтическаго движенія, о которомъ я и хочу говорить.

Правда, еще до Кита Вильямъ Блэкъ боролся за высокую духовную миссію искусства и пытался поднять рисунокъ до идеальнаго уровня иоэзіи и музыки, но обособленность его видѣній и въ живописи и въ поэзіи и несовершенство его техники не дали ему настоящаго вліянія. Только въ Китѣ художественный духъ нашего вѣка нашель полное свое вонлощеніе.

А эти прерафаэлиты, кто же они были такіе? Если вы спросите у англійской публики, что значить слово эстетика, девять десятыхъ отвѣтятъ вамъ, что по-французски это значить „притворство“, „ло-

манье“, а по-нѣмецки *daß*; а если вы спросите о прерафаэлитсахъ, вамъ скажутъ, что это эксцентрическая кучка молодыхъ людей, для которыхъ божественная изломанность и святая угловатость рисунка являются главными цѣлями въ искусствѣ. Ничего не знать о своихъ великихъ людяхъ — одна изъ главнѣйшихъ основъ нашего англійскаго воспитанія.

Исторія прерафаэлитовъ самая простая: въ 1847 году въ Лондонѣ нѣсколько юныхъ поэтовъ и живописцевъ, страстныхъ поклонниковъ Кита, усвоили себѣ привычку собираться вмѣстѣ и обсуждать вопросы искусства. Результатомъ этихъ обсуждений было то, что англійская филистерская публика была внезапно пробуждена отъ своей обычной апатіи, услыхавъ, что въ ея средѣ завелось такое сообщество юношей, которое замыслило произвести революцію въ англійской поэзіи и живописи.

Въ Англии тогда, какъ и теперь, стоило только человѣку попытаться создать что-нибудь глубокое, прекрасное, чтобы лишиться всѣхъ своихъ гражданскихъ правъ. Къ тому же это прерафаэлитское братство, куда входили: Данте-Габріель Россети, Гольманъ Гёнтъ, Миллесъ (ихъ имена, я полагаю, вамъ извѣстны)—обладало тремя такими качествами, которыхъ англійская публика ни за что никому не проститъ: силой, энтузіазмомъ и молодостью.

Сатира, которая всегда столь же бесплодна, какъ и безстыдна, столь же бесильна, какъ и нагла, заплатила имъ свою обычную дань, которую всегда посредственность уплачиваетъ генію,—и, какъ неизмѣнно бываетъ, принесла нашей публикѣ очень много вреда, закрывая ей глаза предъ красотой и научая ее той грубости, которая является источникомъ всего низменнаго и пошлаго въ жизни и въ то же время не причиняетъ никакого ущерба художнику,—скорѣе напротивъ, убѣждаетъ его, что онъ совершенно правъ въ своемъ творчествѣ и въ дерзкомъ честолюбіи. Ибо расхождение во всѣхъ взглядахъ съ тремя четвертями британской публики — является однимъ изъ главныхъ элементовъ здраваго смысла, величайшей поддержкой въ минуты духовныхъ сомнѣній.

Какія же идеи были положены этими молодыми людьми въ основу англійскаго Ренессанса? Эти идеи сводились къ тому, чтобы повисить духовную цѣнность искусства, а также и его декоративную цѣнность.

Они назвали себя прерафаэлитами, — не потому, чтобы они хотѣли имитировать раннихъ итальянскихъ мастеровъ, а потому, что именно въ твореніяхъ этихъ предшественниковъ Рафаэля они нашли и реализмъ могучаго воображенія, и реализмъ тщательной техники, страстную и яркую восприимчивость, интимную и сильную индивидуальность,—все, что совершенно отсутствовало въ поверхностныхъ отвлеченностяхъ Рафаэля.

Вѣдь это еще не достаточно, чтобы произведение искусства отбѣжало эстетическимъ требованіямъ своей эпохи; на немъ, если только онъ хочетъ сдѣлаться источникомъ вѣчныхъ усадь, долженъ быть отпечатокъ опредѣленной индивидуальности, исключительной личности, непохожей на ординарныхъ людей, оно должно воздѣйствовать на насъ именно своей новизной, поразить насъ чѣмъ-то неожиданнымъ,—такъ, чтобы самая странность его формы принудила насъ принять его съ раскрытыми объятями.

„Личность, — сказалъ одинъ изъ величайшихъ нынѣшнихъ критиковъ:—вотъ въ чемъ все наше спасеніе“.

Но главною ихъ особенностью было возвращеніе къ природѣ, —

эта формула, которая пригодна для множества различнѣйших теченій: они хотѣли писать и рисовать лишь то, что они видѣли, они пытались вообразить всѣ явленія, какъ они случались въ дѣйствительности. Прошло немного времени, и въ старинный домъ у моста Черныхъ Монаховъ, гдѣ работали и собирались „братья прерафаэлиты“, явились двое юношей изъ Оксфорда: Эдуардъ Бёрнъ-Джонсъ и Вильямъ Моррисъ; послѣдній замѣнилъ упрощенный реализмъ раннихъ дней болѣе тонкой изысканностью, болѣе безупречной преданностью красотѣ, болѣе сдѣланнымъ исканіемъ совершенства, — мастеръ изощреннаго узора и одухотворенныхъ видѣній. Ему скорѣе сродни флорентинская, а не венеціанская школа, ибо онъ чувствуетъ, что слѣжное подражаніе природѣ есть помѣха всякому творчеству. Зримые облики современной жизни не привлекаютъ его: ему болѣе по душѣ — увѣковѣчивать все, что есть прекраснаго въ греческихъ, итальянскихъ и кельтскихъ легендахъ. Ему же мы обязаны поэзіей, гдѣ ясная точность, отчетливость слога и образовъ не были никогда превзойдены въ литературѣ нашей страны; онъ же возродилъ декоративныя искусства и тѣмъ придавъ нашему романтическому теченію, гдѣ такъ сильна была струя индивидуализма, — социальную идею и социальный факторъ.

Но не слѣдуетъ думать, что революція, произведенная этой кликой молодыхъ людей (которымъ скоро пришло на помощь пылкое и безупречное краснорѣчіе Джона Рескина), была только революціей идей и теорій, — она также была революціей творчества.

Ибо великія эпохи въ исторіи развитія всѣхъ искусствъ были не только эпохами энтузіазма и душевнаго подъема, въ области чистаго художества, но первѣе всего и главнѣе всего — эпохами новыхъ техническихъ завоеваній.

Открытіе мраморныхъ залежей въ пурпуровыхъ оврагахъ Пантелейнона и на маленкихъ невысокихъ холмикахъ острова Пароса дали грекамъ возможность выразить то интенсивное пробужденіе дѣятельности, тотъ чувственный и простой гуманизмъ, котораго никакъ не могъ проявить египетскій скульпторъ, прилежно работающій надъ твердымъ порфиромъ и розовымъ гранитомъ пустыни.

Пыльное процвѣтаніе венеціанской школы началось съ той поры, когда въ живопись были введены новыя техническія средства: масляныя краски; а прогрессомъ современной музыки мы всецѣло обязаны изобрѣтенію новыхъ инструментовъ, ибо нельзя же и думать, будто у музыканта внезапно повысилось сознаніе какихъ-нибудь широкихъ социальныхъ задачъ, которымъ онъ, будто бы, призванъ служить. Правда, критика вольна объяснять слабевольную музыку Бетховена недостатками современнаго интеллекта, но самъ композиторъ вправѣ отвѣтить, — какъ послѣ и отвѣтилъ одинъ: — „пустыни они разыскиваютъ квинты, а насъ оставлять въ покоѣ“.

То же самое и въ поэзіи: это увлеченіе причудливыми французскими размѣрами — балладой, пѣсней съ повторнымъ припѣвомъ; это растущее пристрастіе къ аллитераціямъ, къ экзотическимъ словамъ и рефренамъ, у Данте Россети и у Свинберна — просто-напросто есть попытка усовершенствовать флейту, трубу и віолу, при посредствѣ которыхъ духъ вѣка устами поэта могъ бы создать для насъ ихъ многовѣщающую музыку.

То же самое — и въ нашемъ романтическомъ движеніи: это реакція противъ пустой и пошлой ремесленности, противъ разнузданныхъ

*) О Вильямѣ Моррисѣ см. примѣчаніе на стр. 159, т. II.

пріемовъ живописи и поэзіи предшествующаго періода; она сказала у Россети и Бёрнъ-Джонса въ такой яркой пышности красокъ, въ такой изумительной сложности рисунка, какихъ до этой поры не знала англійская живопись. Въ поэзіи у Данте-Габріэля Россети, а также у Морриса, Свинберна и Теннисона, превосходная изысканность и точность языка, безстрашный и безупречный стиль, жажда сладостной и драгоценной мелодичности, постоянное признаніе музыкальной цѣнности каждаго слова—все это относится къ техникѣ, а отнюдь не къ области чистаго интеллекта.

Въ этомъ отношеніи прерафаэлиты примыкаютъ къ такому же романтическому теченію во Франціи, и какъ характерно для этой школы слѣдующее наставленіе, данное Теофилемъ Готье одному молодому поэту: „ежедневно читайте словарь, ибо это единственная книга, достойная, чтобы ее читать поэтъ“.

Когда, такимъ образомъ, матеріалъ былъ найденъ и выработанъ, и въ немъ обнаружились неотъемлемыя вѣчныя качества, присущія ему одному, вполне удовлетворяющія поэтическому вкусу и не требующія для созданія нужнаго эстетическаго эффекта—никакихъ возвышенныхъ духовныхъ прозрѣній, никакихъ критическихъ запросовъ отъ жизни, и даже обходящаяся безъ всякой страстной эмоціи,—духъ и пріемы творчества, то, что называется поэтическимъ вдохновеніемъ, не избѣгли контроля и вліянія со стороны этихъ формальныхъ условій. Не то, чтобы фантазія лишилась крыль, нѣтъ!—а просто мы пріучили себя сосчитывать ихъ безчисленные взмахи, находить границы ихъ безграничной мощи, управлять ихъ неуправляемой свободой.

Грековъ особенно занималъ этотъ вопросъ объ условіяхъ поэческаго творчества и о мѣстѣ, занимаемомъ сознательностью или безсознательностью во всякомъ созданіи искусства.

Мы находимъ эту проблему въ мистицизмѣ Платона и въ рационализмѣ Аристотеля. И позже, въ эпоху итальянскаго Ренессанса, она волнуетъ такіе умы, какъ Леонардо да-Винчи. Шиллеръ пытался установить равновѣсіе между чувствомъ и формой, а Гёте хотѣлъ опредѣлить цѣнность самосознанія въ искусствѣ. Опредѣленіе поэзіи, данное Вордсвортомъ, будто это—„бурная эмоція, воспоминаемая въ тиши“,—можно считать анализомъ одной изъ тѣхъ стадій, которыя должны быть пройдены каждымъ произведеніемъ искусства; и въ жаждѣ Китаа „творить безъ лихорадки“ (я цитирую одно его письмо), въ этомъ его стремленіи замѣнить поэтическій пылъ „какою-нибудь болѣе осмысленною и спокойною силой“,—мы можемъ признать очень важный моментъ въ творческой эволюціи поэта. Этотъ же вопросъ былъ поставленъ довольно давно—и въ очень причудливой формѣ—въ вашей, американской литературѣ: вѣдь вамъ нечего и напоминать, какъ глубоко молодые французскіе романтики были потрясены и взволнованы анализомъ Эдгара Поэ надъ своимъ собственнымъ творчествомъ, его статьею, гдѣ онъ изслѣдовалъ шагъ за шагомъ всю работу своей фантазіи при созданіи того гениальнаго шедевра, который намъ извѣстенъ подъ именемъ „Воронъ“.

Въ предыдущемъ столѣтіи, когда интеллектуальный и дидактическій элементъ такъ стремительно вторгся во владѣнія поэзіи, такой художникъ, какъ Гёте, былъ принужденъ возстать противъ подобнаго притязанія разсудочности. „Тѣмъ непонятнѣе стихотвореніе, тѣмъ лучше для него“,—сказалъ онъ однажды, устанавливая этимъ афоризмомъ такое же преобладаніе воображенія въ поэзіи, какъ преобладаніе разума—въ прозѣ.

Но въ нынѣшнемъ вѣкѣ художники принуждены возставать скорѣе противъ чрезмѣрнаго господства эмоцій, противъ исключительныхъ притязаній чувствительности и чувства. Простое выраженіе радости — еще не поэзія, точно такъ же, какъ не поэзія — всякій крикъ субъективной боли; все, что на дѣлѣ пережито поэтому, никогда не находитъ непосредственнаго, прямого выраженія, но собирается и поглощается какой-нибудь художественной формой, которая, съ перваго взгляда, кажется наиболѣе далекой отъ истинныхъ переживаній поэта.

„Страсти находятся въ сердцахъ, но поэзія только въ фантазій“, утверждаетъ Шарль Бодлеръ. Тому же неустанно училъ и Готье, самый изысканный изъ всѣхъ современныхъ критиковъ, самый очаровательный изъ всѣхъ современныхъ поэтовъ. „Вѣдь cadaго можетъ расстрогать восходъ или закатъ.—любилъ повторять Готье:—отличительная же черта художника не столько въ томъ, что онъ чувствуетъ природу, сколько въ томъ, что онъ можетъ ее передать“. Подлѣйшее подчиненіе всѣхъ умственныхъ и эмоциональныхъ проявленій такому созидательному и жизненному принципу поэзій — есть лучшій залогъ того, какъ силенъ и могучъ нашъ Ренессансъ.

Мы видѣли, что художественный духъ проявляется раньше всего не въ сюжетѣ, а въ формѣ, въ восхитительной области техники,—въ области языка,—и что именно форма управляетъ фантазіей творца при обработкѣ его сюжета. А теперь мнѣ хотѣлось бы вамъ указать, какъ этотъ художественный духъ вліяетъ на выборъ сюжета. Признаніе за художникомъ права на господство въ совершенно обособленной области; увѣренность, что между міромъ искусства и міромъ реальныхъ фактовъ лежитъ глубочайшая пропасть,—есть не только основной элементъ всякаго эстетическаго очарованія, но и характерный призракъ всякаго великаго произведенія, всякой великой эпохи въ исторіи искусства, будь то эпоха Фидія или эпоха Микель-Анджело, Гёте или—Софокла.

Держась въ сторонѣ отъ всякихъ социальныхъ проблемъ повседневности, искусство никогда не бываетъ въ ущербѣ. Напротивъ, лишь тогда оно и способно дать намъ то, чего мы хотимъ отъ него: ибо для большинства изъ насъ истинная жизнь это такая жизнь, которою мы не живемъ, и такимъ образомъ она, оставаясь болѣе вѣрной сущности своего собственнаго совершенства, охраняя болѣе ревниво свою недосыгаемую красоту, не такъ-то скоро забудетъ о формѣ въ самый моментъ своихъ эмоцій и не такъ-то скоро согласится принять страсть и тревогу творчества, взамѣнъ красоты сотвореннаго.

Несомнѣнно, художникъ есть дитя своего вѣка, но настоящее для него нисколько не менѣе реально, чѣмъ прошлое; ибо, какъ и философъ платоновской школы, поэтъ — созерцатель всѣхъ явленій и всѣхъ временъ. Для него не существуетъ отжившихъ формъ, устарѣвшихъ сюжетовъ; все, что когда бы то ни было пережилъ міръ, въ Іудейскихъ ли пустыняхъ или въ Аркадскихъ долинахъ, надъ Троянскими рѣками или у рѣкъ Дамаска, на веселыхъ дорогахъ Камлота или на мерзостныхъ улицахъ современнаго многолюднаго города, все раскрыто передъ художникомъ, какъ нѣкій развернутый свитокъ, все дышитъ плѣнительной жизнью.

И художникъ почерпнетъ отсюда, что придется ему по душѣ,—только это, не болѣе,—онъ произведетъ художественный отборъ, онъ приметъ одно и отвергнетъ другое съ безмятежностью человѣка, владѣющаго тайной красоты.

Можно поэтически отнестись ко всёму окружающим предметамъ, но не всякій же предметъ достоинъ, чтобы къ нему отнестись поэтически. Истинный художникъ не позволитъ, чтобы въ недоступную и священную хранину красоты вторглось что-нибудь грубое или волнующее, что-нибудь причиняющее боль, что-нибудь сомнительное или ведущее къ раздорамъ. Конечно, онъ можетъ снизойти, если ему угодно, до обсуждения всёхъ социальныхъ проблемъ современности, о законахъ въ пользу неимущихъ, о мѣстныхъ налогахъ, о свободѣ торговли, о биметаллизмѣ и т. п.; пока на эти темы онъ будетъ писать, какъ благородно выразился Мильтонъ, — „лѣвой рукою“, въ прозѣ, а не въ стихахъ, въ формѣ памфлета, а не въ формѣ лирики. Байронъ, напр., совсѣмъ не обладалъ этимъ изысканнымъ даромъ художественнаго отбора, у Вордсворта его не было также. Въ произведеніяхъ этихъ обоихъ поэтовъ многое нужно отвергнуть, многое неспособно намъ дать то полное чувство покоя и безмятежности, которое свойственно всякому прекрасному созданію искусства. Но Китсъ — какъ бы живое воплощеніе этого чувства, и оно вылилось лучше и полнѣе всего въ его восхитительной „Одѣ къ греческой урнѣ“; этотъ даръ отбора господствуетъ также въ пышной процессіи „Земного рая“ у Вильяма Морриса и въ рыцаряхъ и дамахъ Бёрнъ-Джонса.

Тщетно призывается муза поэзіи — хотя бы и грубнымъ гласомъ Уота Уитмэна *) — эмигрировать изъ Іоніи и Греціи и прибыть къ Парнасу табличку: „За отъѣдомъ сдается въ наемъ“. Зовъ Калліопы еще не умолкъ, азійскій эпосъ не вымеръ; Сфинксъ отнюдь не безмолвствуетъ, и не высохъ Кастальскій источникъ. Ибо искусство — есть сущность жизни, и ему невѣдома смерть. Искусство — абсолютная истина, и ему нѣтъ дѣла до фактовъ. Я помню, какъ Свинбернъ утверждалъ за какимъ-то обѣдомъ, что Ахиллъ даже въ наше время реальнѣе и жизненнѣе Веллингтона — не только интереснѣе, какъ типъ, не только благороднѣе, но именно реальнѣе и „позитивнѣе“.

Литература всегда должна покоиться на принципахъ, а идеи данаго времени ни въ коемъ случаѣ не являются принципами. Ибо для поэта всё страны и всё эпохи — одно; матеріалъ, надъ которымъ онъ работаетъ, вѣчно одинъ и тотъ же. Прошлое и будущее — ему все равно, всякая тема — по немъ! Паровозный свистокъ не испугаетъ его; аркадская свирѣль не утомитъ; для него существуетъ одно только время — мгновеніе художественнаго творчества; только одинъ законъ — законъ формы; только одна страна — страна красоты, отдаленная отъ реального міра, но болѣе близкая нашей душѣ, а потому и болѣе долговѣчная, проникнутая тѣмъ покоемъ, который освѣняетъ лица греческихъ статуй и который происходитъ не оттого, что мы избѣгаемъ страстей, а оттого, что мы до конца проникаемся ими. Печаль и отчаяніе не нарушатъ такой безмятежности, а только усилятъ ее.

И такимъ образомъ происходитъ, что тотъ, кто какъ будто стоитъ дальше всёхъ отъ своей эпохи, отражаетъ ее лучше всего, потому что онъ очистилъ жизнь отъ всего случайнаго и преходящаго, очи-

*) Уотъ Уитмэнь (1819—1892), оригинальнѣйшій американскій поэтъ, бардъ демократіи, призывавъ къ отреченію отъ старыхъ литературныхъ традицій и въ стихотвореніи „Song of Expiration“ утверждалъ, что „зовъ Калліопы умолкъ“, что „пчезъ азійскій эпосъ“, что „Сфинксъ съ перебитой губою безмолвствуетъ“, и что „на свѣжныхъ вершинахъ Парнасса муза должна прибыть табличку: „За отъѣдомъ сдается въ наемъ“.

стиль отъ того „тумана вульгарной фамильярности, который затемняетъ для насъ самыя первоосновы жизни“.

Эти странныя сибиллы съ безумными глазами, навѣки застывшія въ вихрѣ экстаза, эти титанически-могучіе пророки, обремененные чѣмъ-то мистическимъ, съ напряженіемъ добывающіе тайну вселенной—стража и слава Сикстинской капеллы въ Римѣ,—не говорятъ ли онѣ намъ больше о духовной сущности итальянскаго Ренессанса, о мечтѣ Савонароллы и о преступленіяхъ Борджіа, чѣмъ могутъ сказать о духовной сущности голландской исторіи всѣ сварливые мушланы и стряпухи нидерландскихъ картинъ?

Точно также и въ наши дни двѣ самыя жизненные тенденціи девятнадцатаго столѣтія,—тенденція пантеистически-демократичная и тенденція цѣнить жизнь во имя искусства,—обѣ нашли наиболѣе полное и совершенное выраженіе въ поэзіи Шелли и Китса, которые однако слѣпцамъ-современникамъ казались заблудшими въ пустынь проповѣдниками какихъ-то безжизненныхъ туманностей.

И я помню, какъ въ бесѣдѣ со мною о современной наукѣ Бёрнъ-Джонсъ мнѣ сказалъ: „чѣмъ больше будетъ матеріализма въ наукѣ, тѣмъ больше ангеловъ буду я рисовать: ихъ крылья—мои протесты въ защиту безсмертія души“.

Но здѣсь мы переходимъ къ духовнымъ умозрѣніямъ, лежащимъ въ основѣ искусства. Гдѣ же, въ какой области искусства намъ искать ту широту общечеловѣческой симпатіи, которая является непремѣннымъ условіемъ всякаго благороднаго произведенія? Гдѣ же въ искусствѣ искать намъ то, что Мацини назвалъ бы общественными идеями,—въ противоположность идеямъ личнымъ? По какому праву я требую, чтобы художникъ любилъ челоуѣчество и былъ его вѣрнымъ рыцаремъ? Мнѣ кажется, я знаю, по какому.

Какую бы великую идею ни взялъ себѣ въ помощь художникъ, это дѣло его души. Какъ Микель-Анджело, онъ можетъ принести намъ суровое правосудіе, или—миръ, подобно Анджелико; какъ великій афинянинъ, онъ можетъ прійти къ намъ съ печалью, или съ весельемъ, какъ сицилійскій пѣвецъ; и намъ ничего не остается: только принять его ученіе, сознавши, что мы совершенно не въ силахъ вызвать улыбку на скорбныхъ устахъ Леопарди или отягчить безмятежную ясность Гёте какой-нибудь нашей тревогой.

Но эти вѣщанія художниковъ лишь тогда будутъ признаны несомнѣнными истинами, когда уста, изрекающія ихъ, зажгутся огнемъ краснорѣчія, а въ очахъ будетъ отблескъ какихъ-то дивныхъ видѣній, и есть одно единственное подтвержденіе ихъ непрерываемой правды—непогрѣшимая красота и совершенная форма, ее выражающая, и здѣсь — и только здѣсь, въ этомъ радостномъ пріятіи красоты вся его социальная идея. Социальная идея искусства не въ томъ, чтобы безъ надобности вызывать у васъ смѣхъ, или не стали успокаивать васъ; она не въ сюжетѣ, а въ формѣ,—въ очарованіи линий, въ чудѣ красокъ, въ радующей прелести рисунка.

Большинство изъ васъ, должно-быть, видѣли тотъ великій шедевръ Рубенса, что находится въ Брюссельской картинной галлерей. — пышно великолѣпіе нѣсколькихъ лошадей и всадниковъ, схваченныхъ въ самый пламенный и самый прекрасный мигъ, когда алымъ знаменемъ уловлены вѣтры, а воздухъ освѣщенъ сверканіемъ дослѣховъ и ослѣпительной яркостью плюмажей. Да, это — великая радость въ искусствѣ, — хотя по этому золотистому холму, изображенному на картинѣ, проходятъ израненныя ноги Христа, и на казнь Сына Человѣческаго мчится эта дивная кавалькада.

Но мы стали слишком разсудочны, и нашъ безпокойный интеллектъ недостаточно теперь воспримчивъ для чувственныхъ элементовъ красоты; такъ что подлинное вліяніе искусства недоступно большинству изъ насъ; только немногіе, ускользнувъ отъ тираніи души, постигли тайну этихъ высокихъ мгновений, когда мысль совершенно отсутствуетъ.

И въ такой бездумности истинной красоты — причина того вліянія, которое оказало на Европу восточное, азіатское искусство. Вотъ почему мы такъ увлеклись всякими японскими издѣліями. Слишкомъ тяжкое бремя разсудочныхъ сомнѣній и мучительныхъ духовныхъ трагедій возложилъ на искусство Западъ; а Востокъ навсегда остался вѣренъ первичнымъ, чисто-декоративнымъ задачамъ искусства.

При оцѣнкѣ какой-нибудь очаровательной статуи, ваше эстетическое чувство вполнѣ и до конца удовлетворено прекраснымъ очертаніемъ мраморныхъ устъ, — хоть они и не стенаютъ, какъ наши, — и благородными линіями рукъ. — хоть онѣ и неспособны намъ помочь.

Въ первичномъ, основномъ своемъ видѣ картина имѣетъ не болѣе смысла и не болѣе поучительности, чѣмъ прекрасный обломокъ венеціанскаго стекла или голубой изразецъ со стѣны Дамаска: это просто прекрасно-раскрашенная поверхность — и только.

Не житейскими или метафизическими истинами всякая изысканно-прекрасная картина должна трогать душу, — и дѣйствительно трогаетъ ее. Но то чисто-живописное очарованіе, которое, съ одной стороны, не прибѣгаетъ ни къ какимъ литературнымъ эффектамъ, а съ другой — не является простымъ результатомъ легко-усвоенной технической ловкости, — происходитъ отъ нѣкотораго творческаго, изобрѣтательнаго умѣнія обращаться съ красками.

Почти всегда въ нидерландской живописи и часто въ картинахъ Джорджоне и Тиціана это очарованіе искусства совершенно не зависитъ отъ поэтичности самого сюжета; прекрасная форма и изысканность въ исполненіи, доставляющія намъ такую радость, являются (какъ сказали бы греки) самоцѣлью.

Точно также въ поэзіи, — истинныя ея достоинства, наслажденія, даваемая ею, никогда не проистекаютъ изъ сюжета, но изъ созидательной обработки ритмическаго языка, отъ того, что Китесъ называетъ „чувственной жизнью стиха“. Элементъ пѣсни въ пѣніи, сопровождаемый тѣми радостями, которыя въ насъ вызываются ритмомъ, столь прекрасенъ и сладостенъ, что, когда несовершенныя жизни заурядныхъ людей не приносятъ намъ никакого исцѣленія, терновый вѣнецъ поэта, чтобы усладить нашу душу, зацвѣтаетъ очаровательными розами; его отчаяніе, для нашей услады, позолотитъ свои терніи, и, подобно Адонису, его мука будетъ прекрасна въ своей агоніи, а когда разбивается сердце поэта, оно разбивается — въ музыку.

Говорять о здоровомъ искусствѣ, но что такое — здоровое искусство? Можетъ-быть — это здоровое отношеніе къ жизни? Нисколько. Въ Бодлерѣ больше здоровья, чѣмъ въ Кингслей. Здоровье художника въ томъ, что онъ отчетливо видитъ, что можно и чего нельзя извлечь изъ той формы, въ которой работаетъ. Это та честь, которую онъ отдаетъ своему матеріалу; та дань, которую онъ платитъ ему, — будь это слово, во всей своей красотѣ, будь это краски или мраморъ, во всей своей красотѣ. Такой художникъ постигъ, что истинное братство искусствъ отнюдь не въ томъ, что они другъ у друга стануть заимствовать приемы и методы, а въ томъ, что каждое изъ нихъ, своими специальными средствами, оставаясь въ своихъ грани-

цахъ, вызоветь у насъ одно и то же, ни съ чѣмъ не сравнимое художественное наслажденіе.

Наслажденіе это подобно тому, которое доставляетъ намъ музыка, ибо музыка—такое искусство, гдѣ форма и содержаніе — одно, гдѣ сюжетъ неотдѣлимъ отъ способовъ его выраженія; здѣсь какъ нельзя полнѣе осуществляется художественный идеаль, здѣсь именно такіа условія, къ которымъ постоянно стремятся всѣ остальные искусства.

А критика, — какое мѣсто она должна занимать въ нашей культурной жизни?.. Ахъ, по-моему, первый долгъ всякаго художественнаго критика — держать языкъ за зубами, всегда и во всемъ: *c'est un grand avantage de n'avoir rien fait, mais il ne faut pas en abuser.*

Только если самъ пройдеши черезъ тайну творчества, можешь судить о вещахъ, сотворенныхъ другими. Вы сотни вечеровъ под-рядъ слушали оперетку „Терпѣніе“, а меня вы слышите впервые; конечно, теперь, когда вы ближе познакомились съ самымъ сюжетомъ сатиры, она станетъ для васъ еще пикантнѣе, но нельзя же по сатиру Джилльберта судить о нашемъ эстетическомъ движеніи *).

Такъ же, какъ нельзя судить о могуществѣ и яркости солнца по пылинкѣ, пляшущей въ его лучѣ, или о великолѣпїи моря — по пузырьку, чтó разрывается на гребнѣ его волнъ, — точно такъ же нельзя принимать критику, какъ вѣрное отраженіе искусства.

Ибо художники (говоря словами Эмерсона), какъ греческіе боги, раскрываются лишь другъ передъ другомъ: ихъ истинное мѣсто и значеніе можетъ указать только время. И въ этомъ отношеніи вѣка опять-таки всемогущи. Не къ художнику, а къ публикѣ обращается настоящій критикъ. Онъ работаетъ только для нея. У искусства нѣтъ никакихъ постороннихъ цѣлей, — только собственное совершенство; критику же предоставляется измышлять для произведеній искусства какую-нибудь социальную цѣль, поучая толпу, какъ она должна относиться къ разнымъ созданіямъ художества, какъ она должна ихъ любить, и какая въ нихъ заключается мораль.

Всѣ эти требованія, предъявляемыя къ искусству, чтобъ оно приспособлялось къ современному прогрессу и къ цивилизаціи, чтобъ оно сдѣлалось глашатаемъ гуманности, учило насъ чему-нибудь, имѣло какую-нибудь „миссію“, — не лучше ли эти требованія обратить не къ искусству, а къ публикѣ. Искусство знаетъ одни только требованія — требованія красоты, а критики, если имъ угодно, пускай поучаютъ толпу, какъ находить въ безмятежности такого искусства высшее выраженіе своихъ собственныхъ бурнѣйшихъ страстей! — „Я нисколько не уважаю публику, — высказалъ какъ-то Китсъ:— и вообще ничего не уважаю, кромѣ Вѣчнаго Существова, памяти великихъ людей и принципа красоты“.

И, по-моему, именно этотъ принципъ является основнымъ, руководящимъ принципомъ нашего англійскаго Ренессанса, — изумительнаго, многограннаго, породившаго столько упорныхъ стремленій, столько возвышенныхъ личностей! И если, при всѣхъ своихъ великихъ достиженіяхъ въ поэзіи, въ декоративныхъ искусствахъ и въ живописи, этотъ Ренессансъ, такъ много давшій для новаго изящества и красоты нашихъ одеждъ и нашей домашней обстановки, все же не создалъ того, чтó онъ могъ бы создать; если, напримѣръ, онъ оказался такъ бѣденъ въ области скульптуры и театра, то въ этомъ,

*) Пьеса Джилльберта „Patience“ высмѣивала Оскара Уайльда и „эстетическое движеніе“, воздемъ котораго онъ называлъ себя.

конечно, виновать торгашескій духъ англичанъ: великая драма и великая скульптура не могутъ существовать, когда нѣтъ прекрасной, возвышенной національной жизни, а современный торгашескій духъ совершенно убилъ эту жизнь.

Не то, чтобы прекрасная безмятежность мрамора изнемогала подъ бременемъ нынѣшней, слишкомъ разсудочной жизни или не могла зажечься пламенемъ романтической страсти, — памятникъ герцога Лоренцо и капелла Медичи доказываютъ намъ обратное, — а просто, какъ выразился Теофиль Готье, „видимый мѣръ уже умеръ“, *le monde visible a disparu*.

Было бы ошибочно думать, будто драму убилъ романъ, — какъ увѣряютъ иные критики, — романтическое движеніе во Франціи доказываетъ намъ обратное. Романы Балзака и пьесы Гюго создавались одновременно, рядомъ, часто дополняя другъ друга, хотя сами-то писатели этого и не замѣчали.

Въ то время, какъ всѣ прочія формы поэзіи могутъ процвѣтать въ самый низменный вѣкъ, яркій индивидуализмъ лирическаго поэта, питаемый своей собственной страстью, зажигаемый своею собственной силой, проносится какъ огненный столпъ — надъ пустыней и надъ цвѣтущимъ садомъ. И его великолѣпіе нисколько не умалится, если ни одинъ человѣкъ не захочетъ слѣдовать за нимъ, — нѣтъ, въ своемъ гордомъ одиночествѣ онъ можетъ сдѣлаться возвышеннѣе и напряженнѣе и создать болѣе чистую пѣсню.

Изъ грязныхъ и затхлыхъ низинъ окружающей пошлости идилликъ или мечтатель можетъ воспарить на незримыхъ крылахъ поэзіи и при дунномъ сіяніи, съ копьемъ и шкурою фавна пронестись по озареннымъ вершинамъ Киверона, хотя тамъ уже не пляшетъ ни Фавнъ ни Бассаридъ. Подобно Китсу, онъ можетъ блуждать по древнимъ лѣсамъ Патмоса, или, какъ Вильямъ Моррисъ, стать рядомъ съ викингомъ на палубѣ галеры, когда и галера и викингъ давно исчезли съ лица земли. Но въ драмѣ искусство встрѣчается съ жизнью; драма, по выраженію Маддини, имѣетъ дѣло не просто съ человѣкомъ, а съ человѣкомъ общественнымъ, съ человѣкомъ въ его отношеніяхъ къ Богу и человѣчеству. Драму всегда порождаетъ эпоха великаго объединенія національной мощи; она невозможна при отсутствіи благородныхъ зрителей; она создается лишь въ такіе вѣка, какъ вѣкъ Елизаветы въ Лондонѣ и вѣкъ Перикла въ Афинахъ; только такой моральный и духовный подъемъ, какой, напр., былъ у грековъ послѣ пораженія персидскаго флота, а у англичанъ послѣ крушенія испанской Армады, можетъ ее создать.

Шелли чувствовать, что нашему движенію не хватаетъ именно драмы, и показали намъ въ своей великой трагедіи „Ченчи“, какимъ состраданіемъ и ужасомъ онъ могъ бы очистить нашъ вѣкъ, но, кромѣ этой трагедіи, англійскій геній девятнадцатаго вѣка тщетно пытался излиться въ какой-нибудь драматической формѣ.

Скорѣе всего къ вамъ, американцамъ, надлежитъ намъ теперь обратиться — и ждать, что вы завершите и усовершенствуете наше великое движеніе, ибо въ самомъ воздухѣ, въ самой жизни Америки есть поистинѣ что-то алдинское, что-то такое, въ чемъ веселость и сила елизаветинской Англій выразились такъ могуче, какъ никогда еще не выражались въ нашей старинной культурѣ. Ибо, по меньшей мѣрѣ, вы — молоды, „голодные поколѣнія васъ не затопчутъ въ грязь“, воспоминанія былого не тяготятъ васъ своимъ непосильнымъ бременемъ, прошлое не дразнитъ васъ развалинами красоты, когда тайна ея созданія утрачена. Самое отсутствіе традицій, легендъ и преданій,

которое, как боялся Джонъ Рескинъ, должно было отнять смѣхъ у вашихъ рѣкъ и свѣтъ у вашихъ цвѣтовъ, можетъ стать для васъ источникомъ новой свободы и силы.

Способность говорить въ литературѣ съ той самой безпечностью и прямою, съ какою движутся и дѣйствуютъ животныя, съ такимъ же непогрѣшимымъ чувствомъ, какое бываетъ у лѣсныхъ деревьевъ или придорожной травы,—опредѣлено однимъ изъ вашихъ поэтовъ*), какъ высшее торжество искусства. И достигнуть такого торжества вы, можетъ-быть, болѣе призваны, чѣмъ другой какой-нибудь народъ. Ибо голоса, что витаютъ въ горахъ и въ морской глубинѣ, не объ одной только вольности поютъ намъ свои дивныя пѣсни; слышатея и другіе зовы на обвѣянныхъ вѣтрами вершинахъ и въ великихъ безмолвныхъ пучинахъ,—только прислушайтесь къ нимъ, и они раскроютъ предъ вами все волхвованіе новаго вымысла, все сокровища новой красоты.

„Я предвижу.—говорилъ Гёте:—зарю новой литературы; ее весь народъ будетъ вправѣ считать своею, потому что каждый внесъ кое-что въ ея созиданіе“. А если это такъ, и если, къ тому же, матеріалы для такой же великой цивилизации, какъ европейская, въ изобиліи лежатъ вокругъ васъ, то вы можете меня спросить, какая же вамъ будетъ польза отъ изученія нашихъ поэтовъ и нашихъ художниковъ? Я могу вамъ отвѣтить на это, что разумъ воленъ работать надъ любой художественно-исторической проблемой и безо всякихъ дидактическихъ цѣлей, ибо у разума одна только потребность: чувствовать себя жизнедѣятельнымъ,—и то, что когда бы то ни было занимало людей, не можетъ не быть подходящимъ матеріаломъ для культуры.

Я могу вамъ также напомнить, чѣмъ обязана вся Европа мукамъ одного флорентинца, сосланнаго въ Верону, а также тому обстоятельству, что у маленькаго ключа въ южной Франціи Петрарка былъ въ кого-то влюбленъ; даже больше, я могу вамъ напомнить, что и въ нашъ тусклый матеріалистическій вѣкъ простое изображеніе незатѣйливой жизни одного старика, вдали отъ суетоки большихъ городовъ, среди озеръ и тумановъ холмистаго Кемберленда, открыло предъ Англіей такія сокровища новой радости, въ сравненіи съ которыми все ея пышныя богатства такъ же бесплодны, какъ то море, которое она сдѣлала своей пробѣжной дорогой, — и горьки, какъ тотъ огонь, который сталъ ея покорнымъ рабомъ.

Мнѣ кажется, изученіе нашихъ художниковъ дастъ вамъ еще кое-что: вы узнаете, что такое настоящая сила въ искусствѣ; конечно, вы не должны подражать нашимъ великимъ творцамъ, но, мнѣ кажется, вамъ нужно проникнуться ихъ поэтическимъ темпераментомъ, ихъ художественнымъ отношеніемъ къ жизни.

Ибо въ цѣлыхъ націяхъ, какъ и въ отдѣльныхъ людяхъ,—если творческой пылъ не сопровождается также критико-эстетическимъ проникновеніемъ, онъ истратится понапрасну и ничего не создастъ, по недостатку ли художественнаго чутья, или оттого, что художникъ ошибочно приметъ содержаніе за форму, или оттого, что поставитъ себѣ какой-нибудь ложный идеаль.

Ибо различныя духовныя формы воображенія естественно сливаются съ чувственными формами искусства,—и разграничить однѣ отъ другихъ, утвердить предѣлы каждаго вида искусства и въ этихъ

*) Уитмэнъ.

предѣлахъ усилить его выразительность—такова одна изъ задачъ, которыя ставитъ предъ нами культура.

Не въ усиленіи нравственнаго чувства нуждается ваша словесность; вѣдь нѣтъ ни нравственныхъ ни безнравственныхъ стиховъ: стихи бываютъ хорошо написанные и плохо написанные. И часто нравственный элементъ въ искусствѣ, внесеніе въ эту область критеріевъ добра и зла свидѣлствуютъ о нѣкоторомъ несовершенствѣ художественныхъ образовъ и вносятъ диссонирующую ноту въ гармонию творческихъ вымысловъ: всякое хорошее твореніе добивается исключительно художественныхъ эффектовъ. „Очень опасно, — сказалъ Гёте: — искать только въ томъ культуру, что до наглядности нравственно. Все великое способствуетъ цивилизаціи, едва мы это величіе постигнемъ“.

Но у васъ и въ городахъ и въ книгахъ (да позволено мнѣ будетъ сказать!) не хватаетъ опредѣленныхъ каноновъ хорошаго вкуса, углубленнаго чувства красоты. Всякое высокое произведеніе искусства принадлежитъ не только тому или иному народу, но и вселенной. Политическую независимость націй не нужно смѣшивать съ ея духовной обособленностью. Вѣдь духовную свободу вамъ дать вашъ благородный бытъ и вольный воздухъ, окружающій васъ, а у насъ вы научитесь классической сдержанности формъ.

Ибо всякое великое искусство—искусство изысканно-нѣжное. Грубость—еще далеко не сила, и рѣзкость не то, что мощь. Художникъ, — сказалъ Свинбернъ:— не смѣетъ быть зайкой; его рѣчь должна быть ясна“.

Для художника въ этомъ ограниченіи—свобода. Здѣсь источникъ и показатель его силы: недаромъ всѣ великіе стилисты—Данте, Софокль, Шекспиръ—были въ то же время самые мудрые, самые проникновенные художники.

Полюбите искусство ради него самого—и вы обрѣтете въ немъ всѣ остальные цѣнности.

Преданность красотѣ и созиданію прекраснаго является пробнымъ камнемъ всѣхъ великихъ цивилизованныхъ народовъ. Пусть философія учитъ насъ равнодушно взирать на страданія нашихъ ближнихъ, а наука сводитъ наше моральное чувство къ какому-то сахаристому выдѣленію организма, —одно лишь искусство превращаетъ жизнь каждаго человѣка не въ спекуляцію, а въ священное таинство, оно лишь одно даруетъ цѣлому народу—безсмертіе.

Ибо красоту, и только ее, не властно разрушить время. Философскія системы рассыпаются, какъ песокъ, религіи падаютъ одна за другою, какъ сухіе осенніе листья: но то, что прекрасно, есть сокровище вѣчности и—радость на всѣ времена.

Войны, и бряцаніе оружія, и возстаніе народовъ, и кровавыя встрѣчи у осажденнаго города или на затоптанномъ полѣ будутъ во вѣки вѣковъ. Но я полагаю, что искусство, создавая для всѣхъ народовъ одну общую духовную атмосферу, могло бы, —если ужъ не осѣнить весь міръ серебряными крыльями мира, —то хоть облизить людей настолько, чтобъ они не рѣзали другъ друга изъ-за пустого каприза, изъ-за глупости какого-нибудь короля или министра, какъ это бываетъ въ Европѣ. Тогда братство не явится въ міръ съ руками братоубійцы Каина, а вольность не предастъ свободу іудинымъ лобзаніемъ анархіи; ибо только при низкой культурѣ сильна національная ненависть.

Когда Гёте упрекали за то, что онъ не слѣдовалъ примѣру Кёрнера и ничего не писалъ противъ Франціи, Гёте воскликнулъ:

„Для меня существует только культура и варварство, как же я могу ненавидѣть самый культурный во всемъ мірѣ народъ, которому я обязанъ, въ значительной долѣ, своею культурностью?“

И могучія имперіи не вѣчны: онѣ существуютъ, пока духъ вѣка и личное честолюбіе—одно; только искусство—такая имперія, которой никакіе враги-побѣдители не могутъ отнять у народа. Искусство можно побѣдить лишь тогда, если покорисься ему. Владычество Греціи и Рима понынѣ еще не прекратилось, хоть и вымерли боги Греціи, и устали римскіе орлы.

И мы въ нашемъ Возрожденіи тоже пытаемся создать для Англій такое могущество, которое и тогда не покинетъ ея, когда желтые ея леопарды устанутъ отъ битвъ и роза на ея щитѣ перестанетъ обагряться кровью; вы же, американцы, вы тоже впитаете въ свое сердце этотъ всевластный художественный духъ,—вѣдь у васъ, какъ у великаго народа, сердце такое щедрое, вы создадите богатства, какихъ не создавали донынѣ, хоть ваша страна и покрыта сѣтями желѣзныхъ путей, а ваши города—это пристани для кораблей всего міра.

Конечно, я знаю, что божественное безотчетное постиженіе красоты, это неотъемлемое наслѣдіе итальянцевъ и грековъ, наслѣдовано не нами. И чтобы развить въ себѣ такой побѣдный всеочищающій духъ искусства, который укрыть бы насъ ото всѣхъ грубыхъ постороннихъ вліяній, мы, сѣверяне, должны обратиться къ тому повышенному самосознанію, которымъ характеризуется нынѣшній вѣкъ: въ немъ основной мотивъ нашего романтическаго искусства, и оно должно быть источникомъ почти всей нашей культуры. Я разумѣю то интеллектуальное любопытство XIX вѣка, что постоянно ищетъ тайну жизни въ прежнихъ исчезнувшихъ формахъ культуры. Ото всюду оно почерпаетъ то, что наиболѣе пригодно для современной души,—у Аѳинъ оно беретъ ихъ чудеса, но не ихъ религію, у Венеціи—ея великолѣпіе, но не ея пороки. Современный духъ всегда взвѣшиваетъ свою силу и свою слабость, учитывал, сколько онъ долженъ Востоку и Западу, пальмамъ Ливана и оливкамъ Колонна, Геесиманскому саду и саду Прозерпины.

И все же тайнамъ искусства нельзя научиться: искусство—откровеніе, и оно освѣняетъ лишь тѣхъ, кто—изученіемъ прекраснаго и поклоненіемъ прекрасному—уготоваетъ свою душу къ пріятію красоты.

Оттого-то мы и придаемъ такое огромное значеніе декоративнымъ искусствамъ; отсюда тѣ изумительныя чудеса декоративныхъ мотивовъ, которыя творитъ Бёрнъ-Джонсъ *), всѣ эти узорныя ткани и цвѣтныя стекла, всѣ красивыя издѣлія изъ глины, металла и дерева, которыми мы обязаны Вильяму Моррису, величайшему мастеру прикладнаго искусства, какихъ не было въ Англій съ XIV столѣтія.

Такъ что черезъ нѣсколько лѣтъ ни въ одномъ домѣ уже не останется ни одного такого предмета, который не доставлялъ бы радости тому, кто его изготовилъ, и тому, кто теперь имъ пользуется. Дѣти, подобно дѣтямъ Платонова идеальнаго города, будутъ расти „въ простой обстановкѣ прекрасныхъ вещей“ (я цитирую отрывокъ изъ „Республики“), — и въ этой обстановкѣ красота, которая есть душа искусства, будетъ ласкать слухъ и зрѣніе, какъ свѣжее

*) Знаменитый художникъ Эдуардъ Бёрнъ-Джонсъ больше тридцати лѣтъ изготовлялъ рисунки для тканей, обоевъ, церковныхъ стеколъ, ковровъ, дивановъ и т. д.—въ декоративной мастерской поэта Вильяма Морриса.

дуновеніе вѣтерка, несущаго здоровье съ ясныхъ горныхъ полей, незамѣтно и постепенно вводя душу ребенка въ гармонию съ мудростью и знаніемъ, такъ что онъ научится любить все доброе и прекрасное, ненавидѣть все злое и безобразное (а зло и безобразіе всегда вмѣстѣ)—задолго до того, какъ пойметъ—почему, и когда придетъ къ нему разумъ, онъ поцѣлуетъ его въ щеку, какъ стараго испытаннаго друга“.

Вотъ чтò, по мысли Платона, можетъ сдѣлать для націи декоративное, прикладное искусство. Платонъ чувствовалъ, что не только мудрость, но и красота бытія окажется сокрытой отъ того, чья молодость прошла среди пошлой и безобразной обстановки; что красивая форма и красивая окраска ничтожнѣйшихъ вещей домашней утвари проникнуть въ сокровенныя глубины души и естественно заставить ребенка искать и въ духовной жизни такую же священную гармонию, матеріальнымъ символомъ которой было для него искусство.

Матеріальная гармонія искусства послужитъ для ребенка порукой, что существуетъ и духовная гармонія.

Этотъ культъ красивыхъ предметовъ будетъ для насъ какъ бы первой ступеню ко всякой мудрости и всякому знанію; однако бывають эпохи, когда знанъ означаетъ—страдать, когда мудрость угнетаетъ, какъ тяжкое бремя, ибо, если у каждаго тѣла есть своя тѣнь, то у каждой души — свои сомнѣнія. Мы — порожденія тревожнаго, бѣсноватаго вѣка, и куда намъ бѣжать въ такія роковыя минуты отчаянія и надрыва, куда намъ укрыться, какъ не въ ту вѣрную обитель красоты, гдѣ всегда много радости и немного забвенья,—въ тотъ божественный градъ, въ ту *citta divina*, какъ его называетъ старинный итальянскій апокрифъ, гдѣ хотя бы на краткій мигъ можно позабыть всѣ распри и ужасы міра, а также и печальный удѣлъ, выпавшій въ мірѣ для насъ.

Отсюда то „утѣшеніе искусствъ“, „*consolation des arts*“, въ которомъ главная сущность поэзіи Теофиля Готье; эту тайну современной жизни предугазалъ еще Гете (что же въ нашъ вѣкъ не предугазано имъ!),—вы помните его обращеніе къ германцамъ: „Смѣлѣе отдайтесь своимъ ощущеніямъ,—сказалъ онъ:—пусть они васъ очаруютъ, растрогаютъ, возвысятъ, даже научатъ, даже вдохновятъ на свершеніе чего-нибудь истинно-великаго“.

Отдаться своимъ ощущеніямъ—великая смѣлость, именно въ этой смѣлости тайна художника, потому что, хотя и утверждали, что въ искусствѣ спасеніе отъ тираніи чувствъ, но искусство скорѣе освобождаетъ насъ отъ тираніи души. Только предъ тѣми, кто чтитъ искусство, какъ высшую, ни съ чѣмъ несравнимую цѣнность, раскрывается оно свои сокровища. Иначе оно будетъ столь же безсильно помочь вамъ, какъ безсильна была въ Луврѣ калѣбка Венеры Милосская надъ душой романтическаго скептика Гейне.

И мнѣ кажется, мы ощутили бы неизмѣримо-великое благо, если бы насъ окружали только такіе предметы, которые были пріятны тому, кто ихъ изготовилъ, а нынѣ пріятны тому, кто обладаетъ ими. Это простѣйшій законъ декоративныхъ искусствъ.

По крайней мѣрѣ несомнѣнно одно: нѣтъ болѣе вѣрнаго мѣрила для оцѣнки великихъ народовъ, чѣмъ ихъ близость къ своимъ поэтамъ; но между пѣвцами нашихъ дней и тѣми тружениками, для которыхъ они поютъ свои пѣсни, все шире и шире разверзается бездна; ея не въ силахъ перешагнуть ни поношенія ни клевета, но ее легко перелетятъ сверкающія крылья любви.

И мнѣ кажется, если наши дома украсятся созданіями искусства, — это будетъ лучший залогъ такой любви, связующей людей, это будетъ ея первая ступень. Я ужъ не говорю о томъ прямо, непосредственномъ влияніи искусства, благодаря которому греческій мальчикъ, разсматривая какой-нибудь небольшой черно-красный сосудъ для масла или вина, могъ наглядно постичь львиное величіе Ахилла, силу Гектора, красоту Париса, неземное очарованіе Елены, еще задолго до того, какъ онъ услышитъ объ этомъ въ какомъ-нибудь мраморномъ театрѣ или на людномъ базарѣ; а итальянскій ребенокъ XV столѣтія могъ, благодаря тому же искусству, по какой-нибудь рѣзной двери или расписному ларцу узнать о цѣломудренной Лукреціи и о смерти Камиллы.

Но объ этомъ не стоить говорить: ибо совсѣмъ не въ такихъ поученіяхъ истинная польза искусства — не въ томъ, чему мы отъ него научаемся, а въ томъ, какими мы, благодаря ему, становимся. Искусство обогащаетъ душу такими восторгамъ, въ которыхъ вся сущность эллинизма. Оно приучаетъ насъ требовать отъ него, чтобы оно какъ можно лучше приспособило для насъ всѣ событія обыденной жизни, преобразая самые сильные наши порывы и страсти въ явленія чисто-духовнаго порядка, или же, напротивъ, давая чувственное выраженіе тѣмъ нашимъ мыслямъ, которыя наиболѣе далеки отъ чувствъ. Вотъ въ чемъ истинное влияние искусства. Оно приучаетъ нашу душу любить всякое созданіе вымысла ради него самого и требовать, чтобы все вокругъ было граціозно и красиво. Ибо тотъ, кто не любитъ искусства въ каждомъ окружающемъ предметѣ, совсѣмъ не любитъ искусства; и тотъ, кому не нужно искусства въ каждомъ окружающемъ предметѣ, совсѣмъ не нуждается въ искусствѣ.

Указывать ли также на то, что васъ всѣхъ, должно-быть, восхищало въ нашихъ величавыхъ готическихъ соборахъ: какъ художникъ той эпохи, самъ умѣющій великолѣпно обрабатывать камень или стекло, постоянно находилъ у себя подъ рукой прекрасные мотивы для творчества — въ повседневной работѣ ремесленниковъ, которые окружали его, какъ изображено, напримѣръ, на тѣхъ изумительныхъ окнахъ Шартрскаго собора, гдѣ красильщикъ погружаетъ ткань въ красильный чанъ, гончаръ сидитъ за своимъ колесомъ, а ткачъ за своимъ станкомъ, — вотъ гдѣ истинное *руководство*, — дѣло собственныхъ рукъ, — и на него приятно смотрѣть! Какъ эти мастера не похожи на нынѣшняго торговца, шикарнаго и безвкуснаго лавочника, знающаго лишь одно о той вазѣ или о ткани, которую онъ продаетъ: что онъ запрашиваетъ за нее втридорога и считаетъ васъ дуракомъ — за то, что вы ее покупаете.

И только мимоходомъ могу я уномануть, какъ безмѣрно вліяло на художника декоративное искусство Италіи и Эллады; въ Италіи оно научало его не уклоняться въ сторону отъ чисто-живописныхъ задачъ, отъ изысканной колоритности, этого основного условія всякой настоящей картины, ибо въ чемъ, какъ не въ этомъ, тайна венеціанской школы; а въ Греціи декоративное искусство научило скульптора строгой дисциплинѣ рисунка, этой неуязвимой славы Партефона.

Но я здѣсь хочу говорить не о томъ, какъ декоративныя искусства вліяютъ на самого же художника, меня занимаетъ ихъ дѣйствіе на человѣческую жизнь вообще, — ихъ соціальныя, а не художественныя вліянія.

Существуетъ на свѣтѣ два рода людей, два великихъ вѣроиспо-

вѣданія, два совершенно различныхъ темперамента: люди, для которыхъ основа всей жизни дѣйствіе, и люди, для которыхъ основа всей жизни—мышленіе.

Люди этой второй категоріи любятъ всякое переживаніе ради него самого, а не ради его результатовъ, всегда пылаютъ какой-нибудь всепоглощающей страстью нашего огнецвѣтнаго міра, интересуются самыми процессами жизни, а не ея конечными цѣлями, ея событіями, а не ея загадками, — и подобнымъ людямъ этотъ культъ красоты, порождаемый красивой обстановкой, дастъ гораздо больше наслажденій, чѣмъ, напримѣръ, политической или религіозный пылъ, служеніе на благо всего человѣчества, любовныя страданія или любовный экстазъ. Подобнымъ людямъ искусство дастъ небывало-дивныя мгновенія.

Люди же первой категоріи, для кого жизнь и трудъ—нераздѣльны, еще больше почерпнуть изъ нашего движенія.

Ибо если нашъ вѣкъ безъ промышленности — ничто, то промышленность безъ искусства—варварство.

Всегда среди насъ останутся дровосѣки и люди, носящіе воду. Въ концѣ концовъ наша современная техника не слишкомъ-то облегчила человѣческой трудъ. Такъ пусть же, по крайней мѣрѣ, тотъ кувшинъ, что стоитъ у колодца, будетъ иррексансъ, и я вѣрю, что тогда утомительный трудъ облегчится. Пусть дерево приметъ какую-нибудь прекрасную форму, изящныя какія-нибудь очертанія, и тотъ, кто трудится надъ нимъ, испытаетъ не тоску, а удовольствіе. Ибо что такое украшеніе какого-нибудь предмета, какъ не выраженіе удовольствія, которое испытывалъ рабочій, изготовляя этотъ предметъ? Да и не только одно удовольствіе, — хотя и оно драгоцѣнно, — но и возможность выразить свою душу, свою индивидуальность. А въ этой возможности сущность всей жизни, источникъ всего искусства.

Помню, Вильямъ Моррисъ сказалъ мнѣ однажды: „изъ каждаго моего рабочаго я попытался создать художника, а когда я говорю: „художника“, я разумѣю просто—„человѣка“.

Ибо для такого рабочаго, для рабочаго-созидателя, въ какой бы области онъ ни работалъ, искусство уже не алая мантия, которую соткали рабы, чтобы набросить ее на посинѣвшее тѣло прокаженного короля и укрыть, приукрасить его позорныя язвы *); нѣтъ, искусство станетъ для него прекраснымъ и благороднымъ выраженіемъ жизни, которая сама по себѣ прекрасна и благородна.

Постарайтесь же окружить своего рабочаго, насколько это возможно, подобающей обстановкой, и помните, что не тотъ рабочій хорошъ, который много и старательно работаетъ, а тотъ, который способенъ создать изысканный и прекрасный орнаментъ. „Орнаментъ никогда не бываетъ празднымъ порожденіемъ фантазіи, это — обдуманнѣйшій результатъ накопившихся наблюденій и пріятныхъ, усладительныхъ навыков“. Какимъ бы ремесломъ вы ни обучали рабочаго, это не поведетъ ни къ чему, если вы не дадите рабочему постоянныхъ эстетическихъ впечатлѣній, не окружите его разными красивыми предметами. Откуда возьмутся у него правильныя понятія о той или иной окраскѣ, если онъ не видитъ передъ собою чистыхъ, очаровательныхъ красокъ природы? Какъ онъ изобразитъ на своихъ издѣліяхъ какой-нибудь прекрасный, полный движенія эпи-

*) Въ подлинникѣ: „позоръ его роскоши“ (luxury), но полагаютъ, что это описка, вмѣсто словъ: „позоръ его проказы“ (leprosy).

зодь, если вокруг себя онъ не видитъ ни прекрасныхъ эпизодовъ ни прекрасныхъ движеній?

Чтобы развить въ себѣ сочувствіе ко всему, что живеть, нужно жить среди живыхъ существъ и непрестанно думать о нихъ. Чтобы развить въ себѣ восторгъ, нужно жить среди прекрасныхъ предметовъ и непрестанно смотрѣть на нихъ. „Толедская сталь и генуэзскій шелкъ только придали тщеславію — пышность и насилію — силу“, — говоритъ Джонъ Рескинъ, и, можетъ-быть, именно вамъ, американцамъ, суждено осуществить такое искусство, которое создастъ самъ народъ, на радость народу, для услажденія народнаго сердца; искусство, которое выразитъ весь вашъ восторгъ бытія. „Пусть низменна сѣрая жизнь, пусть ничтожны пошлые предметы, — стоитъ только вамъ прикоснуться, и все это станетъ возвышенно“; въ жизни нѣтъ ничего, что нельзя освятить искусствомъ.

Вы, я думаю, слышали, — конечно, не всё, а лишь нѣкоторые, что съ англійскимъ эстетическимъ движеніемъ связаны два цвѣтка. Быть даже слухъ (увѣряю васъ, ложный), будто наши молодые эстеты употребляютъ ихъ въ пищу. Позвольте же вамъ сказать, — вопреки господину Джильберту, — что мы любимъ подсолнечникъ и лилію отнюдь не по кулинарнымъ причинамъ. Эти два очаровательныхъ цвѣтка являются въ Англій лучшей образцами орнамента, какъ бы нарочно созданными для нашего декоративнаго искусства, такъ какъ пышная львиная красота подсолнечника и восхитительная прелесть лиліи вызываютъ въ художникѣ полную и совершенную радость.

И то же да будетъ съ вами: пусть у васъ на лугахъ не останется ни одного такого цвѣтка, который не обвивался бы вокругъ вашихъ изголовій, пусть у васъ въ титаническихъ вашихъ лѣсахъ не останется такого листочка, который не придалъ бы свои очертанія орнаменту, ни вѣтки терновника, ни извилистой вѣтки шиповника, которая не обрѣла бы вѣчной жизни на какихъ-нибудь рѣзныхъ воротахъ, на оконной рамѣ или на какой-нибудь мраморной глыбѣ. Пусть въ нашемъ небѣ не будетъ птицы, которая не отдала бы дивную радужность своей окраски, изящные извивы своихъ машущихъ крыльевъ, чтобы сдѣлать еще очаровательнѣе очаровательность простыхъ украшеній.

Ибо голоса, что витаютъ въ горахъ и въ морекой глубинѣ, не объ одной только вольности поютъ намъ свои дивныя пѣсни. Слышатся и другіе зовы на обвѣянныхъ вѣтрами вершинахъ и въ великихъ безмолвныхъ пучинахъ, — только прислушайтесь къ нимъ, и они раскроютъ предъ вами все волхвованіе новаго вымысла, всё сокровища новой красоты.

Мы всё расточаемъ свои дни — каждый, каждый изъ насъ — въ поискахъ смысла жизни. Знайте же, этотъ смыслъ — въ искусствѣ.

1882 г., январь.

ОБЪ УКРАШЕНИ ЖИЛИЩЪ *).

Переводъ М. Ѳ. Ликиардопуло.

Въ предыдущей своей лекціи я набросалъ передъ вами краткій очеркъ исторіи искусства въ Англіи. Я попытался изслѣдовать вліяніе французской революціи на развитіе искусства. Я упомянулъ о пѣсняхъ Китса **) и о школѣ прерафаэлитовъ. Но я отнюдь не желаю укрывать движеніе, которое мною названо англійскимъ возрожденіемъ, ни подъ какой палладіумъ, какъ бы онъ ни былъ благороденъ, ни защитить его какимъ-либо именемъ, какъ бы оно ни было достойно уваженія. Корни этого движенія нужно искать въ вещахъ и явленіяхъ давно прошедшихъ, а совѣмъ не въ фантазіи небольшой группы юношей, какъ предполагаютъ иные, хотя, по моему, что можетъ быть лучше, чѣмъ фантазія нѣсколькихъ юношей?

Когда мнѣ довелось выступить передъ вами въ прошлый разъ, — я еще не успѣлъ ознакомиться съ американскимъ искусствомъ и ничего не видѣлъ, кромѣ дорическихъ колоннъ и коринескихъ дымовыхъ трубъ, возвышающихся у васъ на Бродвеѣ и Пятомъ Авеню ***). Съ тѣхъ поръ я объѣздилъ всю страну и побывалъ, если не ошибаюсь, въ пятидесяти или шестидесяти различныхъ городахъ. И я пришелъ къ выводу, что ваша страна нуждается не столько въ высокомъ творествѣ искусства, сколько въ тѣхъ видахъ его, которые освящаютъ сосуды, употребляемые въ обыденной жизни. Я увѣренъ, что поэтъ будетъ пѣть, а художникъ писать картины, невзирая на то, будетъ ли міръ его хвалить или бранить. У нихъ есть свой собственный міръ, и они вполне независимы отъ остальныхъ людей. Но ремесленникъ зависитъ отъ вашихъ требованій и вашего мнѣнія. Онъ нуждается въ вашемъ поощреніи и въ подобающей художественной обстановкѣ. Ваши соотечественники любятъ искусство, но недостаточно поощряютъ ремесленника. Разумѣется, миссіонеры, которые ради своего наслажденія опустошаютъ Европу, не имѣютъ надобности поощрять его; но я говорю о тѣхъ, чье желаніе и стремленіе къ прекраснымъ вещамъ превышаетъ ихъ матеріальный достатокъ. Я пришелъ къ выводу, что повсюду наблюдается одинъ и тотъ же недостатокъ — вашимъ рабочимъ не даютъ благо-

*) Это одна изъ лекцій, которая Уайльдъ читалъ въ Америкѣ. Она представляетъ собою естественное продолженіе предыдущей статьи. Въ собраніи сочиненій Оскара Уайльда печатается впервые.

***) Одинъ изъ крупныхъ англійскихъ поэтовъ начала XIX в. (1795—1826 г.).

****) Лучшія улицы Нью-Йорка.

родныхъ образцовъ. Къ этому нельзя оставаться равнодушнымъ, такъ какъ искусство не принадлежитъ къ числу тѣхъ вещей, которыя можно взять или оставить, смотря по капризу. Искусство—необходимость въ человѣческой жизни.

Какое значеніе имѣетъ декоративное искусство? Во-первыхъ, оно означаетъ для рабочаго нѣкоторую цѣнность и радость, которую онъ неизбежно долженъ испытывать, создавая красивую вещь. Отпечатокъ всякаго высокаго искусства не въ томъ, что созданная вещь сдѣлана точно и аккуратно,—это можетъ сдѣлать и машина,— а въ томъ, что она создана мыслью и сердцемъ рабочаго. Никогда не будетъ бесполезнымъ подчеркнуть, что красивые и рациональные рисунки необходимы во всякой работѣ. Я никогда не предполагалъ, до посѣщенія нѣкоторыхъ изъ вашихъ провинціальныхъ городовъ, что вырабатывается такое множество уродливыхъ вещей. Повсюду, гдѣ я бывалъ, въ этихъ городахъ я видѣлъ скверные обои съ отвратительнымъ рисункомъ, ужасно расцвѣченные ковры и этого стараго рецидивиста—диванъ, набитый конскимъ волосомъ; его тушой, безразличный видъ всегда какъ-то особенно угнетаетъ. Я нашелъ бессмысленные канделябры, мебель, большей частью изъ розоваго дерева, машиннаго производства, зловѣще трещащую подъ тяжестью вездѣсушаго интервьюера. Я наткался на маленькую желѣзную печь, которую упорно украшаютъ орнаментомъ машиннаго изготовления и которая такъ же скучна, какъ дождливый день или какое-нибудь другое особенно ужасное явленіе. Когда же позволяли себѣ особую роскошь, печь эту украшали погребальными урнами.

Нужно всегда помнить, что все хорошо и тщательно сдѣланное честнымъ рабочимъ, по рациональному рисунку, возрастаетъ въ цѣнности и красотѣ по мѣрѣ истеченія лѣтъ. Старинная мебель, привезенная сюда изъ Англій переселенцами двѣсти лѣтъ тому назадъ, и которую я видѣлъ въ Новой-Англій, такъ же прочна и прекрасна теперь, какъ она была и тогда.

Вамъ необходимо сблизить художниковъ съ ремесленниками. Ремесленники не могутъ жить, безусловно не могутъ процвѣтать безъ этой близости. Раздѣлите эти двѣ группы людей, — и вы лишаете искусство всякихъ духовныхъ побужденій.

Сблизивъ же ихъ, вы должны окружить вашего рабочаго прѣкрасной средой. Художникъ не находится въ зависимости отъ видимаго и осязаемаго. Онъ можетъ питаться своими видѣніями и мечтами. Но рабочій долженъ созерцать прекрасные образы, идя на работу утромъ и возвращаясь съ работы вечеромъ. И въ связи съ этимъ—я хотѣлъ бы увѣрить васъ, что благородные, прекрасные рисунки никогда не являются плодомъ празднои фантазій и безцѣльныхъ мечтаній. Они являются слѣдствіемъ развитія привычки къ долгимъ и любовнымъ наблюденіямъ. И обучить имъ тоже нельзя. Правильное представленіе о нихъ могутъ, именно, получить только тѣ, что приучены къ прекрасной обстановкѣ и удовлетворительнымъ краскамъ.

Можетъ-быть, для насъ одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ — выбрать удобный и радостный костюмъ для мужчины. Было бы больше радости въ жизни, если бы мы могли приучить себя употреблять все, какія только можно, прекрасные цвѣта при изготовленіи нашихъ одеждъ. Одежда будущаго, мнѣ кажется, будетъ пользоваться до значительной степени складками и драпировкой и будетъ изобиловать радостными красками. Въ настоящее время мы утратили всякое благородство одежды и этимъ самымъ почти свели къ нулю

современнаго скульптора. И, оглядываясь на статуи, украшающія наши парки, право, чувствуешь порою сожалѣніе, что мы совсѣмъ не уничтожили искусство ваянія. Когда видишь салонный сюртукъ, вылитый въ бронзѣ, или двубортный жилетъ, увѣковѣченный въ мраморѣ, то начинаешь еще сильнѣе бояться смерти. Но въ костюмахъ бывлыхъ поколѣній очень мало красиваго или подходящаго. Одна изъ самыхъ раннихъ формъ—это греческія складки и драпировки, которыя такъ идутъ молодымъ дѣвушкамъ. Потомъ, мнѣ кажется, намъ можно простить восторгъ, вызываемый одеждою времени Карла I, столь прекрасной, что, несмотря на изобрѣтеніе ея галантными кавалерами, ее копировали даже пуритане. Нельзя обойти также и дѣтскую одежду того времени. Это было золотымъ вѣкомъ для дѣтей. Я не знаю, были ли они когда-нибудь такъ красивы на видъ, какими они кажутся мнѣ на картинкахъ того времени. Одежда XVIII вѣка въ Англіи тоже своеобразно-красива и изящна. Въ ней нѣтъ ничего причудливаго или необычайнаго, но она полна гармоніи и красоты. Въ наши дни, когда мы такъ страдаемъ отъ вторженій модистки, мы слышимъ, какъ дамы хвастаются, что они не надѣваютъ платья больше одного раза. Въ старину, когда платья украшались красивыми узорами и отдѣлывались прекрасными вышивками, дамы скорѣе гордились тѣмъ, что часто надѣвали одно и то же платье, и даже передавали его въ наслѣдство своимъ дочерямъ, — явленіе, которое очень оцѣнили бы современный отецъ семейства, особенно въ тѣ дни, когда ему приходится платить по счетамъ своей супруги.

Какъ же нужно одѣваться мужчинамъ? Мужчины говорятъ, что имъ довольно безразлично, какъ они одѣты, и что это совсѣмъ не важно. Но, чистосердечно признаюсь, я не вѣрю, чтобы вамъ это было такъ безразлично. Во всѣхъ моихъ поѣздкахъ по вашей странѣ, единственные мужчины, которые мнѣ показались хорошо одѣтыми—я, говоря это, я серьезно отвергаю лощенное негодование вашихъ дэнди съ 5-го Авеню—были рудокопы въ Западной Америкѣ. Ихъ широкополая шляпы, защищающія ихъ лица отъ солнца и дождей, ихъ плащи, которые безспорно являются лучшими образцами когда-либо придуманныхъ драпировокъ, могутъ дѣйствительно вызывать восторгъ. Высокіе сапоги ихъ также разумны и практичны. Они носятъ только то, что удобно и слѣдовательно прекрасно. Когда я смотрѣлъ на нихъ, я не могъ думать безъ сожалѣнія о томъ времени, когда эти живописные рудокопы разбогачивутъ, вернуться на Востокъ и снова облекутся во всѣ мерзости современной модной одежды. Меня это такъ близко зашло, что я даже заставилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ пообѣщать мнѣ, что, при возвращеніи въ болѣе людные центры европейской цивилизаціи, они по-прежнему будутъ носить свой очаровательный костюмъ. Но я не вѣрю, что они сдержатъ свое слово.

Въ чемъ Америка сегодня нуждается, это въ школѣ рациональнаго искусства. Плохое искусство значительно хуже, чѣмъ полное отсутствіе искусства. Вы должны копировать у вашихъ рабочихъ образцы хорошихъ работъ, дабы они могли постичь, что просто, правдиво и прекрасно. Для этой цѣли, мнѣ кажется, къ такого рода школамъ нужно присоединить музей,—о, конечно, не одно изъ тѣхъ ужасныхъ современныхъ учреждений, въ которомъ стоитъ запыленное чучело жирафа и витрины съ другими ископаемыми,—но мѣсто, гдѣ были бы собраны образцы художественныхъ украшеній различныхъ временъ и странъ. Такого рода мѣстомъ является Южный

Кенсингтонскій музей въ Лондонѣ, на который, больше чѣмъ на что-либо другое, можно возлагать надежды для будущаго. Туда я хожу каждую субботу, по вечерамъ, когда музей открытъ дольше, чѣмъ въ прочіе дни, чтобы видѣть ремесленника: столяра, стекольщика, чеканщика. Тамъ человѣкъ утонченной культуры сталкивается лицомъ къ лицу съ рабочимъ, который способствуетъ его наслажденіямъ. Онъ тамъ постигнетъ благородство рабочаго, а рабочій, сознавая, что его цѣнятъ, познаетъ лучше благородство своей работы.

У васъ слишкомъ много бѣлыхъ стѣнъ. Нужно больше красокъ. Необходимо, чтобы среди васъ было побольше такихъ людей, какъ Уистлеръ *), которые научили бы васъ радостямъ и красотѣ красокъ. Возьмите „Симфонию въ бѣломъ“ Уистлера, которую вы, безъ сомнѣнія, представляете себѣ, какъ нѣчто слишкомъ причудливое, — ничего подобнаго. Представьте себѣ прохладное сѣрое небо, на которомъ бѣлыми хлопьями то тамъ, то сямъ лежатъ облака, потомъ сѣрый океанъ, и надъ водою склонились три прекрасныя фигуры, укутанныя въ бѣлое, и роняютъ въ воду бѣлые цвѣты. Здѣсь нѣтъ ни сложной умственной схемы, которая васъ бы озадачила, ни метафизики, которой у насъ больше чѣмъ достаточно въ искусствѣ. Но если простая, самостоятельная краска попадетъ въ настоящій тонъ — вся концепція будетъ ясна. Я считалъ знаменитую „Павлинью комнату“ Уистлера лучшимъ образцомъ колорита и декоративной живописи, который знаетъ міръ съ тѣхъ поръ, какъ Корреджо расписалъ ту поразительную комнату въ Италіи, гдѣ дѣти пляшутъ на стѣнахъ. Какъ разъ передъ моимъ отъѣздомъ Уистлеръ кончилъ роспись другой комнаты — чайной комнаты въ голубыхъ и желтыхъ тонахъ. Потолокъ — нѣжно-голубого цвѣта, отдѣлка и мебель — желтаго дерева, занавѣсы на окнахъ — бѣлые, вышитые желтымъ, и когда столъ былъ накрытъ къ чаю синимъ фарфоровымъ сервизомъ, трудно было представить себѣ что-нибудь болѣе простое и радостное.

Недостатокъ, который я наблюдалъ въ большей части вашихъ комнатъ, тотъ, что въ нихъ, очевидно, отсутствуетъ опредѣленная красочная схема. Все должно быть выдержано въ томъ или иномъ тонѣ, и это у васъ отсутствуетъ. Квартира биткомъ-набита красивыми предметами, между которыми рѣшительно нѣтъ никакой связи. Потомъ ваши художники должны бы украшать узорами обиходные полезные предметы. Въ вашихъ художественныхъ училищахъ я не замѣтилъ ни одной попытки украшенія сосудовъ для воды. А я не знаю ничего безобразнѣе современнаго кувшина или графина. Можно наполнить цѣлый музей различнаго рода сосудами для воды, которые употребляютъ въ жаркихъ странахъ. А мы не перестаемъ пользоваться угнетающимъ кувшиномъ съ ручкой на одной сторонѣ. Я не вижу цѣли расписыванія столовыхъ тарелокъ закатами, а супныхъ — лунными видами. Я не думаю, чтобы это прибавляло вкусу той утѣ, которую мы ѣдимъ изъ такихъ роскошныхъ блюдъ. Кромѣ того, намъ не надобны суповыя тарелки, дно которыхъ словно бы исчезаетъ за горизонтомъ. При такихъ условіяхъ никогда нельзя чувствовать себя въ безопасности или хотя бы просто удобно. По правдѣ сказать, я не замѣтилъ, чтобы въ вашихъ художественныхъ училищахъ разъяснялась разница между прикладнымъ и чистымъ искусствомъ.

Условія искусства должны быть очень просты. Больше зависѣтъ отъ сердца, чѣмъ отъ головы. Для того, чтобы цѣнить искусство,

*) Извѣстный англійскій художникъ.

нѣтъ необходимости въ сложной учености. Искусство требуетъ хорошей, здоровой атмосферы. Мотивы для искусства все еще окружаютъ насъ и теперь, какъ они окружали древнихъ. И темы всегда легко найти серьезному ваятелю или художнику. Нѣтъ ничего живописнѣе или изящнѣе, чѣмъ человекъ за работой. Художникъ, бывающій тамъ, гдѣ играютъ дѣти, видящій ихъ за ихъ играми, наблюдающій, какъ мальчикъ нагибается, чтобы завязать шнурокъ башмака, — находить тѣ же темы, которыя плѣняли древнихъ грековъ, и такого рода наблюденія и обработка этихъ наблюденій сдѣлаютъ много къ исправленію того глупаго предрасудка, будто духовная и физическая красота всегда различны.

По отношенію къ вамъ, болѣе чѣмъ къ какому-либо другому народу, была щедра природа; она снабдила васъ матеріаломъ, надъ которымъ могутъ работать художественные ремесленники. У васъ имѣются мраморныя каменоломни, гдѣ камень по своей раскраскѣ лучше, чѣмъ тотъ, который употребляли греки для своихъ прекрасныхъ созданій. И все же день за днемъ мнѣ попадаетъ въ глаза огромное зданіе, построенное какимъ-то безмозглымъ зодчимъ, который пользовался прекраснымъ матеріаломъ, словно не сознавая его неимоверной цѣнности. Мраморомъ должны пользоваться только благородные рабочіе. Ничто не оставляло на мнѣ такого впечатлѣнія пустынности при путешествіи по вашей странѣ, какъ абсолютное отсутствіе деревянной рѣзьбы на вашихъ домахъ. Деревянная рѣзьба — самая простая форма декоративнаго искусства. Въ Швейцаріи маленькій босоногій мальчикъ украшаетъ сѣни отчаго дома образцами своего творчества въ этой области. Почему же американскимъ мальчикамъ не дѣлать этого гораздо лучше и въ болѣе значительномъ масштабѣ, чѣмъ дѣлаютъ швейцарскіе мальчики?

Нѣтъ для меня ничего болѣе грубаго по замыслу и болѣе вульгарнаго по исполненію, чѣмъ современныя ювелирныя издѣлія. А это можно легко исправить. Надо выдѣлывать что-нибудь лучшее изъ прекраснаго золота, скрытаго въ глубинѣ вашихъ горъ и разсыпаннаго по дну вашихъ рѣкъ. Когда я былъ въ Лэдвиллѣ и подумалъ, что все это сверкающее серебро, поднимающееся изъ рудниковъ, будетъ превращено въ уродливые доллары — мнѣ стало грустно. Надо, чтобы оно было превращено въ нѣчто болѣе долговѣчное. Золотыя ворота во Флоренціи такъ же прекрасны сегодня, какъ они были тогда, когда ихъ видѣлъ Микель-Анджело.

Мы должны чаще и больше видѣться съ рабочимъ, чѣмъ мы это дѣлаемъ сегодня. Мы не должны довольствоваться тѣмъ, чтобы между ними становился купецъ. Вѣдь купецъ ничего не знаетъ о томъ товарѣ, который онъ намъ продаетъ, кромѣ того, что онъ запрашиваетъ слишкомъ высокую цѣну. А если бы мы наблюдали рабочаго за работой, мы научились бы самому главному — благородству всякой рациональной работы.

Я сказалъ въ своей предыдущей лекціи, что искусство создастъ новое братство среди людей, снабдивъ ихъ универсальнымъ языкомъ. Я сказалъ, что подъ облагораживающимъ влияніемъ искусства прекратятся войны. Держась такого взгляда, какое мѣсто я могу отвести искусству въ дѣлѣ нашего образованія? Если дѣтей вырастить среди прекрасныхъ и красивыхъ предметовъ, они научатся любить красоту и ненавидѣть безобразіе прежде, чѣмъ будутъ разсуждать, почему это необходимо. Когда вы входите въ домъ, гдѣ всѣ предметы грубы, вы находите все сломаннымъ, треснувшимъ, въ небрежномъ состояніи. Никто ни о чемъ не заботится. Если же все нѣжно и

хрупко, мягкость и осторожность въ обращеніи пріобрѣтаются неволью. Когда я былъ въ Санъ-Франциско, я часто посѣщалъ китайскій кварталъ. Тамъ я наблюдалъ большого здороваго китайца, черно-рабочаго землекопа, и видѣлъ, какъ каждый день онъ пилъ чай изъ крошечной чашечки, нѣжной, какъ чашечка цвѣтка, въ то время какъ во всѣхъ большихъ отеляхъ Америки, гдѣ тысячи долларовъ были потрачены на огромныя позолоченныя зеркала и кричащія, пестрыя колонны—мнѣ подавали кофе или шоколадъ въ чашкахъ толщиной въ дюймъ съ четвертью. А мнѣ кажется, я заслужилъ что-нибудь болѣе изящное.

Художественныя системы прошлаго были придуманы философами, смотрѣвшими на человѣческія существа, какъ на препятствія. Они пытались воспитать разумъ мальчиковъ еще до того, какъ онъ у нихъ появлялся. Насколько полезно было бы въ этомъ раннемъ возрастѣ научить дѣтей пользоваться своими руками для рациональнаго служенія человѣчеству. Я бы при каждой школѣ построилъ мастерскую и каждый день отводилъ бы часъ обученію простому декоративному искусству. Это было бы золотымъ часомъ для дѣтей. И вы скоро воспитали бы поколѣніе художественныхъ ремесленниковъ, которые преобразовали бы лицо вашей страны. Я видѣлъ только одну такую школу во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ, и это было въ Филадельфіи, и она основана была моимъ другомъ, м-ромъ Лейландомъ. Я былъ тамъ вчера и принесъ сюда сегодня нѣкоторыя вещи, выдѣланныя въ этой школѣ, чтобы показать вамъ. Вотъ два диска изъ чеканной мѣди: узоры на нихъ прекрасны, выдѣлка проста, и общій эффектъ вполне удовлетворителенъ. Это произведеніе двѣнадцатилѣтняго мальчика. А вотъ деревянный ковшъ, расписанный тринадцатилѣтней дѣвочкой. Узоръ очарователенъ, а раскраска нѣжна и красива. А вотъ кусокъ дерева съ рѣзьбой, выполненный девятилѣтнимъ мальчикомъ. Въ подобныхъ работахъ дѣти познаютъ искренность, правдивость въ искусствѣ. Они научаются ненавидѣть лгуна въ искусствѣ—человѣка, который расписываетъ дерево такъ, чтобы оно походило на желѣзо, или чтобы желѣзо походило на камень. Это практичная школа морали. Нѣтъ лучшаго пути научиться любить природу, чѣмъ въ пониманія искусства. Оно облагораживаетъ каждый полевой цвѣтокъ. И мальчикъ, видѣвшій, въ какой красивый предметъ превращается летящая птица, будучи перенесенной на деревъ или холстъ—очень возможно, не броситъ въ нее традиціоннаго камня. Намъ нужно, чтобы къ жизни было примѣшано что-нибудь духовное. Нѣтъ ничего настолько низменнаго, чего искусство не могло бы освятить.

1882.

ЦѢННОСТЬ ИСКУССТВА ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ.

(Лекція, прочитанная студентамъ Лондонской Академіи Художествъ *).

Переводъ М. Ѡ. Ликирдопуло.

Въ лекціи, которую я имѣю честь сегодня прочитать вамъ, я отнюдь не намѣренъ предложить вамъ какое-нибудь отвлеченное опредѣленіе красоты. Ибо мы, работники искусства, не можемъ принять какую-нибудь теорію красоты взамѣнъ самой красоты и, будучи далеки отъ желанія изолировать ее формулой, вызывающей къ разуму, мы, наоборотъ, желаемъ воплотить ее въ какой-нибудь матеріальной формѣ, дающей радость душѣ черезъ посредство чувствъ. Мы хотимъ создавать, а не опредѣлять ее. Опредѣленіе должно слѣдовать за творчествомъ, а не творчество—приспособляться къ опредѣленію.

Ничего нѣтъ опаснѣе для молодого художника, чѣмъ какая-нибудь концепція идеальной красоты: она неукоснительно поведетъ его или къ мелкой красивости, или къ безжизненной абстракціи; но, чтобы достигъ идеала, его не надо лишать безжизненности. Надо находить его въ жизни и претворять его въ искусствѣ.

И хотя съ одной стороны я не имѣю намѣренія преподнестъ вамъ какую-нибудь философскую теорію искусства,—ибо сегодня я хочу заняться изслѣдованіемъ того, какъ мы можемъ творить искусство, а не говорить о немъ,—съ другой стороны я не хочу имѣть дѣло съ тѣмъ, что относится къ исторіи англійскаго искусства.

Начать съ того, что такое выраженіе, какъ „англійское“ искусство, совершенно бессмысленно. Можно съ такимъ же успѣхомъ говорить и объ англійской математикѣ. Искусство — наука о красотѣ, а математика — наука объ истинѣ: нѣтъ какой-нибудь національной школы ни той ни другой изъ нихъ. Национальная школа — это просто-напросто провинціальная школа. Да и вообще не существуетъ такой вещи, какъ школа искусства. Есть просто художники, вотъ и все.

Что же касается исторіи искусствъ, она вамъ будетъ совершенно бесполезна, конечно, если вы не ницете тщеславнаго забвенія: званія профессора искусствъ. Вамъ совершенно не къ чему знать точную дату появленія на свѣтъ Поруджино или мѣсто рожденія Сальватора Розы; все, что вамъ нужно знать объ искусствѣ, это умѣть распознать хорошую картину, когда вы ее видите, и дурную,

*) Въ собраніи сочиненій Оскара Уайльда печатается впервые.

когда вы ее видите. Что касается времени жизни художника, то всё хорошия произведенія всегда кажутся совершенно современными: греческая скульптура, портрет кисти Веласкеца—всегда современны, всегда нашего вѣка. Что же касается національности живописи, то искусство не національно, а универсально. Что касается археологій—избѣгайте ея совсѣмъ: археологія—просто наука для извиненія плохого искусства; это подводная скала, на которую натывается (и терпитъ крушеніе) не одинъ молодой художникъ; это бездна, изъ которой ни одинъ художникъ, молодой или старый, не возвращается. А если онъ и возвращается, то такъ бываетъ покрытъ пылью вѣковъ и плѣсенью времени, что становится совершенно неузнаваемымъ, какъ художникъ, и принужденъ бывать скрытъ себя на весь остатокъ дней подъ шапкой профессора или въ качествѣ простого иллюстратора древней исторіи. Насколько нецѣнна археологія въ искусствѣ, вы можете судить по ея популярности. Популярность—это лавровый вѣнокъ, которымъ міръ вѣнчаетъ плохое искусство. Все, что популярно, негодно.

И такъ какъ я не буду бесѣдовать съ вами ни о философіи прекраснаго ни объ исторіи искусствъ, вы естественно спросите меня, о чемъ же я буду говорить? Тема моей сегодняшней лекціи будетъ посвящена тому, что создаетъ художника и что художникъ самъ создаетъ; каковы отношенія художника къ окружающему его міру, какое художникъ долженъ получить образованіе, и каковы отличительныя качества хорошаго произведенія искусства.

Во-первыхъ, начнемъ съ отношеній художника къ окружающему его міру, т.-е. къ вѣку и странѣ, въ которыхъ онъ родился. Всякое настоящее искусство, какъ я уже указалъ, не имѣетъ ничего общаго съ какимъ-либо опредѣленнымъ вѣкомъ; но эта универсальность есть качество произведенія искусства; условія, создающія это качество, бываютъ различны, и, мнѣ кажется, вы должны какъ можно полнѣе освоиться со своимъ вѣкомъ, чтобы какъ можно полнѣе отрѣшиться отъ него; и помните, что, если вы истинные художники, вы никогда не будете знаменемъ вѣка, а властелинами вѣчности; что всякое искусство покоится на какомъ-нибудь принципѣ, а чисто-временныя условія никогда не бываютъ принципами; и что тѣ, которые совѣтуютъ вамъ направить ваше искусство къ тому, чтобы оно явилось характернымъ для XIX вѣка, совѣтуютъ вамъ создавать такія произведенія искусства, которыя вали дѣти, когда они у васъ будутъ, будутъ считать старомодными. Но вы мнѣ на это возразите, что вѣкъ нашъ нехудожественный, что мы—нехудожественныя націи, и что художнику въ нашъ XIX вѣкъ приходится очень много претерпѣвать.

О, конечно, приходится. И я меньше всѣхъ людей собираюсь это отрицать. Но не забудьте, что никогда не было ни художественнаго вѣка ни художественной націи съ самаго сотворенія міра. Художникъ всегда былъ и всегда будетъ рѣдкостнымъ исключеніемъ. У искусства никогда не было золотого вѣка: были только художники, создававшіе произведенія, которыя были болѣе золотыми, чѣмъ само золото.

Но вы мнѣ опять возразите: а греки? Развѣ они не были художественной націей?

Греки, разумѣется, не были, но, можетъ-быть, вы подразумѣваете аѳиняны, жителей одного изъ тысячи городовъ?

Вы думаете, что они были народомъ съ художественными вкусами? Возьмите ихъ въ періодъ ихъ наивысшаго художественнаго

развитія, во второй половинѣ V вѣка до Христа, когда у нихъ были величайшіе поэты и величайшіе художники древняго міра, когда, по мановенію руки Фидія, выросъ во всей красѣ Пареенонъ, когда философъ бесѣдовалъ о мудрости подъ сѣнью расписного портика, а трагедія въ совершенствѣ пышности и паеоса шествовала по мрамору сцены. Были ли они тогда художественнымъ народомъ? Нисколько. Что такое художественный народъ, какъ не народъ, который любитъ своихъ художниковъ и цѣнить ихъ искусство? Аѳиняне же не цѣнили ни того ни другого.

Какъ они обошлись съ Фидіемъ? Фидію мы обязаны величайшей зрѣй не только въ греческомъ, но и во всякомъ искусствѣ—я хочу сказать, ему мы обязаны примѣненіемъ въ искусствѣ живой природы.

И что бы вы сказали, если бъ всѣ англійскіе епископы, а за ними и весь англійскій народъ, вдругъ въ одинъ прекрасный день направились изъ Exeter Hall *) къ Королевской Академіи и увезли сэра Фредерика Лейтона **) въ тюремной фуру въ Ньюгэтскую тюрьму, по обвиненію въ томъ, что онъ позволилъ вамъ пользоваться живыми натурщиками и натурщицами для вашихъ набросковъ къ картинамъ на религіозные сюжеты?

Развѣ вы не станете протестовать противъ варварства и пуританизма такой идеи? Развѣ вы не станете объяснять имъ, что наилучшій способъ воздать славу Богу — обезславить человѣка, сотвореннаго по образу Его, Его же руками; и что, если кто-либо желаетъ изобразить Христа, онъ долженъ взять образцомъ наиболѣе хриstopодобнаго человѣка, какового онъ можетъ найти, а для изображенія Мадонны —наиболѣе чистую дѣвушку, какую онъ только знаетъ?

Развѣ вы не побѣжали бы, если бы это понадобилось, и не сожгли бы Ньюгэтскую тюрьму, и не заявили бы, что подобное явленіе не имѣетъ равнаго въ исторіи?

Не имѣетъ равнаго? Но именно такъ и поступили аѳиняне.

Въ залѣ пареенонскихъ мраморовъ, въ Британскомъ музеѣ, вы увидите на стѣнѣ мраморный щитъ. На немъ изображены двѣ фигуры: одна—человѣка съ полузакрытымъ лицомъ, другая—человѣка съ богоподобными очертаніями Перикла. За то, что Фидій это создалъ, за то, что онъ ввелъ въ барельефъ, изображающій моментъ древнегреческой священной исторіи, обликъ великаго государственнаго дѣятеля, управлявшаго Аѳинами въ то время, онъ былъ брошенъ въ тюрьму, и тамъ, въ пошлѣйшей аѳинской кутузкѣ, скончался величайшій художникъ древняго міра.

И вы думаете, что это былъ исключительный случай? Отличительный признакъ филистерствующаго вѣка—это обвиненіе искусства въ безнравственности, и это обвиненіе возбуждалось аѳинскимъ народомъ противъ всѣхъ великихъ мыслителей и поэтовъ того времени—противъ Эсхила, Еврипида, Софокла. То же самое было и во Флоренціи въ XIII вѣкѣ. Хорошими произведеніями прикладнаго искусства были обязаны цехамъ, а не народу. Съ того момента, какъ цехи лишились своей власти, и народъ занялъ положеніе, — красота и честность въ работѣ исчезли.

Поэтому никогда не говорите о художественной націи; ничего подобнаго никогда не было.

Но, можетъ-быть, вы мнѣ возразите, что внѣшняя красота міра почти окончательно исчезла для насъ, что художникъ больше уже

*) Exeter Hall — большая зала въ Лондонѣ, мѣсто для различныхъ религіозныхъ собраній.

**) Англійскій художникъ, стоявшій во главѣ Академіи Художествъ.

не бывает окруженъ той красивой обстановкой, которая въ прошлые вѣка составляла естественное наслѣдство каждаго, и что очень трудно осуществлять искусство въ этомъ нескрасивомъ нашемъ городѣ, гдѣ, когда вы отправляетесь на работу утромъ или возвращаетесь съ нея вечеромъ, вы должны проходить улицу за улицей глупѣйшей и нелѣпѣйшей архитектуры, какую когда-либо видѣлъ міръ; архитектуры, въ которой каждая прекрасная греческая форма осквернена и обезображена, гдѣ каждая прекрасная готическая форма осквернена и обезображена, гдѣ почти три четверти всѣхъ лондонскихъ домовъ доведены до уровня простыхъ квадратныхъ ящиковъ самыхъ отвратительныхъ пропорцій, такихъ же уродливыхъ, какъ и грязныхъ, такихъ же убогихъ, какъ и претенціозныхъ: у нихъ входная дверь всегда окрашена въ неподобающій цвѣтъ, окна — неподобающихъ размѣровъ; и когда, уставши сморгать на дома, вы переносите взоры на самую улицу, вы ничего другого не видите, кромѣ цилиндровъ, людей съ ходячими рекламами, ярко-красныхъ почтовыхъ ящиковъ, и каждую минуту при этомъ рискуете быть задавленнымъ изумрудно-зеленымъ omnibusомъ.

Развѣ не трудно придти къ искусству, скажете вы мнѣ, при такихъ условіяхъ? Разумѣется, трудно, но искусство никогда не давалось легко; и вы сами не захотѣли бы, чтобы оно было легкимъ; и кромѣ того стремитесь дѣлать нужно только то, что міръ считаетъ невозможнымъ и невыполнимымъ.

Но вы не хотите, чтобы вамъ отвѣтили просто парадоксомъ. Каковы отношенія художника къ внѣшнему міру, и каковы для васъ результаты потери окружающей прекрасной обстановки, — вотъ одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ современнаго искусства, и ни на чемъ Джонъ Рёскинъ такъ не настаиваетъ, какъ на томъ, что вырожденіе искусства явилось слѣдствіемъ вырожденія прекраснаго вообще; и что, когда художникъ не можетъ насытить свой глазъ красотой, творчество его тоже лишается красоты.

Я помню, какъ въ одной изъ своихъ лекцій, описавъ непривлекательную внѣшность большого англійскаго города, онъ нарисовалъ намъ картину того, какія были художественныя обстановки, окружавшія жизнь въ прежнія времена.

„Вообразите себѣ, — говорилъ онъ словами столь совершенной и живописной изобразительности, красоту которыхъ я лишь слабо могу передать: — вообразите себѣ, какія картины раскрывались при послѣобѣденной прогулкѣ какому-либо рисовальщику готической пизанской школы — Нино Пизано, на примѣръ, или кому-либо изъ его учениковъ?“

„На обоихъ берегахъ сверкающей рѣки, видѣлъ онъ, высились ряды еще болѣе ярко сверкавшихъ дворцовъ, съ арками и колоннами, и облицованные темно-краснымъ порфиромъ и змѣвиномъ; вдоль набережной, передъ воротами дворцовъ, проѣзжали сонмища рыцарей съ благородными лицами и благородной осанкой, ослѣпительными шлемами и щитами: кони и всадники составляли одинъ сплошной лабиринтъ красокъ и сіяющихъ огней — пурпурныя, серебряныя и алая бахромы переливались надъ крѣпкими ногами и звенящими доспѣхами, словно морскія волны надъ скалами при закатѣ. По обѣимъ сторонамъ рѣки раскрывались сады, дворы и ограды монастырей; длинные ряды колоннъ, увѣнчанныхъ виноградомъ; всплески фонтановъ среди гранатъ и померанцевъ; и по дорожкамъ садовъ, подъ алой тѣнью гранатныхъ деревьевъ, медленно двигающіяся группы красивѣйшихъ женщинъ, которыхъ когда-либо видѣла Ита-

мія—красивѣйшихъ, потому что онѣ были наиболѣе чистыми и глубокомысленными; обученныхъ равно высшимъ наукамъ, какъ и галантными искусствамъ — танцу, пѣнію, восхитительному остроумію, благородной мудрости, еще болѣе благородной смѣлости наиблагороднѣйшей любви—одинаково умбюющія ободрить, зачаровать или спасти душу мужчины. И надо всей этой сценой совершеннѣйшей человѣческой жизни высились куполь и колокольня, горѣвшіе бѣлымъ алебастромъ и золотомъ; а за куполомъ и колокольней—склоны мощныхъ холмовъ, покрытые сѣдиною оливковыхъ рощъ; далеко къ сѣверу, надъ пурпурнымъ моремъ торжественныхъ Аппенинскихъ вершинъ, четкія, остро очерченныя Каррарскія высоты бросали къ янтарному небу застывшіе пламенники своихъ мраморныхъ вершинъ; само великое море, горѣвшее просторами свѣта, тянулось отъ нихъ подножію къ Горгонскимъ островамъ; а надъ всѣмъ этимъ—вѣчно присутствующее близко или далеко, видимое сквозь листву виноградниковъ, или повторенное со всѣми своими бѣгущими тучками въ водахъ Арно, или окаймляющее темной синевою золотыя пряди или горящую щеку дамы и рыцаря,—это невозмутимое священное небо, которое для всѣхъ, въ тѣ дни наивной вѣры, было такъ же безспорно населено духами, какъ земля людьми; которое открывалось непосредственно своими облачными вратами и росными завѣсами въ торжественное благоговѣніе вѣчнаго міра; небо, въ которомъ каждое проходящее облако было буквально ангельской колесницей, а каждый лучъ утра и вечера струился отъ Престола Господня *)”.

Что вы скажете объ этомъ, какъ о школѣ для рисовальщика?

А потомъ взгляните на удручающій, однообразный видъ любого современнаго города, на мрачную одежду мужчинъ и женщинъ, на безмысленную, голую архитектуру, на безцвѣтную окружающую обстановку. Лишенные прекрасной нарядной жизни, не только скульптура, но и всѣ искусства вымрутъ.

Что же касается религіознаго чувства, которое сквозить въ концѣ только-что приведенной мною цитаты, кажется, мнѣ не приходится о немъ говорить. Религія вырастаетъ изъ религіознаго чувства, художество—изъ художественнаго чувства: никогда не вырастаетъ одинъ изъ другого; если у васъ нѣтъ необходимаго корня, вы никогда не получите необходимаго цвѣтка; и если человѣкъ видитъ въ облакѣхъ ангельскую колесницу, то весьма возможно, что онъ нарисуетъ его совсѣмъ непохожимъ на облако!

Что же касается общей идеи первой части этого прекраснаго отрывка прозы, не совершенно ли справедливо, что художнику необходима красивая обстановка? Мнѣ кажется, нѣтъ; я увѣренъ, что нѣтъ. Лично мнѣ наиболѣе антихудожественнымъ явленіемъ въ нашемъ вѣкѣ кажется не равнодушіе публики къ прекраснымъ вещамъ, а равнодушіе художника къ вещамъ, которыя называютъ безобразными. Ибо для истиннаго художника нѣтъ ничего въ своей сущности прекраснаго или безобразнаго. Съ „фактами предмета“ ему нечего дѣлать, онъ считается только съ его вѣщиностью, а видимость—это вопросъ свѣта и тѣни, распредѣленія массъ, расположенія общей художественной цѣнности.

Видимость, собственно, просто вопросъ эффекта, и вамъ, художникамъ, приходится имѣть дѣло съ эффектами природы, а не съ реальною сущностью предмета. И вамъ, художникамъ, надо писать пред-

*) „Два пути“. Дж. Рескина.

меты не такими, какіе они есть, а какими они вамъ кажутся, не то, что есть, а то, чего нѣтъ.

Ни одинъ предметъ не бываетъ настолько уродливъ, чтобы при нѣкоторыхъ условіяхъ свѣта и тѣни, или при сопоставленіи съ другими предметомъ, не могъ казаться красивымъ; и ни одинъ предметъ не бываетъ настолько красивъ, чтобы при нѣкоторыхъ условіяхъ не казаться уродливымъ. Мнѣ кажется, что въ каждыя сутки хоть разъ то, что красиво, кажется уродливымъ, и то, что уродливо—красивымъ.

И безцвѣтность наибольшей части нашей англійской живописи, мнѣ кажется, происходитъ оттого, что большинство нашихъ молодыхъ художниковъ видитъ только то, что можно было бы назвать „готовой красотой“, а между тѣмъ вы призваны, какъ художники, не только копировать красоту, но и творить красоту, поджидать и подматривать ее въ природѣ.

Что вы сказали бы о драматургѣ, который изображалъ бы въ своихъ пьесахъ исключительно добродѣтельныхъ людей? Не сказали бы вы, что онъ отбрасываетъ по крайней мѣрѣ добрую половину жизни? Ну, а о художникѣ, который изображаетъ только красивое, я тоже сказалъ бы, что онъ отбрасываетъ половину жизни.

Не ждите, чтобы жизнь стала живописнѣе, но старайтесь видѣть ее при извѣстныхъ условіяхъ. Эти условія вы можете создать себѣ въ вашей студіи, такъ какъ это просто условія освѣщенія. Въ природѣ же вы должны поджидать ихъ, выслѣживать ихъ, выбирать ихъ; и если вы будете ждать и выслѣживать—они придуть.

На Говеръ-стритъ ночью можно увидѣть очень живописный почтовый ящикъ; на набережной Темзы иногда можно увидѣть живописныхъ полисменовъ. Даже Венеція не всегда бываетъ живописной, точно такъ же и Франція.

Писать то, что видишь—хорошее правило въ искусствѣ, но видѣть то, что слѣдуетъ писать—еще лучшее. Научитесь видѣть жизнь при живописныхъ условіяхъ. Лучше жить въ городѣ съ переменной погодой, чѣмъ въ городѣ, окруженномъ красивой обстановкой.

Теперь, разсмотрѣвъ, что создаетъ художника и что создаетъ художникъ, разсмотримъ, что такое онъ самъ. Среди насъ живетъ человекъ, который объединяетъ въ себѣ всѣ качества благороднѣйшаго искусства, чьи произведенія—предметъ радости для всѣхъ вѣковъ, кто самъ властелинъ надъ всеми вѣками. Этого человекъ—м-ръ Уистлеръ...

Вы скажете, пожалуй, что современная одежда очень некрасива. Но если вы не умѣете изобразить черное сукно, вы не могли бы изображать атласные камзолы. Некрасивая одежда лучше для искусства, дѣло же въ зрѣніи, а не въ самомъ предметѣ.

Что такое картина? Во-первыхъ, картина—это просто прекрасная раскрашенная поверхность, имѣющая для васъ такое же значеніе или духовный смыслъ, какъ дивный кусокъ венеціанскаго стекла или изразецъ со стѣны Дамаска. Во-вторыхъ, это чисто-декоративный предметъ, вещь, на которую пріятно смотрѣть.

Всѣ археологическія картины, которыя заставляютъ васъ воскликнуть: „Какъ любопытно!“—всѣ сентиментальныя картины, которыя заставляютъ васъ воскликнуть: „Какъ грустно!“—всѣ историческія картины, которыя заставляютъ васъ воскликнуть: „Какъ интересно!“—всѣ картины, которыя не вызываютъ въ васъ тотчасъ же чувства художественнаго наслажденія и не заставляютъ васъ воскликнуть: „Какъ прекрасно!“—плохія картины...

Мы никогда не знаемъ заранѣ, что изобразить художникъ. Разумѣется, не знаемъ. Художникъ никогда не долженъ быть спеціалистомъ. Всѣ подраздѣленія художниковъ на анималистовъ, пейзажистовъ, на художниковъ, изображающихъ шотландскій скотъ въ англійскомъ туманѣ, на художниковъ, изображающихъ англійскій скотъ въ шотландскомъ туманѣ, на художниковъ, изображающихъ скаковыхъ лошадей, на художниковъ, изображающихъ буль-терьеровъ, — просто-напросто пошлы. Если человѣкъ—художникъ, онъ можетъ изобразить, что угодно...

Цѣль искусства—пробудить тѣ глубочайшія божественныя струны, что могутъ создавать музыку въ нашей душѣ.

Развѣ я требую голыя техники? Нѣтъ. До тѣхъ поръ, пока остаются какіе-либо слѣды техники, картина еще не закончена, а что такое законченность? Картина закончена тогда, когда всѣ слѣды работы и методы, примѣненные для достиженія результата,—исчезли.

Когда дѣло касается ремесленника — ткача, гончара, кузнеца, то на ихъ произведеніяхъ остается слѣдъ ихъ рукъ. Но этого не бываетъ съ живописцемъ, этого не бываетъ съ художникомъ.

Искусство не должно обладать какимъ-либо чувствомъ, кромѣ собственной красоты, какой-либо техникой, кромѣ той, которой нельзя замѣтить. Надо, чтобы о картинѣ сказали не то, что она „хорошо написана“, а что она „вовсе не написана“.

Какая разница между абсолютно-декоративнымъ искусствомъ и живописью? Декоративное искусство подчеркиваетъ матеріалъ, которымъ оно пользовалось; творческое искусство уничтожаетъ его. Вышивки показываютъ свои нити, какъ часть своей красоты; картина уничтожаетъ, сводитъ къ нулю собственное полотно; она его не показываетъ. Фарфоръ подчеркиваетъ свой блескъ; акварель отвергаетъ бумагу.

Картина не имѣетъ другого смысла, кромѣ собственной красоты, другой идеи, кромѣ собственной радости. И это нервная истина искусства, которую вы никогда не должны забывать. Картина — чисто-декоративная вещь...

30 іюля 1883 г.

О ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДѢ.

Газетная замѣтка.

Переводъ М. Ѳ. Ликиардопуло.

Конечно, первымъ долгомъ, я долженъ отвѣтить „студенткѣ“, не потому только, что она женщина, а за ея здравый разсудокъ: письмо ея крайне осмысленно. Она отстаиваетъ два положенія: что высокіе каблуки составляютъ необходимость для каждой дамы, желающей защитить свое платье отъ стигійской грязи нашихъ улицъ, и что, при отсутствіи корсета, трудно какъ слѣдуетъ, удобно прикрѣпить обычное количество нижнихъ юбокъ такъ, чтобы онѣ не сползали. Разумѣется, совершенно справедливо, что, куда нижнее бѣлье будетъ висѣть на бедрахъ — безъ корсета нельзя обойтись; ошибка здѣсь въ томъ, что опорой для всей одежды не служатъ плечи. Въ послѣднемъ случаѣ корсетъ становится бесполезнымъ, тѣло остается незатянутымъ и свободнымъ для дыханія и движеній, отъ этого женщина становится лишь болѣе здоровой и слѣдовательно болѣе красивой. Дѣйствительно, всѣ наиболѣе неудобныя и безобразныя принадлежности дамскаго туалета, которыя придумала въ своемъ безуміи мода, не только узкій корсетъ, но и фіжмы, криолинь и это современное уродство — турнюръ, всѣ онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ одной и той же ошибкѣ, заключающейся въ томъ, что никто не замѣчалъ одной простой вещи: отъ плечъ и только отъ плечъ должны свисать всѣ одежды.

Что же касается высокихъ каблуковъ, я совершенно допускаю, что если на улицахъ будутъ носить длинныя платья, то необходимо придать какую-нибудь дополнительную вышину туфлѣ или ботинку; но я протестую лишь противъ того, чтобы эту добавочную вышину придавали одному каблукъ, а не подошвѣ также. Современный башмакъ съ высокимъ каблукомъ есть не что иное, какъ деревянные башмаки время Генриха VI, съ отнятыми лишь передними подпорками; неизбѣжнымъ послѣдствіемъ его является наклонъ корпуса впередъ, укороченіе шага и слѣдовательно тотъ недостатокъ изящества, который всегда является слѣдствіемъ стѣсненія свободы.

Зачѣмъ презирать деревянные башмаки? Много искусства было потрачено на деревянные башмаки. Ихъ дѣлали изъ прекрасныхъ сортовъ дерева, съ изящными инкрустаціями изъ жемчуга и перламутра. Деревянный башмакъ можетъ быть красивъ, какъ мечта, и если онъ не слишкомъ высокъ и не слишкомъ тяжелъ, — одновре-

менно и очень удобнымъ. Но если сѣтъ дамы, которымъ почему-либо не нравятся деревянные башмаки, пусть онѣ попробуютъ какое-нибудь видоизмѣненіе шароваръ турецкихъ женщинъ, которыя свободно охватываютъ каждую ногу и суживаются лишь въ шиколоткѣ.

„Студентка“ съ паосомъ, къ которому я не остаюсь равнодушнымъ, умоляетъ меня не отстаивать „эту ужасную, лишенную оборокъ, складокъ и плиссировокъ, раздѣленную на двѣ части юбку“. Тутъ я долженъ признаться, что оборки, складки, сборки убиваютъ всю цѣль этой юбки, которая стремится къ удобству и свободѣ движеній; но я смотрю на всѣ эти отдѣлки, какъ на дурныя излишества, какъ на трагическія доказательства того, что раздѣленная юбка стыдится своей раздѣленности. Принципъ, лежащій въ основѣ этой юбки, хорошъ, и хотя ни въ коемъ случаѣ не даетъ совершенства, все же это шагъ къ совершенству.

Теперь я, къ большому своему сожалѣнію, долженъ проститься съ „студенткой“ и отвѣтить м-ру Вентворту Хьюши. М-ръ Хьюши приводитъ старое возраженіе, что одежда древнихъ эллиновъ не приспособлена къ нашему климату, и затѣмъ (это для меня довольно ново), что мужская одежда, въ томъ видѣ, въ какомъ ее носили столѣтъ назадъ, во всякомъ случаѣ предпочтительнѣе, чѣмъ платье второй половины XVII вѣка, которую я считаю самымъ изысканнымъ періодомъ въ исторіи англійскаго костюма.

Что касается первая изъ этихъ двухъ утверждений, я долженъ раньше всего сказать, что теплота одежды, въ сущности, зависитъ не отъ количества надѣтыхъ принадлежностей костюма, а отъ матеріала, изъ котораго онѣ сдѣланы. Одинъ изъ главныхъ недостатковъ современной одежды лежитъ въ томъ, что она состоитъ изъ слишкомъ большого количества принадлежностей платья, большинство которыхъ сдѣлано изъ неподходящаго матеріала; но, надѣтое поверхъ комплекта нижняго бѣлья изъ чистой шерсти, въ родѣ изготавливаемого по системѣ д-ра Іегера, какое-нибудь видоизмѣненіе древнегреческаго костюма было бы совершенно подходящимъ для нашего климата, нашей страны и нашего вѣка. Этотъ важный фактъ уже былъ указанъ м-ромъ Е. У. Годвиномъ въ его прекрасной, но слишкомъ краткой книгѣ объ одеждѣ, изданной къ гигиенической выставкѣ. Я называю это важнымъ фактомъ, такъ какъ онъ дѣлаетъ почти каждую форму красиваго костюма совершенно практической при нашемъ холодномъ климатѣ. Правда, м-ръ Годвинъ указываетъ, что англійскія дамы XIII вѣка промѣняли черезъ нѣкоторое время широкія развѣвующіяся платья эпохи ранняго Возрожденія на болѣе узкія одежды, которыя, по ихъ мнѣнію, лучше соответствовали сѣверной Европѣ. Это я вполне допускаю; но что я буду оспаривать и въ чемъ, я увѣренъ, со мною согласился бы и м-ръ Годвинъ, это то, что принципы, законы древнегреческой одежды могутъ быть вполне осуществлены даже въ узкомъ платьѣ съ рукавами: т.-е. я говорю о принципѣ всю тяжесть одежды переносить на плечи и о томъ, что красоту одежды не нужно искать въ жесткихъ готовыхъ украшеніяхъ современной модистки: — банты тамъ, гдѣ не должно быть бантовъ, оборки тамъ, гдѣ не должно быть оборокъ, — а въ изысканной игрѣ линий, которую можно извлечь изъ пышныхъ, струящихся складокъ. Я не предлагаю антикварную реставрацію древней одежды, а только стараюсь подчеркнуть правильные принципы одежды, принципы, продиктованные искусствомъ, а не археологіей, наукой, а не модой: и точно такъ же, какъ наилучшимъ произведеніемъ искусства въ наши дни считается то, въ

которомъ сочетаются классическая грація съ абсолютной реальностью, такъ изъ сліянія греческихъ принциповъ красоты съ нѣмецкими принципами гигиены родится, я увѣренъ, костюмъ будущаго.

А теперь обратимся къ вопросу о мужской одеждѣ, или, правильнѣе, къ утвержденію м-ра Хьюши о преимуществѣ въ области костюма послѣдней четверти XVIII вѣка надъ второй четвертью XVII. Широкополая шляпа 1640 года защититъ лицо отъ зимнихъ дождей и лѣтняго солнца; этого нельзя сказать о шляпѣ конца прошлаго вѣка, съ ея довольно узкими полями и высокимъ дномъ, которая была предтечей нынѣшняго цилиндра; широкой отложной воротникъ гораздо гигиеничнѣе, чѣмъ душащій, затянутый галстукъ, а короткій плащъ куда удобнѣе, чѣмъ пальто съ рукавами, хотя бы у послѣдняго и были три пелерины; плащъ легче надѣть и снять, онъ не такъ тяжело ложится на плечи лѣтѣмъ, а когда въ него укутаешься зимой, онъ даетъ очень много тепла. Куртка наконецъ куда менѣе сложна, чѣмъ сюртукъ и жилетъ; вмѣсто двухъ частей приходится надѣвать только одну; и тѣмъ, что куртка закрыта, грудь лучше защищена.

Короткія широкія брюки во всякомъ случаѣ предпочтительнѣе узкихъ короткихъ рейтузъ до колѣнъ и чулокъ, которые мѣшаютъ правильному кровообращенію; наконецъ мягкіе кожаные сапоги, которые можно было носить выше или ниже колѣнъ по желанію, гораздо болѣе гибки и слѣдовательно болѣе свободны, чѣмъ жесткіе гессерскіе сапоги, которые такъ расхваливаетъ м-ръ Хьюши. Я ничего не говорю объ изяществѣ и живописности такого костюма, ибо я увѣренъ, что никто, даже м-ръ Хьюши, не отдастъ предпочтенія хлыщу передъ кавалеромъ, Лоренсу передъ Ванъ-Дейкомъ, Георгу III-му передъ Карломъ I-мъ. Но съ точки зрѣнія удобства, теплоты и комфорта костюмъ XVII вѣка безконечно выше всѣхъ разновидностей, послѣдовавшихъ за нимъ, и я не думаю, чтобы и предшествовавшія ему формы одежды превосходили его. И я искренно надѣюсь, что мы скоро будемъ имѣть случай наблюдать въ Англии какое-нибудь національное возрожденіе этого прекраснаго костюма.

11 октября 1884 г.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО РАДИКАЛЬНЫХЪ МЫСЛЕЙ О РЕФОРМѢ ОДЕЖДЫ.

Газетная замѣтка *).

Переводъ М. Ѳ. Ликиардопуло.

Я съ большимъ интересомъ прочиталъ большое количество писемъ, вызванныхъ моею недавней лекціей объ одеждѣ. Это доказываетъ мнѣ, что вопросъ о реформѣ одежды занимаетъ многихъ умныхъ, интересныхъ людей, близко принимающихъ къ сердцу принципы здоровья, свободы и красоты въ одеждѣ, и я надѣюсь, что „Н. В. Т.“ и „Mater familias“ возымѣютъ то вліяніе, которое ихъ письма — оба письма прекрасны — безусловно заслуживаютъ.

Но я обращаюсь сперва ко второму письму м-ра Хьюши и сопровождающему его рисунку; прежде же, чѣмъ приступить къ разбору теоріи, заключенной въ томъ и другомъ, мнѣ, пожалуй, слѣдуетъ замѣтить, что я не имѣю ни малѣйшаго понятія, носить ли этотъ господинъ длинные или короткіе волосы, прямые или отложныя манжеты, и вообще не имѣю никакого представленія о его внѣшности. Я надѣюсь, что онъ считается со своими удобствами и желаніями во всемъ, имѣющемъ отношеніе къ его костюму, и что онъ имѣетъ возможность проявлять ту индивидуальность въ одеждѣ, которую онъ такъ краснорѣчиво требуетъ для себя и такъ нелѣпо пытается отнять у другихъ; но я рѣшительно не могу взять индивидуальную внѣшность м-ра Вентворта Хьюши, какъ интеллектуальную основу для разслѣдованія принциповъ, которымъ надлежитъ руководствовать одеждою какого-либо народа. Я не отрицаю силы или популярности той школы критики, лозунгъ которой: „дай ему въ морду“, но я признаюсь, что эта школа меня совершенно не интересуетъ. Мальчишка-хулиганъ на улицѣ, быть-можетъ, неизбѣжная необходимость, но хулиганъ въ спорѣ — только помѣха. Поэтому я сейчасъ прямо перейду къ затронутому вопросу, къ превосходству одежды конца XVIII вѣка надъ одеждою, которую носили въ теченіе второй четверти XVII-го: перейду къ относительнымъ достоинствамъ принциповъ, проводимыхъ тѣмъ и другимъ...

Тотъ костюмъ, который я носилъ, очень близко напоминаетъ изображенный на снимкѣ съ гравюры Норткота, приведенной въ книгѣ м-ра Годвина; онъ обладалъ нѣкоторой долей изящества и элегантности, которыя были восхитительны; но все же я отказался отъ него по слѣдующимъ причинамъ: ознакомившись подробнѣе съ законами одежды, я пришелъ къ выводу, что куртка куда проще и удобнѣе,

*) Въ собрании сочиненій Оскара Уайльда печатаются впервые.

чѣмъ сюртукъ и жилетъ, и если она застегивается отъ плеча—куда теплѣе; фалдамъ же нѣтъ мѣста въ одеждѣ, развѣ только по какой-нибудь дарвинистической теоріи наслѣдственности; основываясь на личномъ долгомъ опытѣ, а пришелъ къ убѣжденію, что крайняя узость короткихъ брюкъ-рейтузъ не очень удобна, когда ихъ носишь постоянно; однимъ словомъ, я убѣдился, что этотъ видъ костюма не основанъ на рациональныхъ принципахъ. Широкополая шляпа и свободный плащъ, которые я всегда носилъ при вышеупомянутомъ костюмѣ (ибо моей цѣлью была не историческая точность, а современный комфортъ) — я ношу еще и теперь и считаю ихъ крайне удобными.

Хотя м-ръ Хьюши не имѣлъ случая лично провѣрить пригодность костюма, который онъ предлагаетъ, онъ даже даетъ намъ рисунокъ его, величина его немного преждевременно „идеальнымъ костюмомъ“. Конечно, это ни въ коемъ случаѣ не идеальный костюмъ; м-ръ Хьюши надѣется, что я могу согласиться съ тѣмъ, что костюмъ „довольно живописенъ“; чтó жъ, можетъ-быть, онъ и живописенъ, но во всякомъ случаѣ не красивъ, такъ какъ онъ не основанъ на правильныхъ принципахъ, или, скорѣе всего, не основанъ ни на какихъ принципахъ. Живописности или „красивости“ можно добиться различными путями; такъ, напримѣръ, вещи намъ мало знакомыя или причудливыя могутъ быть живописными, какъ костюмъ конца XVI вѣка или времени Георга въ. Развалины еще могутъ быть живописными, но прекрасными онѣ никогда не могутъ быть, такъ какъ ихъ линіи лишены смысла. Красота достигается только совершенствованіемъ принципозъ; а въ „идеальномъ костюмѣ“ м-ра Хьюши нѣтъ вовсе ни смысла ни принципозъ, тѣмъ менѣе ихъ совершенства. Давайте разслѣдуемъ его и найдемъ его недостатки; они очевидны для всякаго, кто требуетъ для одежды чего-нибудь большаго, чѣмъ основа „маскараднаго“ костюма. Начать съ того, что шляпа и башмаки никуда не годятся. Все, чтó надѣвается на конечности, кромѣ головы и ногъ, должно быть ради удобства изготовлено изъ мягкаго матеріала, а ради свободы должно заимствовать свою форму отъ того, какъ хочешь его носить, а не отъ какого-нибудь стереотипнаго рисунка сапожника или шляпника. Шляпа, изготовленная на основаніи правильныхъ принципозъ, должна имѣть такія поля, которые можно поднять или опустить, смотря по тому, мраченъ или ясенъ, сухъ или дождливъ день; поля же шляпы на рисункѣ м-ра Хьюши совершенно жестки и очень плохо защищаютъ лицо, и совсѣмъ не въ состояніи защитить затылокъ или уши въ случаѣ холоднаго восточнаго вѣтра; въ то же время шляпа, изготовленная согласно рациональнымъ законамъ, можетъ быть отогнута сзади и по бокамъ и такимъ образомъ быть такой же шляпой, какъ и капюшонъ. Затѣмъ, дно шляпы м-ра Хьюши слишкомъ велико; высокая шляпа уменьшаетъ ростъ низкаго человѣка, а человѣку высокаго роста причиняетъ массу неудобствъ при влѣзаніи и вылѣзаніи изъ экипажей и вагоновъ, при прохожденіи подъ уличной оконной маркизой; ни съ какой стороны такая шляпа не цѣнна, а будучи бесполезной, она тѣмъ самымъ противорѣчитъ основнымъ принципамъ одежды.

Чтó касается сапогъ, то они не такъ безобразны и неудобны, какъ шляпа; но все же они, очевидно, сдѣланы изъ жесткой кожи, такъ какъ иначе они не собрались бы складками у щиколотки; между тѣмъ сапогъ долженъ быть всегда сдѣланъ изъ мягкой кожи, и если онъ съ длиннымъ голенищемъ, то долженъ быть или зашнурованъ спе-

реди, или подтянуть значительно выше колънъ; въ послѣднемъ случаѣ полная свобода при ходьбѣ сочетается съ совершенной защитой отъ дождя; этихъ двухъ преимуществъ никогда не даетъ короткій жесткій сапогъ, а когда отдыхаешь дома, можно отогнуть мягкое, длинное голенище, какъ на сапогѣ 1640-го года.

Затѣмъ идетъ верхняя одежда: какіе же рациональные принципы должны лежать въ основѣ верхней одежды? Начать съ того, что она должна быть легко надѣваема или снимаема, и также должна надѣваться на какое угодно платье; слѣдовательно она никогда не должна имѣть такіе узкіе рукава, какъ на рисункѣ м-ра Хьюши. Если необходимо отверстіе или щель для руки, она должна быть безусловно широка и можетъ быть защищена клапанами, какъ въ этомъ идеальномъ видѣ верхней одежды, современной Инвернессовской накидкѣ *); во-вторыхъ, верхняя одежда не должна быть узкой, иначе она будетъ стѣснять свободу движенія. Если молодой человѣкъ на рисункѣ застегнетъ свое пальто, онъ, можетъ-быть, и будетъ скульптурень, хотя я въ этомъ сильно сомнѣваюсь, но онъ никогда не будетъ въ состояніи быстро двигаться; его *super-lotus* не основанъ ни на какомъ принципѣ; верхняя одежда должна быть сдѣлана такъ, чтобы ее можно было носить длинной или короткой, совершенно свободной или сравнительно узкой, какъ захочетъ этого владѣлецъ; она должна давать возможность одну руку держать закрытой и одну свободной, или обѣ свободными, или обѣ закрытыми, какъ ему будетъ угодно и какъ для него будетъ удобно при ходьбѣ или ѣздѣ; верхняя одежда, кромѣ того, не должна быть тяжелой и всегда должна быть теплой; наконецъ, она должна быть такой, чтобы ее можно было легко носить на рукѣ, если ее снять; однимъ словомъ, принципы, лежащіе въ ея основѣ, должны исходить отъ свободы и удобства, и они всѣ осуществлены въ плащѣ, тогда какъ пальто по рисунку м-ра Хьюши ихъ всѣ нарушаетъ.

Брюки до колънъ на рисункѣ, конечно, слишкомъ узки; всякій, носившій ихъ когда-нибудь въ продолженіе нѣкотораго времени, всякій, даже у кого чисто-теоретическіе взгляды на этотъ вопросъ, согласится со мной въ этомъ; и, какъ все остальное въ приведенномъ костюмѣ, онѣ неправильны. Замѣна сюртука и жилета курткой — шагъ по правильному пути, который я съ удовольствіемъ привѣтствую; но куртка на рисункѣ слишкомъ узка на бедрахъ, чтобы быть удобной. Когда куртка или камзолъ спускаются ниже таліи, они должны быть разрѣзаны по бокамъ. Въ XVII вѣкѣ иногда нижнія полы куртки прикрѣплялись къ верхней части съ помощью шнуровъ и клапановъ, такъ что, по желанію, куртка могла сниматься, иногда же просто дѣлалась открытой по бокамъ; въ каждомъ случаѣ она является нагляднымъ примѣромъ рациональныхъ принциповъ одежды, т.-е. предоставляетъ полную свободу и приспособленіе къ обстоятельствамъ.

Наконецъ, что касается такого рода рисунковъ, то я долженъ отмѣтить, что абсолютно нѣтъ никакого предѣла всякаго рода „довольно живописнымъ“ костюмамъ, которые можно или реставрировать, или изобрѣсти; но если костюмъ не основанъ на принципахъ и не слѣдуетъ какимъ-нибудь законамъ, онъ никогда не будетъ цѣннымъ для насъ при реформѣ одежды. И этотъ рисунокъ м-ра Хьюши, напримѣръ, ничего не доказываетъ, кромѣ того, что наши дѣды ничего не понимали въ рациональныхъ законахъ одежды. Нѣтъ ни

*) Пальто съ пелериной, которое носили въ Англіи въ концѣ XIX вѣка.

одного закона рационального костюма, который не был бы в немъ нарушенъ, такъ какъ онъ предлагаетъ намъ жесткость, узость и неудобство, взаменъ удобства, свободы и комфорта.

А вотъ, съ другой стороны, одежда, которая, будучи основана на принципахъ, можетъ служить намъ прекраснымъ руководствомъ и примѣромъ; ее любезно срисовалъ для меня м-ръ Годвинъ изъ прелестной книги герцога Ньюкэстльскаго о верховой ѣздѣ, изъ книги, которая является наилучшимъ у насъ авторитетомъ по наилучшей эпохѣ костюма. Я, конечно, не предлагаю его для обязательнаго копирования, и не съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ къ нему подходить; т.-е. это не реставрація умершаго костюма, а просто реализація живыхъ законовъ. Я привожу его, какъ примѣръ особаго примѣненія универсально-рациональныхъ принциповъ. Этотъ рационально одѣтый молодой человѣкъ можетъ опустить поля своей шляпы, если пойдетъ дождь, отогнуть свои широкия брюки и мягкіе сапоги, если устанетъ,—т.-е. онъ можетъ приспособить свой костюмъ ко всякимъ обстоятельствамъ; тогда онъ можетъ пользоваться полной свободой, руки и ноги не стѣснены излишней тѣсностью узкихъ рукавовъ и рейтузовъ, а бедра совершенно не затянуты, что очень важно; что касается удобства, то куртка его не слишкомъ свободна, чтобы было тепло, и не слишкомъ узка, чтобы было легче дышать; шея его хорошо защищена, хотя ему не душно, и даже его страусовыя перья, если какой-нибудь филистеръ вздумаетъ возражать противъ нихъ, не измышленіе дандизма, а служатъ ему вѣромъ въ лѣтнее время; когда же погода дождливая, онъ, безъ сомнѣнія, оставляетъ ихъ дома и надѣваетъ плащъ. Цѣнность этого костюма въ томъ, что просто каждая часть его является выраженіемъ какого-либо закона. Такимъ образомъ мой юноша прямо одѣтъ въ идеи, въ то время какъ юноша м-ра Хьюши накрахмаленъ фактами; второй изъ нихъ ничему не учитъ, у перваго можно всему научиться. Излишне указывать, что этотъ костюмъ хорошъ не потому, что онъ заимствованъ у XVII вѣка, а потому, что онъ построенъ на рациональныхъ принципахъ костюма, точно такъ же, какъ хороши четырехугольная притолока или стрѣлчатая арка не потому, что одна изъ нихъ греческая, а другая готическая, но потому, что каждая изъ нихъ является наиболѣе рациональнымъ завершеніемъ отверстія опредѣленной величины и противодѣйствіемъ опредѣленному вѣсу. А тотъ фактъ, что этотъ костюмъ пользовался всеобщимъ распространеніемъ въ Англии два съ половиною столѣтія тому назадъ, доказываетъ по крайней мѣрѣ, что законы костюма признавались и осуществлялись въ нашей странѣ, и поэтому есть надежда, что ихъ снова признаютъ и осуществятъ. Что же касается абсолютной красоты этого костюма и ея значенія, я хотѣлъ бы прибавить еще нѣсколько словъ.

М-ръ Хьюши торжественно заявляетъ, что „онъ и его единомышленники“ не могутъ допустить, чтобы этотъ вопросъ о красотѣ вносился въ вопросъ объ одеждѣ: что онъ и его единомышленники „смотря на вопросъ съ практической точки зрѣнія“ и т. д. Я не стану здѣсь обсуждать, насколько человѣкъ, не желающій считаться съ красотой и цѣнностью красоты, можетъ притязать на практичность. Слово „практичный“ почти всегда служитъ послѣднимъ убѣжищемъ некультурныхъ людей. Изъ всѣхъ словъ съ извращеннымъ толкованіемъ это, пожалуй, самое несчастное. Я хочу только отмѣтить, что красота въ основѣ своей органична, т.-е. исходитъ не извнѣ, а изнутри: не отъ какой-либо причаточной „красивости“, а

отъ совершенствованія своей собственной сущности; и слѣдовательно, такъ какъ тѣло красиво, всякая одежда, которая рационально одѣваетъ его, должна быть также красива въ своей конструкціи и своихъ линіяхъ.

Я имѣю столь же мало желанія опредѣлять уродство, сколько недостаточно самосуда, чтобы опредѣлять красоту; но все же я хотѣлъ бы напомнить тѣмъ, кто издѣвается надъ красотой, какъ надъ чѣмъ-то непрактичнымъ, что вещь безобразная—это просто вещь скверно сдѣланная, или вещь не отвѣчающая своему назначенію; что уродство — это непригодность; что уродство — это несостоятельность; что уродство—это бесполезность, какъ, напримѣръ, украшеніе не на мѣстѣ; въ то время какъ красота, какъ кто-то сказалъ, это—очищеніе отъ всего излишняго. Красота одарена божественной бережливостью; красота даетъ только необходимое, ни капельки больше, въ то время какъ уродство всегда расточительно, уродство — мотъ, расшвыривающій направо и налево свой матеріалъ; однимъ словомъ, уродство, — и я усердно обращаю вниманіе м-ра Вентворта Хьюши на эти слова, — уродство въ одеждѣ, какъ и во всемъ другомъ, всегда является признакомъ того, что кто-то былъ непрактиченъ. Поэтому одежда будущаго въ Англіи, если она будетъ основана на истинныхъ законахъ свободы, удобства и приспособляемости къ обстоятельству, безусловно будетъ также и красивой, ибо красота всегда является признакомъ вѣрности принципамъ, мистической печатью, налагаемой на все совершенное и только на то, что совершенно.

Что же касается второго корреспондента, то главный принципъ одежды, заключающійся въ томъ, чтобъ всѣ части ея ложились тяжестью своей на плечи, а не на талию, мнѣ кажется, всѣми одобренъ, хотя „старый морякъ“ и заявляетъ, что ни одинъ матросъ или атлетъ никогда не вѣшаетъ свою одежду на плечи, а всегда прикрѣпляетъ ее вокругъ бедеръ. По моимъ же воспоминаніямъ о рѣкѣ и гимнастической площадкѣ въ Оксфордѣ—этихъ двухъ убѣжищахъ эллинизма въ нашемъ маленькомъ готическомъ городкѣ—лучшіе чемпионы бѣга и гребного спорта (а изъ моего колледжа ихъ вышло не мало) всегда носили узкую фуфайку, съ которой были наглухо соединены короткія брюки, вытканныя цѣликомъ изъ одного куска. Что касается матросовъ, то, я долженъ сознаться, его замѣчаніе справедливо, и эта скверная привычка, мнѣ кажется, влечетъ за собой то постоянное подтягиваніе нижнихъ частей костюма, которое хотя и популярно въ дешевыхъ мелодрамахъ, все же не что иное, какъ очень некрасивая и неловкая привычка; и такъ какъ всякая неловкость является слѣдствіемъ какого-либо неудобства, я увѣренъ, что эта подробность костюма нашихъ матросовъ будетъ принята во вниманіе при ближайшей реформѣ нашего флота, ибо, несмотря на всѣ протесты, я надѣюсь, что мы подвергнемъ реформѣ все, начиная съ торпедъ и кончая шляпами, начиная съ кринолиновъ и кончая крейсерами.

Затѣмъ, что касается деревянныхъ башмаковъ или котурновъ, то мое упоминаніе о нихъ вызвало великій ужасъ. Мода въ туфляхъ на высокихъ каблукахъ вскрикнула отъ испуга, и ужасное слово „анахронизмъ“ пущено въ ходъ. Но все, что можетъ быть полезнымъ, не можетъ быть анахронизмомъ. Это слово примѣнимо только къ воскрешенію какой-нибудь глупости; однако въ современной Англіи во многихъ нашихъ фабричныхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Олдхэмѣ, до сихъ поръ носятъ деревянные башмаки. Къ сожалѣ-

нію, въ Олдамѣ они врядь ли красивы, какъ мечта; въ Олдамѣ, можетъ-быть, и не знаютъ объ искусствѣ украшенія ихъ инкрустаціями изъ слоновой кости и жемчуга; но въ Олдамѣ они отвѣчаютъ своему назначенію. Да и не такъ давно ихъ носили вообще высшіе классы нашей страны. Только нѣсколько дней тому назадъ я имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ дамой, которая вспомнила съ трогательнымъ сожалѣніемъ о деревянныхъ башмакахъ своей юности; они были, по ея словамъ, не слишкомъ высоки и не слишкомъ тяжелы, и кромѣ того были снабжены какого-то рода пружиной на подошвѣ, такъ, чтобы было легче въ нихъ ходить. Лично я противъ того, чтобы башмаку или туфтѣ придавалась добавочная высота; это противорѣчитъ рациональнымъ принципамъ одежды, хотя, если такое искусственное увеличеніе высоты неизбежно, оно должно быть достигнуто съ помощью двухъ подпорокъ, а не одной; но что я предпочелъ бы видѣть, это какое-нибудь видоизмѣненіе раздѣленной на-двое юбки, или длинныя, умѣренно свободныя шаровары. Если же раздѣленная юбка должна пріобрѣсти какое-нибудь положительное значеніе, она должна отбросить всякое стремленіе „не отличаться по виду отъ обыкновенной юбки“; она должна уменьшить среднюю ширину каждой изъ своихъ двухъ половинокъ и пожертвовать всѣми своими глупыми сборками и оборками; съ той минуты, какъ она начинаетъ имитировать обыкновенную юбку, она погибла; но пусть она смѣло объявитъ себя тѣмъ, что она дѣйствительно есть, и она сдѣлаетъ огромный шагъ на пути разрѣшенія настоящаго затрудненія. Я увѣренъ, что найдется много граціозныхъ, очаровательныхъ дѣвушекъ, которыя будутъ готовы носить костюмъ, основанный на этихъ принципахъ, несмотря на страшную угрозу м-ра Хьюши, что онъ не сдѣлаетъ имъ предложенія, пока онъ будетъ носить такой костюмъ, ибо всѣ обвиненія въ недостаткѣ женственности въ такого рода костюмахъ совершенно бессмысленны; каждый рациональный видъ одежды одинаково пригоденъ для обоихъ половъ, и абсолютно нѣтъ такой вещи, какъ опредѣленно женская часть платья.

Мнѣ только хотѣлось бы сказать одно слово предостереженія: верхняя туника должна быть пышной и умѣренно широкой; по желанію, она можетъ быть скроена болѣе или менѣе по фигурѣ, но ни въ какомъ случаѣ она не должна быть стѣснена въ талии какимъ-либо поясомъ или лентой; наоборотъ, она должна спадать отъ плечъ до колѣнъ, или ниже, красивыми изгибами и вертикальными линиями, предоставляя большую свободу и слѣдовательно большее изящество. Немногіе виды одежды такъ абсолютно некрасивы, какъ опоясанная туника, доходящая едва-едва до колѣнъ; мнѣ хотѣлось бы, чтобы нѣкоторые изъ нашихъ Розалиндъ приняли это во вниманіе, когда онѣ надѣваютъ трико; благодаря именно пренебреженію этимъ принципомъ, такъ безобразенъ, такъ непропорціоналенъ гимнастическій дамскій костюмъ, который въ другихъ отношеніяхъ вполне разуменъ.

ОТНОШЕНИЕ ОДЕЖДЫ КЪ ИСКУССТВУ.

Графическая замѣтка о лекціи м-ра Уистлера *).

Переводъ М. Ф. Лингардопуло.

— Какъ вы можете писать эти уродливыя треуголки?—спросилъ однажды какой-то легкомысленный критикъ сэра Джошуа Рейнольдса.

— Я вижу въ нихъ свѣтъ и тѣнь,—отвѣтилъ художникъ.

„Великіе колористы,—говоритъ Бодлэръ въ восхитительной статьѣ о художественномъ значеніи сюртуковъ:—великіе колористы умѣютъ создавать краски изъ чернаго сюртука, бѣлаго галетука и сѣраго фона“.

„Искусство писать и находить прекрасное во всѣхъ эпохахъ, какъ дѣлалъ это и верховный жрецъ искусства Рембрандтъ, когда онъ увидалъ живописное величіе еврейскаго квартала въ Амстердамѣ, насколько не жалѣя, что обитатели его не были эллинами“,—вотъ прекрасныя, простыя слова, произнесенныя м-ромъ Уистлеромъ въ одной изъ самыхъ цѣнныхъ частей его лекціи. То-есть наиболѣе цѣнной части для художника, такъ какъ англійскому художнику нужно безъ конца напоминать, что никто спеціально для него не приготовилъ живописной жизни, и что пусть онъ самъ озаботится, чтобы увидѣть ее при живописныхъ условіяхъ, то-есть при условіяхъ одновременно изысканныхъ и новыхъ. Но между отношеніемъ художника къ публикѣ и отношеніемъ публики къ искусству лежитъ непроходимая пропасть.

Совершенно справедливо, что, при нѣкоторыхъ условіяхъ свѣтотѣни, вещь, въ сущности уродливая, можетъ дать впечатлѣніе прекрасной; и въ этомъ, собственно, лежитъ дѣйствительная современность искусства; но какъ разъ на эти-то условія свѣтотѣни мы и не можемъ всегда разсчитывать, особенно когда мы идемъ по Пиккадилли ***) среди сіяющей вульгарности полудня, или сидимъ въ Паркѣ, имѣя фономъ какой-нибудь глупый закатъ солнца. Если бъ мы могли носить повсюду съ собою свою свѣтотѣнь, какъ мы носимъ зонтики, все обстояло бы прекрасно; но такъ какъ это невозможно, мы едва ли представляемъ допустимымъ, что красивые, восхитительные люди будутъ попрежнему носить одежду, столь же безобразную, сколь и бесполезную, и столь же безмысленную, сколь и чудовищную, хотя бы даже была возможность, что такой мастеръ, какъ

*) Въ собраніи сочиненій Уайльда печатается впервые.

**) Одна изъ наиболѣе людныхъ улицъ Лондона.

м-ръ Уистлеръ, одухотворилъ бы ихъ до симфоніи или утончилъ ихъ до тумана. Ибо искусства созданы для жизни, а не жизнь для искусствъ.

И не увѣренъ я также, что м-ръ Уистлеръ самъ былъ всегда вѣренъ догмату, который онъ какъ бы проповѣдуетъ: будто художникъ долженъ писать только одежду своего вѣка и окружающую его обстановку; я далекъ отъ мысли, чтобы навалить на бабочку *) тяжелымъ бременемъ отвѣтственности за ея прошлое: я всегда держался того мнѣнія, что постоянно—послѣднее убѣжище людей съ убогой фантазій; но развѣ всѣ мы не видѣли и большинство насъ не восхищалось картиной, написанной тѣмъ же Уистлеромъ и изображающей восхитительныхъ англійскихъ дѣвушекъ, гуляющихъ на берегу опаловаго моря въ фантастическихъ японскихъ костюмахъ? И развѣ улица, гдѣ живетъ м-ръ Уистлеръ, не была взволнована въ одинъ прекрасный день извѣстіемъ, что всѣ натурщицы изъ Чельси **) позировали мастеру для пастелей въ пеплумахъ?

Все, что исходитъ изъ-подъ кисти м-ра Уистлера, слишкомъ совершенно въ своей красотѣ, чтобы быть поколебленнымъ или утвержденнымъ какими бы то ни было умственными догматами искусства, даже хотя бы эти догматы были самымъ м-ромъ Уистлеромъ установлены: ибо красота оправдываетъ всѣхъ своихъ дѣтей и не нуждается въ объясненіяхъ; но невозможно просмотрѣть какую-нибудь коллекцію современныхъ картинъ въ Лондонѣ, начиная съ Берлингтонъ-Хауса и кончая Гровенорской галлерей, не испытывая чувства, что профессиональная модель губить живопись и низводитъ ея до уровня простой позы и постиша.

И развѣ онъ вѣзмъ вамъ не надоѣлъ, этотъ почтенный обманщикъ, только-что сошедшій со ступеней Piazza di Spagna, въ свободныя минуты, оторванныя у убогой инарманки, обходящій по-очередно всѣ студиі.

Развѣ мы всѣ не узнаемъ его, когда съ веселой безпечностью, свойственной его націи, онъ снова появляется на стѣнахъ нашихъ лѣтнихъ выставокъ, въ видѣ всего того, что такъ же похоже на пего, и никогда не въ собственномъ дѣйствительномъ видѣ, то надменно глядя на насъ въ видѣ Комланскаго патриарха, то сіяя намъ разбойникомъ изъ Абруццъ? Онъ популяренъ, этотъ бѣдный профессоръ позы, среди тѣхъ, кому выпала радость написать посмертный портретъ послѣдняго благотворителя, забывшаго при жизни снять съ себя фотографію,—но онъ признакъ упадка, символъ разложенія.

Ибо всѣ костюмы — карикатуры. Основой искусства не можетъ служить костюмированный балъ. Тамъ, гдѣ одежда красива, не можетъ быть маскарада. И будь нашъ національный костюмъ очаровательнымъ по краскамъ, простымъ и искреннимъ по покрою; будь одежда выраженіемъ красоты, которую она прикрываетъ, и быстроты и движенія, которымъ она не препятствуетъ; если бы линіи ея спадали съ плечъ, а не выпирали отъ талии; если бы перевернутая рюмка перестала быть идеаломъ ея; будь все это осуществлено, какъ это когда-нибудь будетъ, тогда живопись перестала бы быть искусственной реакціей противъ уродливости жизни, а сдѣлалась бы, какъ ей и подобаетъ, естественной выразительницей красоты

*) Какъ извѣстно, Уистлеръ подписывалъ свои картины не именемъ и не инициалами, а знакомъ бабочки.

**) Чельси — кварталъ въ Лондонѣ, заселенный большею частью художниками, богемой.

жизни. И не только живопись, но и всё другие виды искусства выиграли бы значительно отъ предлагаемых мною измѣненій; я хочу сказать, выиграли бы усиленной атмосферой красоты, которой окружены были бы художники и въ которой они вырастали бы. Ибо искусству нельзя обучить въ академіяхъ. Художникъ дѣлаеть то, что онъ видитъ, а не то, что онъ слышитъ. Настоящая школа должны быть на улицахъ. Напримѣръ, нѣтъ ни одной тончайшей линіи или восхитительной пропорціи въ костюмахъ эллиновъ, изысканнаго отзвука которой мы не могли бы найти въ ихъ архитектурѣ. Народъ, одѣтый въ головные уборы, напоминающіе дымогарныя трубы, и въ турнюры, могъ бы построить Пантехниконъ, но никогда не построилъ бы Паренонъ.

Наконецъ, можно прибавить еще слѣдующее: искусство, правда, не можетъ никогда имѣть иного стремленія, кромѣ собственнаго совершенства, и, можетъ-быть, художникъ, желающій просто создавать и говорить, поступаетъ мудро, не заботясь объ измѣненіи окружающихъ; но мудрость не всегда есть лучшее; иногда она спускается до уровня здраваго смысла; а изъ страстнаго безумія тѣхъ, кто желяеть, чтобы красота больше не была ограничена безпорядочнымъ собраніемъ коллекціонера или пылью музея, но стала, какъ и должна стать, естественнымъ, національнымъ достояніемъ всѣхъ — изъ этой благородной не-мудрости, говорю я, иной разъ какая красота можетъ быть подарена жизни, и при этихъ болѣе изысканныхъ условіяхъ какой совершенный художникъ можетъ родиться? Когда возобновляется среда, возобновляется и искусство.

Но, говоря со своего безстрастнаго пьедестала, м-ръ Уистлеръ указывалъ, что сила художника въ силѣ его зрѣнія, а не въ искусности его руки, провозгласилъ истину, давно нуждавшуюся въ провозглашеніи; эта истина, исходя отъ властелина формы и красоты, не можетъ не выразить своего вліянія.

Лекція его, хотя она для толпы лишь апокрифъ, все же отнынѣ останется библіей для художниковъ, шедевромъ шедевровъ, пѣсней пѣсней. Правда, онъ провозгласилъ панегирикъ филистерамъ, но я представляю себѣ Аріэля восхваляющимъ Калибана ради шутки; и за то, что онъ спѣлъ отходную критикамъ, пусть всѣ его благодарятъ, даже сами критики, и они больше всего, такъ какъ онъ желяеть избавить ихъ отъ необходимости скучнаго существованія. Съ точки же зрѣнія просто оратора, мнѣ кажется, м-ръ Уистлеръ почти единственный въ своемъ родѣ. Признаться, среди всѣхъ нашихъ публичныхъ ораторовъ я немногихъ знаю, которые умѣли бы такъ счастливо сочетать, какъ онъ, веселье и ѣдкость Пѣка со стилемъ второстепенныхъ пророковъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ФЛОРЕНТИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ *).

Въ одномъ дѣйствіи.

Пер. М. Ликиардопуло и А. Курсинскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гвидо Барди, флорентинскій принцъ.

Симоне, купецъ.

Біанка, жена его.

Марія, служанка.

Дѣйствіе происходитъ во Флоренціи.

Сцена представляетъ комнату въ старинномъ домѣ во Флоренціи, увѣшанную коврами; ея дверь выходитъ на балконъ. Столъ накрытъ для скромнаго ужина. Ткацкій станокъ, прядка, сундуки, кресла, скамьи. При поднятій занавѣса входитъ Біанка со своей служанкой Маріей.

МАРІЯ. Сомнѣнья нѣтъ: цвѣтокъ—отъ Гвидо Барди,
Прекраснаго синьора, у кого
Кровь голубая.

БІАНКА. Гдѣ жь тебя онъ принялъ?

МАРІЯ. Какъ гдѣ?—Въ своемъ дворцѣ, въ роскошномъ залѣ,
Что по стѣнамъ расписанъ весь нагими
Тѣлами женщинъ. Поглядѣть,—такъ въ краску
Бросаешь насъ, но самъ онъ, какъ синьоръ,
Не замѣчалъ ихъ.

БІАНКА. Какъ ты можешь знать,
Что не былъ то слуга обыкновенный?

МАРІЯ. Какъ знаю я, что въ небѣ есть Господь?

У ангеловъ вѣдь есть же Повелитель.

Такъ и предъ нимъ, кто былъ тамъ, всѣ съ поклономъ

Снимали шляпы, перьями касаясь

До мраморнаго пола. И сказалъ

Онъ холодно, какъ говорятъ обычно

*) Рукопись этой пьесы была украдена, и только по черлопку удалось восстановить послѣднія заключительныя сцены Начало „Флорентинской трагедіи“ написалъ по памяти слышавшій ее поэтъ Стержь Муръ

Съ людьми, которыхъ больше не увидятъ:

..Такъ госпожа твоя мнѣ возвращаетъ

И кошелекъ и вмѣстѣ сорокъ тысячъ?

Что жъ, пятьдесятъ, быть-можетъ? Назови

Мнѣ цѣну, чтобъ купить ея взаимность“

БІАНКА. Въ немъ было сорокъ тысячъ?

МАРІЯ. Я лишь знаю,

Что все тамъ было золотомъ, и много.

БІАНКА. Такъ это онъ. Кто жъ могъ бы столько дать!

МАРІЯ. Онъ, онъ! Синьоръ нашъ Гвидо,—Гвидо Барди.

БІАНКА. Что жъ ты сказала?

МАРІЯ. Я?—Сказала: „Госпожа

На золотомъ и не взглянула даже,

Не раскрывала кошелекъ, монетъ

И не считала. Только лишь спросила,

Какъ молоды, красивы ль вы, синьоръ,

Какіе надѣваете камзолы,

Чулки какіе на ногахъ почтенныхъ

Носить изволите“. И присѣдала...

БІАНКА. Что жъ онъ сказалъ?

МАРІЯ. ...Все присѣдала я.

А онъ спросилъ: „Есть у нея любовникъ,

Помимо стараго кисля-мужа, или

Любить его она способна? Боже!

Любить его!“

БІАНКА И что же?

МАРІЯ. Я присѣла

Такъ низко и сказала: „Ни его,

Синьоръ, ни васъ и никого другого.

Богаты вы, синьоръ, и благородны,—

Она жъ, хоть не богата, но честна“

БІАНКА. Охъ, глупая! Да развѣ я учила

Такъ говорить?..

МАРІЯ. Да я и не сказала.

Сказала только: „Нѣтъ, она не любитъ

Ни мужа ни кого другого; впрочемъ,

Возможно, что она бы полюбила,

Коль встрѣтила бъ, кто нравился бы ей.

Вѣдь надобѣсть сидѣть одной за прялкой!

Она, положимъ, не богата, все же

И не бѣдна, но молода, синьоръ,

И вы вотъ молоды“... (улыбается).

БІАНКА. Ну, дальше, дальше!

МАРІЯ. Сейчасъ, сейчасъ... Я только показала,

Какъ улыбнулась я при тѣхъ словахъ,

Что молодъ онъ. Ему пришлось по нраву,

И онъ сказалъ: „Отлично. Если мнѣ

Придетъ на умъ явиться нынче ночью

Привѣтствовать твою,—вѣришь, нашу,—

Ты такъ и передай! сказалъ я: „нашу“—

Плѣнительную госпожу.—она

Меня принять согласна?“ Я въ отвѣтъ

Кивнула: „да“.—„Такъ пусть, когда я мимо

Пройду подъ окнами, она мнѣ броситъ знакъ

Ея согласья“. Онъ теперь, должно-быть,

Ужъ здѣсь давно. Взгляните-ка съ балкона!
Онъ долженъ быть ужъ здѣсь. И точно, здѣсь онъ!
Вы видите?

БІАНКА. Какой же знакъ? Ахъ! вотъ!

Вотъ эта лента съ пряжкой,—хорошо!

Марія, ты поблизости здѣсь будь,

Но не входи, пока не позову я.

Теперь иди,пусти ко мнѣ синьора.

Межъ именитыхъ дамъ онъ выбрать могъ,—

И все жъ его влечетъ... Ахъ, страшно мнѣ!..

Влечетъ ко мнѣ любовь, или, можетъ, только

Избытокъ силъ у страсти молодой?

Вотъ въ чемъ вопросъ! О, если бъ онъ любилъ,

Могла бы я, подобно знатнымъ дамамъ,

Съ нимъ отомстить супругу моему

За то, что слѣпъ онъ къ красотѣ супруги.

Но если... если онъ лишь, какъ пчела,

Рядъ головы кружить цвѣточкамъ бѣднымъ?..

(Марія открываетъ дверь, выпускаетъ Гвидо Барди и уходитъ.)

Мой господинъ, я слышала, у насъ

Есть въ домѣ вещь, которую купить вы

Хотѣли бы. Хоть мужъ сейчасъ въ отлучкѣ,

Но такъ судьбѣ моей угодно было,

Чтобъ знала я отлично цѣны шелка,

И бархата, и прочихъ пестрыхъ тканей.

Вы предлагали сорокъ тысячъ,—даже

Не пятьдесятъ ли?.. Кажется, что такъ?—

За эту вещь. Такъ это, безъ сомнѣнья,

То чудо ткацкаго станка, что мужъ мой

Привезъ на-дняхъ, дамасскій шелкъ изъ Лукки;

Узоръ изъ серебра, все розы, розы...

И если дали вы такую цѣну,

Такъ не за что другое,—за него.

Я принесу сейчасъ. Вы подождите.

Гвидо. Нѣтъ, нѣтъ! О, ты, что всѣхъ чудеснѣй тканей,

Искуснѣй всѣхъ шелковъ изъ Лукки,—нѣтъ,

Я не имѣлъ въ виду плащей дамасскихъ,

Что вышиты ткачами кропотливо.

И если имъ цѣна полсотни тысячъ,

Стыжусь, что я хотѣлъ иную ткань

Купить, которой мало всѣхъ ста тысячъ.

БІАНКА. Сто тысячъ, вы сказали? О, синьоръ,

Мой бѣдный мужъ готовъ бы былъ продать вамъ

За эту сумму все, что есть здѣсь въ домѣ.

И мысль одна о деньгахъ столь большихъ

Смущаетъ умъ живущихъ въ нашей долѣ.

Гвидо. Онъ все продать способенъ, все, что въ домѣ?

И всѣхъ, кто въ немъ,—и ихъ бы тоже продалъ?

БІАНКА. О, все и всѣхъ, любезный мой синьоръ!

Помимо лишь себя; въ цѣнѣ едва ли

Онъ женщину бы съ бархатомъ сровнялъ

И далъ женѣ хоть полцѣны въ сравненьи

Съ серебряною тканью.

Гвидо. О, тогда

Я не замедлю съ нимъ затѣять сдѣлку.

Біанка. Въ отъѣздѣ онъ. Возможно, заночуетъ
Внѣ дома. Я могу все показать вамъ,
Что есть у насъ, примѣрять и назвать
Для каждой вещи цѣну.

Гвидо. Ты, Біанка, —
Ты эта вещь, что я хотѣлъ купить!

Біанка. Тогда, синьоръ, ужъ потрудитесь съ мужемъ
Поторговаться; мнѣ же продавать
Самой себя противно было бъ слишкомъ.
Покойной ночи. Очень сожалѣю,
Что услужить ничѣмъ не довелось
Мнѣ вашей свѣтлости.

Гвидо. Нѣтъ, нѣтъ! Остаться
Позволь мнѣ здѣсь, прости мнѣ эту роль,
Что я сыгралъ, какъ лавочникъ ничтожный,
Стремящійся всегда убавить цѣну
И подешевле взять честной товаръ!

Біанка. Причины нѣтъ вамъ оставаться долше.

Гвидо. Ты, ты—причина! Дивная Біанка,
Которой нѣтъ сравненья, ты одна
Причиною, что здѣсь я остаюсь!
Ты—цѣль моей всей жизни, потому что
Я созданъ все прекрасное любить.

Біанка. И покупать, коль скоро продается.

Гвидо. Жестокая! Клейми меня презрѣньемъ,
Я говорю: рожденъ тебя любить,
Хотя тебя не вынесешь на рынокъ,
Какъ вынести нельзя крылатыхъ душъ,
Что межъ планетъ и вокругъ луны витають.

Біанка. Ты такъ привыкъ за деньги брать любовь,
Вѣрнѣе, то, что можетъ продаваться
Подъ этимъ именемъ, что врядъ ли можешь
Себѣ любовь представить безъ цѣны.
Моя любовь не можетъ быть продажной,
Хотя сама была я продана.

Гвидо. Твой острый умъ опять даетъ загадку,
Чтобъ мой смутить и снова осмѣять.

Біанка. Я говорю, синьоръ, теперь о бракѣ,
О рынкѣ томъ позорномъ, гдѣ мой мужъ
Купилъ меня, чтобъ послѣ хвастать сдѣлкой.

Гвидо. Презрѣнный плутъ! Его я ненавижу.

Біанка. Но онъ куда искуснѣй былъ, чѣмъ ты,
Онъ зналъ, къ кому и какъ вести подходы:
О золотѣ мнѣ словъ не расточалъ онъ,
Зато отцу звучать заставилъ въ уши
Монетъ бряцанье. Мнѣ же говорилъ
Лишь о любви открытой, честной, вольной.

Гвидо. О, свѣтлая Біанка, яркій свѣтъ
Твоей души и умъ твой лучезарный
Открыли мнѣ позоръ моихъ поступковъ,
Заставили исчезнуть, словно тѣнь,
То, чѣмъ я былъ, предъ тѣмъ, что сталъ я нынѣ.

Біанка. Такъ пусть теперь проявится, синьоръ,
То, что бросало тѣнь, и праздною мыслью
Не будемъ возвращаться ужъ къ тому,

Что, дѣло тѣни, было дѣломъ тѣни.
Ужели юность, сила и любовь
Такъ смущены быть могутъ тѣнью ложной,
Чтобъ позабыть себя, чтобъ возвратить ихъ
Нельзя ужъ было?

Гвидо. Благородство здѣсь,
Не при дворѣ. Тамъ блески мишуры,
А здѣсь луна, что красотой спокойной
Ночь обращаетъ въ день. Сильнѣй лишь жажду
Въ моей душѣ успѣли возбудить
Мишурныя тѣ блески, чье мерцанье
Теперь ничто въ сіяніи луны.

Біанка. Я золото отвергла, не считая, —
Прельщусь ли словъ ничтожной мишурой?

Гвидо. Къ чему нашъ споръ, прекрасная Біанка?
Къ чему? Гляди: съ собой принесъ я лютю!
Запри же дверь. Мы ужинъ при лунѣ
Устроимъ, взявъ примѣръ съ персидскихъ принцевъ,
Что трапезу вкушали въ Вавилонѣ,
Въ садахъ висячихъ. Пѣсню знаю я,
Что выше воздымаетъ душу къ небу,
Чѣмъ тѣ сады висѣли.

Біанка. Но мой мужъ
Вернуться можетъ. Здѣсь не безопасно.

Гвидо. Вѣдь ты сказала мнѣ, что заночуетъ
Внѣ дома онъ.

Біанка. Однако не навѣрно.
Онъ лишь сказалъ, что это можетъ быть.
Онъ самъ не зналъ, и онъ хотѣлъ прислать
Старуху-тетку на ночь, если бь самъ онъ
Не могъ вернуться. Нѣтъ ея.

Гвидо (*вздравивши*). Что тамъ?
(*Прислушиваются. Слабо доносится голосъ Маріи, спорящей съ
кѣмъ-то.*)

Біанка. Марія тамъ съ какой-нибудь старухой
Бранится изъ-за сплетенъ обыденныхъ.

Гвидо. Казалось мнѣ, другой—мужской былъ голосъ.

Біанка. Затихло все. Старухи часто хриплы.

А все жь, синьоръ, пора вамъ уходить.

Гвидо. Могу ль тебя покинуть я, Біанка?

Сперва мой взоръ твоя краса плѣнила,
Моимъ глазамъ внушивъ безумье жажды.
Теперь — твой умъ; свободный аромать
Того цвѣтка, что, будучи бутонемъ,
Уже былъ совершеннымъ, а теперь
О томъ, чѣмъ былъ, забыть повелѣваетъ.
Покинуть какъ цвѣтокъ тому, кто листикъ
Цвѣтка любилъ? До нынѣшняго дня
Я былъ богатымъ флорентинскимъ принцемъ,
Теперь я лишь влюбленный, что хотѣлъ бы
Бѣжать толпы, покинуть блескъ придворный,
Въ убѣжище укрыться, въ Беллосгардо,
Иль Фьезоле, гдѣ розы изобильемъ
Прикрыть могли бы мраморную виллу,
Чи стѣны звонкимъ эхомъ отвѣчаи

На смѣхъ Декамерона, и твой смѣхъ
Звучалъ бы столь же весело. Скажи,
Ты можешь ли любить? — Иль поцѣлуемъ
Безъ словъ вонзи миѣ въ душу это „да“!

БѢАНКА. Что есть любовь? Скажи!

ГВИДО. Любовь — согласье,

Слѣянье двухъ умовъ, сердець и душъ
Во всехъ ихъ мысляхъ, чувствахъ, упованьяхъ.

БѢАНКА. Любовники подобные могли бы
Нѣмыми быть, затѣмъ, что тѣ, кто мыслятъ

И чувствуютъ вполне одно и то же, —

Что жъ могутъ передать они другъ другу?

ГВИДО. Любовь... любовь есть встрѣча двухъ міровъ
Въ обмѣнѣ безконечномъ межъ собою.

БѢАНКА. Мой мужъ сказалъ бы: рынокъ пограничный,
Гдѣ Западъ и Востокъ ведутъ обмѣнъ
Товарами.

ГВИДО. Ну, если такъ, скажу я —
Любовь и есть любовь, и поцѣлуй,
И тѣсныя объятья, и...

БѢАНКА. Мой мужъ
Вотъ то же говоритъ въ концѣ недѣли,
Когда сведеть итогъ торговой книгѣ.

ГВИДО. Мой умъ для твоего, — плохая пара,

Какъ ты сама — для мужа-старика.

Но знаю я, что молодость моя,

И страсть, и сила болѣе подходятъ

Къ твоей красѣ, веселой и блестящей,

Чѣмъ жалкій трудъ и старые года.

БѢАНКА. Вотъ это сказано прекрасно! На тебя,

Я думаю, взглянуть онъ не дерзнулъ бы,

Какъ совы не дерзаютъ видѣть солнце.

Онъ — сгорбленная тѣнь, какую бросить

Могъ образъ твой прекрасный при дорогѣ

На кучу изъ навоза. А когда бы

На гладкій полъ упала эта тѣнь,

Все жъ болѣе она бы походила

На образъ человѣческой, чѣмъ онъ.

ГВИДО. Купецъ, живя въ тревогѣ за барышъ,

Становится невольно жалкимъ трусомъ;

Ему всегда забота гложетъ душу;

Темна душа у тѣхъ, кто — сами въ клеткѣ —

Лишь сквозь рѣшетку могутъ наблюдать,

Завидуя, чужую жизнь и радость.

Они вкушать не могутъ пищу: умъ ихъ

Весь занятъ мыслью объ ея цѣнѣ.

БѢАНКА. Я только — дочь отца въ его глазахъ,

Я лишь раба, приученная къ прялкѣ.

Онъ, кажется, ни разу не подумалъ,

Что у меня лицо есть, то лицо,

Что миѣ послѣдъ всехъ встрѣчныхъ кавалеровъ

Невольно заставляетъ обернуться.

ГВИДО. О, ночь твоя мрачнѣе, чѣмъ я думалъ,

Блестящая звѣзда!..

БѢАНКА. Онъ вѣчно ждетъ,

Чего-то ждетъ угрюмымъ нелюдимомъ
И шепчетъ про себя, и никогда
Съ привѣтливымъ не выйдетъ къ людямъ словомъ.
Когда жъ его случайно встрѣчу взоръ я,
Уже дрожу я, зная, что считаетъ
Онъ стоимость надѣтаго на мнѣ.

Гвидо. Забудь его, уйди отъ этой жизни,
Освободись, — какъ бабочка, порви
Опутавшую сердце паутину
И пригнѣздись со мной среди бесѣдокъ
Изъ яркихъ розъ, гдѣ будемъ мы любить,
Какъ будто жизнь, что прожита донинѣ,
Была лишь сномъ, ужаснымъ, тяжкимъ сномъ,
Развѣяннмъ зарею новой жизни.

Бianка. Я ль не ушла бъ?

Гвидо. Не задавай вопросовъ,
Не трать минутъ въ раздумѣ надъ кошмаромъ!
Уйдемъ къ холмамъ, усѣяннмъ цвѣтами;
Пурпурныхъ розъ, и хоть живутъ тѣ люди,
Что въ снахъ дурныхъ преслѣдовали насъ,—
Уменьшены далекимъ разстояньемъ,
Они казаться будутъ намъ не больше,
Чѣмъ малый колосъ хлѣба, что дрожитъ
Отъ взмаха крыльевъ птицы; голоса ихъ,
Звучавшіе такъ рѣзко, не достигнуть
До слуха нашего. И будемъ мы на нихъ
Глядѣть изъ розовыхъ пещеръ на склонахъ
Холмовъ зеленыхъ, спрашивать другъ друга,
Не есть ли все, что видимъ, лишь картина,
И чьи-то жизни тамъ въ грязи и пыли
Попрежнему ль другъ друга душать злобой?
Пойдешь ли ты, Bianка? О, пойдешь ли?

(Шумъ на лестницѣ.)

Но что за шумъ?..

(Дверь открывается. Гвидо и Bianка въ смущеніи отходятъ другъ отъ друга, и входитъ Симоне.)

Симоне. Ты здѣсь, жена! Хозяину навстрѣчу
Не грѣхъ бы выбѣжать... Возьми мой плащъ!
Нѣтъ, прежде эту ношу, — не изъ легкихъ!
Я ничего не продалъ, только плащъ,
Подбитый мѣхомъ, сыну кардинала.
Надѣется надѣть его, какъ только
Умретъ отецъ, и думаетъ, что скоро.
Но это кто? Ге! У тебя здѣсь гость!
Онъ родственникъ, конечно? Надо думать,
Изъ странъ чужихъ недавно возвратился
И въ домъ вошелъ, хозяиномъ не встрѣченъ.
Прошу простить! И правда: домъ такой,
Гдѣ нѣтъ хозяина, — что вещь пустая,
Неблагодарная, что чаша безъ вина,
Что ножны безъ меча, что садъ безъ солнца,
Гдѣ нѣтъ цвѣтовъ. Своякъ, прошу, простите!

Bianка. Не родственникъ и не своякъ онъ вовсе.

Симоне. Не родственникъ и не своякъ? Вотъ странно!

Такъ кто же онъ, принять благоволившій
Любезно такъ у насъ гостепріимство?

Гвидо. Мнѣ имя — Гвидо Барди.

Симоне. Какъ? Вы сынъ

Флоренці великаго владыки,
Чи мрачные дворцы я ночью вижу,
Въ лучахъ луны, какъ будто въ серебрѣ,
Изъ оконъ этой хижины? Синьоръ,
Привѣтъ мой вамъ, и дважды мой привѣтъ!
Надѣюсь, что жена моя не слишкомъ
Успѣла васъ пустою болтовнею,
Что женщинамъ присуща, утомить?

Гвидо. О, нѣтъ! Достойною жсною вашей.

Предъ красотой которой гаснуть звѣзды
И блескъ теряеть свой колчанъ Діаны,
Я принять былъ съ любезностью такою,
Что, если ей, а также вамъ, угодно,
Еще не разъ я посѣщу вашъ домъ.
И, если васъ порой дѣла заставятъ
Уѣхать вдаль, я буду съ нею здѣсь,
Чтобъ усладить тоску уединенья,
Не слишкомъ чтобъ по васъ она грустила.
Что скажете, любезный мой Симоне?

Симоне. Синьоръ мой благородный, вы мнѣ честь

Такую оказали этой рѣчью,
Что мой языкъ сталъ скованъ, какъ языкъ
Раба ничтожнаго. Сказать не въ силахъ
Тѣхъ словъ, что я хотѣлъ бы. И однако
Не выразить признательность мою
Вѣдь было бы ужъ слишкомъ неучтиво:
Благодарю отъ сердца глубины.
Подобные поступки — тѣсною дружбой
Разрозненныя части государства
Связать способны, если знатный принцъ
Такого вотъ, какъ вы, происхожденья,
Высокаго такого воспитанья,
Презрѣвъ въ судьбѣ жестока различья,
Приходить въ домъ къ друзьямъ простымъ и честнымъ.
И все-таки, почтенный мой синьоръ,
Мнѣ кажется, я слишкомъ смѣлъ. Въ другой разъ
Надѣюсь васъ увидѣть здѣсь, какъ гостя,
Сегодня же, не правда ль, вы зашли
Купить мои товары? Шелкъ или бархатъ, —
Найдется все; найдутся также ткани
Такой работы нѣжной, что, увѣренъ,
И вашъ плѣнять изысканнѣйшій вкусъ.
Пусть часъ теперь, конечно, слишкомъ поздній, —
Бѣднякъ-торгашъ въ погонѣ за грошами
Работаетъ и ночью, какъ и днемъ.
Высоки пошлины! И что ни городъ,
То свой беретъ съ товаровъ новый сборъ.
Приказчики неопытны, а жены
Коммерческаго смысла лишены,
И ловкости подавно, хотъ Біанка
Мнѣ крупнаго сумѣла залучить

Сегодня покупателя. Не такъ ли?
Не правда ли, Біанка? Но довольно.
Гдѣ жъ узелъ мой? Гдѣ узелъ, говорю я!
Раскрой, жена! Вережки развяжи, —
Колѣномъ на полъ опустишь: сподручнѣй!
Не этого! — Тотъ! Скорѣй, скорѣй! Ты знаешь:
Не любить покупатель долго ждать,
Терпѣнье ихъ испытывать опасно.
Вотъ, вотъ онъ! дай сюда, — поосторожнѣй!
Вещь цѣнная, ея коснуться страшно.
Взгляните, мой синьоръ!

Гвидо. Мнѣ, право, стыдно.

Къ чему такія хлопоты, когда
Совсѣмъ нѣтъ нужды спѣшно дѣлать выборъ
Изъ шелковыхъ и прочихъ вашихъ тканей?
Я выберу въ другой разъ какъ-нибудь.

Симоне. Простите, нѣтъ! Вотъ здѣсь дамаськъ изъ Лукки,

Узоръ изъ серебра и розы. Розы,
Расшитыя съ такимъ искусствомъ тонкимъ,
Что въ нихъ недостаетъ лишь аромата,
Чтобъ обмануть разсѣянные чувства.
Возьмите-ка на-ощупь: какъ вода
Онъ мягокъ, а вѣдь крѣпокъ, словно сталь.
А розы, розы! Это — верхъ искусства.
Я думаю: холмы надъ Беллосгардо
Изъ Фьезоле, отчизна яркихъ розъ,
Такихъ цвѣтовъ не въ силахъ были бъ бросить
Веснѣ въ ея душистые покровы.
А если бы и бросили, — цвѣты
Увяли бы для смерти неизбѣжной,
Покорные судьбѣ всего, что нѣжно
И кинуто подъ вѣтеръ и дожди.
Сама природа бой ведетъ упорный
Съ своей же красотой и, какъ Медея,
Дѣтей своихъ нещадно убиваетъ.
Нѣтъ, нѣтъ, синьоръ, внимательнѣй взглядитесь:
Въ дамасскомъ шелкѣ этомъ вѣчно лѣто,
И этихъ розъ зимы дыханье минетъ.
За локоть каждый — самъ платилъ червонецъ,
Червонецъ красный, полновѣсный, долгихъ
Плодъ сбереженій.

Гвидо. Честный мой Симоне!

Прошу тебя, оставимъ. Я доволенъ,
На утро я пришлю слугу, который
Тебѣ заплатитъ вдвое.

Симоне. Щедрый принцъ!

Цѣлую вашу руку. Но еще
Сокровище я долженъ показать вамъ.
Есть мантия для выходовъ парадныхъ,
Расшитая рукой венеціанки:
По бархату разбросаны гранаты,
А каждое зерно въ нихъ — чистый жемчугъ,
И жемчугомъ расшитъ весь воротникъ,
Столь частымъ, словно бабочки ночныя
На улицахъ въ часъ тихій ночи лѣтней,

Столь блѣднымъ, какъ луна, въ развѣта часъ
Свѣтящая безумцамъ за рѣшеткой.
Горитъ рубинъ, какъ яркій уголь, въ пряжкѣ,
Святой отецъ такихъ камней не носить,
Съ нимъ схожаго и въ Индіи не сыщешь;
И пряжка хитроумнаго искусства,
Челлини не выдѣлываль красивѣй,
Чтобъ радовать великаго Лоренцо.
Вамъ слѣдуетъ носить ее по праву,
Затѣмъ, что — кто жъ достойнѣй васъ носить?
Она вамъ такъ пойдетъ! Одна часть пряжки —
Изъ золота сатиръ, рогатый, ловкій,
Готовъ схватить серебряную нимфу;
Другая часть — Молчаніе; кристаллъ
Въ его рукѣ; само — какъ колосъ хлѣба,
Что клонится отъ взмаха крыльевъ птицы,
Не болѣе; но сдѣлано такъ ловко,
Что кажется — вотъ дышитъ, иль — вѣрнѣе —
Сейчасъ вздохнетъ, лишь затаило вздохъ.
Не правда ли, Біанка дорогая,
Та цѣнная одежда благородныхъ
Пойдетъ къ лицу синьору Гвидо Барди?
Проси его, тебѣ онъ не откажетъ,
Хоть будь цѣна тяжка, какъ выкупъ принца.
Здѣсь твой барышъ не меньше моего.

БІАНКА. Я не приказчикъ твой. Какое дѣло
Мнѣ хлопотать о мантии твоей?

Гвидо. Нѣтъ, милая Біанка, я куплю.
Я все куплю, что только мнѣ предложить
Купецъ почтенный. Выкупленъ быть долженъ
Плѣненный принцъ, и счастливы синьоры,
Что въ плѣнъ сдались столь дивному врагу.

СИМОНЕ. Смущаюсь я. Такъ купите? Иль нѣтъ?
Мнѣ тысячь пятьдесятъ все это стоить,
Но вамъ отдать я за сорокъ готовъ.
Коль высока цѣна, — назначьте сами.
Вотъ если довелось бы мнѣ увидѣть
Васъ въ этомъ чудѣ ткацкаго станка
Среди красавицъ знатныхъ и придворныхъ
Цвѣткомъ среди цвѣтовъ! Какъ говорятъ,
Льнуть къ вашей свѣтлости усердно дамы
Кругомъ придворныхъ, и, куда бы ни шли вы,
Какъ стая мухъ, онѣ за вами всюду,
И каждая о томъ лишь и мечтаетъ,
Чтобъ васъ расположить. Слыхалъ я также
И о мужьяхъ, украшенныхъ рогами,
Они носить ихъ съ гордостью умѣютъ, ---
Подумаешь, въ томъ мода нашихъ дней!
Забавнѣйшая мода!

Гвидо. Другъ Симоне,
Твою болтливость время обуздать.
Ты позабылъ, что рядомъ съ нами дама
Прекрасная, чей нѣжный слухъ едва ли
Привыченъ къ музыкѣ столь грубой.

СИМОНЕ

Виноватъ.

Совсѣмъ забылъ. Не оскорблю васъ больше.
Такъ мантию вы купите или нѣтъ?
Конечно, да! Что значать сорокъ тысячъ
Наслѣднику Джованни Барди?.. Грошъ!
Гвидо. Ты завтра все покончишь съ казначеемъ
Антоньо Коста. Онъ къ тебѣ придетъ,
И отъ него получишь ты сто тысячъ.
Надѣюсь, ты доволенъ.

Симоне. Какъ! Сто тысячъ?
Сто тысячъ, вы сказали? О, новѣрьте,
Теперь во всемъ должникъ я передъ вами
И навсегда. Отнынѣ этотъ домъ
И все, что въ немъ, — все ваше, только ваше.
Сто тысячъ! Умъ мутится, какъ подумать,
Что я теперь богаче всѣхъ кунцовъ.
Приобрѣту помѣстье, виноградникъ,
Одинъ скуплю всѣ ткацкіе станки,
Заставлю отъ Милана до Палермо
Работать ихъ на одного себя.
И жемчугъ, что въ пещерахъ потаенныхъ
Хранять моря Аравіи далекой
Моимъ, моимъ стать долженъ.

Щедрый принцъ!
Вамъ эта ночь любовь мою докажетъ,
Что такъ сильна, что вамъ ни въ чемъ отказа
Не можетъ быть. чего бъ вы ни спросили.
Гвидо. А если я спрошу ее, Біанку?
Симоне. Вы шутите, синьоръ! Ужли достойна
Она такого принца? Создана
Она, чтобъ пряхъ, хозяйничать по дому...
Не такъ ли, Бьянка? Правда вѣдь? Смотри:
Вонъ ждетъ станокъ. Садись-ка за работу!
Нейдетъ женѣ быть дома не у дѣль,
И праздность рукъ рождаетъ праздность мысли.
Садись, сказалъ.

Біанка. Что ткать мнѣ?
Симоне. Ну, начини
Хоть плащъ какой, — его окрасимъ въ пурпуръ,
Печаль его надѣнетъ въ угѣшенье.
Иль длинную, какъ лента, пелену:
Не въ добрый часъ родившійся младенецъ
Пусть плачетъ въ ней, заброшенный въ тиши.
Иль простыню, которая, сначала
Раздута наборомъ сладкихъ травъ,
Могла бъ пойти покойнику на саванъ.
Что хочешь, тки! Мнѣ, право, все равно.
Біанка. Нить порвалась. Отъ вѣчнаго вращенья
Соскучилось нѣмое колесо,
Станокъ бездушный ропщетъ на работу, —
Сегодня ткать не буду.

Симоне. Ну, такъ что жъ!
Ткать будешь завтра. Каждый новый день
Застать тебя обязанъ за работой,
Какъ нѣкогда Лукрецію засталъ
Тарквиній, иль Лукреція, быть-можетъ,

Ждала Тарквинія. Какъ знать? Бываетъ!..
Про мужнихъ женъ чего я ни слыхалъ!..
Итакъ, синьоръ, что новаго на свѣтѣ?
Вотъ въ Пизѣ я слыхалъ такую вѣсть:
Англійскіе купцы уговорились
И шерсть свою рѣшили продавать
Дешевле, чѣмъ допущено закономъ.
Съ ходатайствомъ вошли ужъ въ синьорію.
Что? Это хорошо? Купецъ купцу
Быть развѣ долженъ волкомъ? Чужеземцы
Должны ль лишать насъ барышей законныхъ
Подъ явнымъ покровительствомъ закона?
Гвидо. Чѣмъ я могу помочь въ подобномъ дѣлѣ?
Не въ ссору ли ввязаться съ синьоріей,
Надѣтъ нарядъ, въ которомъ вы, купцы,
Отъ дураковъ скупаєте товары,
Чтобъ ихъ продать тѣмъ, кто еще глупѣе?
Нѣтъ, другъ Симоне, шерстью торговать
Твоя профессія. Моимъ талантамъ
Другое примѣненіе.

Бланка. Добрый принцъ,
Не гнѣвайтесь на мужа моего:
Его душа всегда живетъ на рынкѣ,
А сердце бьется лишь отъ цѣнъ на шерсть.
Но все-таки, по-своему, онъ честенъ.

(Къ Симоне)

И какъ тебѣ не стыдно! Добрый принцъ
Оказываетъ честь намъ пощеньемъ,
А ты ему нелѣпой болтовнею
Надоѣдаешь. Извинись скорѣе!

Симоне. Прошу простить. Поговоримъ сегодня
О чемъ другомъ. Есть слухъ, святой отецъ
Письмо отправилъ королю французовъ,
Прося его перешагнуть съ войсками
Тотъ снѣжный щитъ, что Альпами зовется,
И миръ внести въ Италію. Тотъ миръ,
Что будетъ хуже войнъ жестокихъ самыхъ,
Кровавѣ междоусобныхъ ссоръ.

Гвидо. Охъ, этотъ намъ король французовъ! Вѣчно
Сулить прійти, однако не приходитъ!
Но мнѣ-то что до этого, мой другъ?
Есть много дѣлъ, что мнѣ важнѣй и ближе.

Бланка (къ Симоне). Нѣтъ, право же, ты гостя утомишь.
Ну, что ему король французскій? То же,
Что шерсть твоя.

Симоне. Пожалуй, ты права.
Правителей, какъ вижу, крутозоры
Всѣ сузились въ предѣлы этой кельи,
И въ три души замкнулся цѣлый міръ.
Какъ у красильщика плохого въ чанѣ
Сжимается сукно, такъ временами
Сжимается вселенной безконечность
До ширины ладони. Что жъ, возможно,
Что и теперь такія времена.
Пусть будетъ такъ, и комната пусть эта

Той сценою величественной станеть,
Гдѣ гибнуть короли, а жизни наши
Ничтожныя бросаются, какъ ставки,
Которыми игру ведетъ Господь.
Не знаю самъ, зачѣмъ такъ говорю.
Усталъ съ дороги. Конь мой спотыкался
Три раза. Да, примѣта не къ добру!
И то сказать, синьоръ, вся наша жизнь—
Грошова, ничтожнѣйшая едѣлка.
На низкомъ рынкѣ сбытъ находимъ мы.
Родимся мы,—надъ нами плачетъ мать,
Умремъ—никто надъ нами не заплачетъ,
Никто!

(Уходитъ въ глубину сцены.)

Біанка. Вотъ рѣчь, достойная купца.
Противенъ мнѣ онъ тѣломъ и душою,
На блѣдномъ лбу его клеимо боязни,
А руки блѣдны. Какъ весной прохладной
Листъ тополя, онѣ дрожатъ безсильно
Въ какой-то немочи. Его уста
Безмысленную пѣну словъ ничтожныхъ,
Какъ воду изъ фонтана изрыгаютъ
И заплетаются.

Гвидо. Повѣрь, Біанка,
Не стѣитъ онъ ни словъ твоихъ ни мыслей.
Онъ—честный плутъ. На торжищѣ житейскомъ
Въ карманъ за словомъ въ едѣлкѣ не полѣзеть
И выгодно продать, что купить сходно.
Пустой крикунъ на пошломъ рынкѣ словъ
И рѣдкій типъ изъ глупыхъ краснобаевъ.

Біанка. Хоть смерть его на мѣстѣ поразила бѣ!
Симоне *(оборачивается)*. Кто помянулъ о смерти? О, никто,
Никто пускай не говоритъ о смерти!
Что дѣлать ей въ такомъ веселомъ домѣ,
Гдѣ лишь жена, и мужъ, и добрый другъ
Для встрѣчи ей? Пусть смерть идетъ въ домъ,
Гдѣ грѣшныя свершаются дѣянья,
Гдѣ жены благородныя, которымъ
Мужья наскучили, спустивъ завѣсы
Надъ брачными кроватями, стремятся
На простыняхъ, запятнанныхъ позоромъ,
Своимъ страстямъ распущеннымъ дать волю...
Все это странно, да! Но это такъ.
Біанка, ты еще не знаешь свѣта,
Ты слишкомъ одинока, благородна...
Свѣтъ знаю я. Увы, съ годами только
Приходить мудрость; волосы мои
Уже бѣлы, и юности нѣтъ въ тѣлѣ.
Но нѣтъ! Довольно говорить объ этомъ.
Сегодня ночь веселья жадно просить.
Веселымъ буду я, какъ подобаетъ
Хозяину, что въ домѣ встрѣтилъ гостя
Любезнаго, неожиданнаго, который
Привѣта ждетъ.

Но это что, синьоръ?

Вы лютию принесли? Сыграть намъ пѣсню?
Сыграйте, принцъ! Простите, если смѣлъ я,
Но я прошу: сыграйте!

Гвидо. Не теперь:
Когда-нибудь въ другой разъ, мой Симоне.
(Обращаясь къ Біанкѣ)

Когда вдвоемъ мы будемъ, ты и я,
И слушать будутъ насъ лишь звѣзды неба,
Луна ревнивая...

Симоне. Нѣтъ, нѣтъ, синьоръ!
Нѣтъ, я прошу. О, я слыхалъ не разъ,
Что лишь прикосновеньемъ пальцевъ къ струнамъ,
Дыханьемъ нѣжнымъ въ стебель тростника
Иль вздохомъ въ грудь упругой гулкой мѣди
Искусники умѣютъ извлекать
Изъ стѣнъ тюрьмы тоскующія души.
И слышалъ также я, что чары скрыты
Вотъ въ раковинахъ этихъ, властью конхъ
Затворы прочь спадаютъ у темницъ,
Невинность въ косы грозди винограда
Вплетаетъ и блуждаетъ, какъ менада...
Но ваша лютия, знаю я, чиста.
А потому—играйте, насладитесь
Мой слухъ какимъ-нибудь напѣвомъ нѣжнымъ.
Душа моя—въ темницѣ, и нужна
Ей музыка, чтобъ избѣжать безумья.
Проси, Біанка, гостя.

Біанка. Не спѣши.
Любезный гость безъ просьбы знаетъ мѣсто
И знаетъ время. Время не пришло,—
Наставать напрасно.

Гвидо. Другъ Симоне!
Когда-нибудь въ другой разъ. Въ этотъ вечеръ
Довольствуюсь я музыкой иной:
Напѣвомъ нѣжнымъ голоса Біанки,
Что рѣчью зачаровываетъ воздухъ,
Полетъ земли съ орбиты уклоняетъ
На новый кругъ, гдѣ центръ—ея краса.

Симоне. Вы льстите ей. Безспорно, добродѣтель
Ей свойственна, какъ женщинѣ большинству,
Но красота—одно изъ украшеній,
Которыхъ ей носить не суждено.
И къ лучшему, быть-можетъ.

А теперь,
Ужъ если не хотите усладить вы
Мой скорбный слухъ напѣвомъ вашей лютии,
Хоть выпейте со мной, по крайней мѣрѣ.

(Видитъ столъ.)

Ужъ столъ накрытъ, и вамъ приборъ поставленъ.
Біанка, дай мнѣ стулъ! Закрой окно,
Задвинь болты у ставень: не хочу я,
Чтобъ праздный людъ, нескромный въ любопытствѣ,
Веселье наше подсмотрѣлъ.

Теперь,

Синьоръ, скажите здравицу, поднявши
Стаканъ, виномъ наполненный до края.

(Онъ наливаетъ два стакана, причемъ бутылка замѣтно дружитъ въ его руки, и, когда Гвидо поднимаетъ свой стаканъ, на скатерти остается пятно отъ мокраго дна. Увидавъ это, Симоне вздрагиваетъ и ставитъ обратно на столъ свой стаканъ, не притрагиваясь къ нему.)

Что за пятно на скатерти? Какъ рана
Въ бедрѣ Христа,—пурпурное пятно!
Иль попросту вино? А есть примѣта:
Гдѣ пролито вино—прольется кровь.
Конечно. бабья сказка!

Я надѣюсь,
Мой виноградъ по вкусу вамъ, синьоръ?
Вино Неаполя ныласть, словно
Его родной Везувій, а въ Тосканѣ
Нашъ виноградъ дастъ для чаши сокъ
Куда и здоровѣй и крѣпче.

Гвидо. Вѣрно.
Мнѣ нравится вино твое, Симоне,
И съ твоего любезнаго согласья
Я выпью за здоровье милой Бьянки,
Но я хотѣлъ бы прежде, чтобъ губами,
Подобными пурпурно-краснымъ розамъ,
Она коснулась чаши и вино
Въ ней слаще сдѣлала. Отпей, БIANKA!

(Бianka пьетъ.)

Что пчель Гиблейскихъ медъ въ сравненьи съ этимъ
Напиткомъ?—Только горечь!

Мой Симоне,
Что жъ ты участія не примешь въ пирѣ?
Симоне. Мнѣ странно самому, синьоръ,—сегодня
Ни ѣсть ни пить я съ вами не могу.
Не по себѣ мнѣ, словно лихорадка
Въ моей крови, всегда вполне спокойной,
Иль въ головѣ навязчивая мысль
Скользнуть, какъ змѣй, въ мозгу отъ точки къ точкѣ,
Какъ сумасшедшій бродитъ по каморкамъ,
Желудокъ отравляетъ, отвращенье
Внушая мнѣ на мѣсто аппетита,

(Отходитъ въ сторону.)

Гвидо. БIANKA милая, торгошъ твой скучный
Несносенъ мнѣ, я думаю уйти.

Наутро я приду, назначъ мнѣ время.

БIANKA. Едва взойдетъ заря. Пока не встрѣчу
Тебя опять, вся жизнь моя—пуста.

Гвидо. О, распусти волосъ твоихъ змѣистыхъ
Спадающую полночь; словно въ звѣздахъ,
Въ твоихъ глазахъ дай видѣть мнѣ мой образъ,
Какъ въ зеркалѣ. Тамъ сохрани его,
Хотя бъ какъ тѣнь. И не гляди вокругъ
На скучные предметы, что не могутъ
Меня тебѣ напомнить. Я ревную
Ко всѣмъ вещамъ, съ которыми столкнутъ
Твой можетъ взоръ.

Біанка. Увѣренъ будь, твой образъ

Отнынѣ навсегда со мною будетъ.
Любовь дастъ смыслъ напомниманій нѣжныхъ
Ничтожной самой вещи. Но не позже,
Чѣмъ жаворонокъ звонкимъ пѣньемъ въ небѣ
Разбудить міръ уснувшихъ, ты приди;
Здѣсь на балконѣ буду ждать я друга.

Гвидо. Затѣмъ ко мнѣ по лѣстницѣ изъ шелка
И жемчугомъ по алому расшитой
Ты спустишься, ступая бѣлой ножкой,
Какъ легкой снѣгъ на кустъ осеннихъ розъ.

Біанка. Какъ хочешь. Знай, отнынѣ я твоя
И на любовь и на смерть!

Гвидо. Мнѣ, Симоне,
Пора итти...

Симонѣ. Такъ скоро? Почему?
Еще соборный колоколъ не пробилъ
Часъ полночи, и стражники, чьи трубы
По улицамъ пустыннымъ дразнятъ мѣсяцъ,
Еще въ своихъ покойно дремлютъ башняхъ.
Немного подождите. Я боюсь,
Что мы васъ здѣсь ужъ больше не увидимъ,
И сердце мнѣ печалитъ этотъ страхъ.

Гвидо. Напрасный страхъ, Симонѣ, я всегда
Останусь вѣрнымъ нашей дружбѣ. Только
Сегодня мнѣ пора уже, пора!
До завтра же, Біанка!

Симонѣ. Чтò жъ, пусть такъ!
Хоть съ вами радъ бесѣдовать я дольше,
Вновь обрѣтенный другъ, высокій гость!
Но, знать, не быть тому. Притомъ, я знаю,
Васъ ждетъ отецъ, скучаетъ онъ по васъ,
По голосѣ, по звукамъ вашихъ шпоръ.
Вы у него одинъ, одна опора,
Единственный цвѣтокъ среди сорныхъ травъ.
Племянники... но тѣ его не любятъ.
Такъ говорить,—по слухамъ я сужу.
Наслѣдство ваше зависть возбуждаетъ
Въ сердцахъ у нихъ, на виноградникъ вашъ
Они глядятъ такими же глазами,
Какъ царь Ахавъ на поле Навуея.
Конечно, сплетни все, болтаютъ мало ль
По городу.

Покойной ночи, принцъ!

Біанка, факелъ! Лѣстница стара,
Прогнила кое-гдѣ, а блѣдный мѣсяцъ,
Какъ скряга, сталъ жалѣть свои лучи
И прячетъ ликъ за тюлевою маской,
Какъ проститутки, выходя на ловъ,
Чтобъ въ грѣхъ вовлечь неопытную душу.
Сейчасъ я вамъ достану плащъ и шпагу.
Позвольте, нѣтъ, я долженъ услужить вамъ,
Кто мой почтилъ мѣщанскій, бѣдный домъ,
Со мной отпилъ вина, отвѣдалъ хлѣба
И былъ такъ добръ и простъ. Жена и я,

Не разъ мы вепомнимъ радость этой ночи
И всё ея послѣдствія...

Ну, шпага!

Закалъ Феррары, гибкостью—змѣя:
И какъ змѣя, конечно, смертоносна.
Что говорить! На жизненныхъ дорогахъ
Съ такою сталью нечего бояться.
Я не встрѣчалъ столь дивнаго клинка.
И у меня есть шпага, да немного
Заржавлена теперь! Мы—люди мира.
Смиренью учать насъ, насъ учать шею
Сгибать подъ тяжелой ношей, не роптать
На кривду жизни, молча выносить
Неправыя обиды, и, подобно
Жиду, что терпитъ вѣчно, мы находимъ
Въ страданьяхъ нашихъ пользу для себя.
Но, помню, разъ, близъ Падуи, въ пути
Отнять хотѣлъ разбойникъ у меня
Коня съ товарами. Такъ все же горло
Ему я перерѣзалъ. Да, могу
Я вынести безчестье, оскорбленье
И всякія позорныя слова,
И явное къ себѣ пренебреженье,
Но тотъ, кому бъ явилась мысль украсть
Хоть что-нибудь такое, что мое,
Пусть будетъ то лишь глиняный сосудъ,
Изъ коего я утоляю жажду. —
Рискуетъ онъ душой своей и тѣломъ
Въ томъ воровствѣ. Изъ странной глины люди,
Мы слѣплены.

Гвидо. Къ чему твои слова?

Симоне. Хочу я знать, синьоръ, не лучше ль шпага
Моя закалена, чѣмъ вашъ клинокъ.
Желаете, устроимъ испытанье?
Иль, можетъ-быть, для васъ зазорно будетъ
Скрестить клинокъ съ моимъ, будь то шутя
Иль не шутя?

Гвидо. Нѣтъ ничего пріятнѣй,
Чѣмъ стать лицомъ къ лицу съ тобой и шпаги
Скрестить, будь то шутя иль не шутя.
Дай мнѣ мою, достань свою скорѣе.
Пусть эта ночь рѣшить вопросъ великій,
Чья закаленнѣй сталь—купца иль принца.
Не такъ ли ты сказалъ? Зачѣмъ же медлишь?

Симоне. Изъ милостей, которыми мой домъ
Осыпаетъ вамъ, синьоръ, угодно было, —
То милость величайшая.

Біанка!

Дай шпагу мнѣ! Отлично! Отодвинь
Столъ и стулья. Нуженъ кругъ свободный
Для поединка нашего. Свѣти
Намъ факеломъ, чтобъ это состязанье
Не перешло изъ шутки вдругъ въ серьезъ.

Біанка (къ Гвидо). Убей его! Убей!

СИМОНЕ.

Бianка, факель!

(Начинают биться.)

Разъ! А! Ага! А, что? Вотъ такъ! Ну что жь?

(Ею ранитъ Гвидо.)

Царапина, не больше; слишкомъ факель
Мнѣ билъ въ глаза. Но не смотри такъ грустно,
Жена моя, все это пустяки.

Я раненъ, но легко, подай-ка тряпку,
Перевяжи мнѣ руку, — слишкомъ крѣпко,
Нѣжибе, милая! Зачѣмъ грустить?

О, не грусти!.. Нѣтъ, прочь ее, не надо!

Вѣда ль, что льется кровь!

(Срываетъ повязку.)

Еще, еще!

(Симонс выбиваетъ шпагу у Гвидо.)

Вотъ видите, синьоръ, сказалъ я правду,

И мой клинокъ быть лучше закаленъ,

И сталь его покрѣпче. Но кинжалы

Попробуемъ.

Бianка *(къ Гвидо)*. Убей его! Убей!

СИМОНЕ. Гаси твой факель, Бьянка!

(Бianка гаситъ факель.)

И теперь,

Теперь на смерть, синьоръ, пока не ляжеть

Одинъ изъ насъ, или оба, или всё,

Всѣ трое, можетъ-быть.

(Дерутся.)

Такъ, такъ и такъ!

А, дьяволъ! Да, теперь въ моей рукѣ ты.

(Симонс беретъ верхъ надъ Гвидо и бросаетъ его на полъ.)

Гвидо. Дуракъ, сними клещи свои мнѣ съ горла.

Я у отца единственный вѣдь сынъ;

У государства лишь одинъ наследникъ.

Коварный врагъ нашъ, Франція, ужъ ждетъ

Конца отцовской линіи, готовый

Врасплохъ напасть на городъ нашъ.

СИМОНЕ.

Молчи!

Бездѣльнымъ ставъ, повѣрь, счастливѣй будетъ

Отецъ твой: а Флоренціи не нужно

Прелюбодѣя — кормчимъ у руля.

Своею жизнью ты лишь загрязняешь

Святыню нашихъ лилій.

Гвидо.

Руки прочь!

Проклятыя прочь руки, говорю я!

Пусти меня!

СИМОНЕ.

Ну нѣтъ! Ты ловко такъ

Попался мнѣ, что тщетны всѣ надежды.

Теперь свелась въ сдинный мигъ позора

Вся жизнь твоя — и гончится позоромъ.

Гвидо. Священника прошу я передъ смертью...

СИМОНЕ. Къ чему? Грѣхи свои повѣдай Богу,

Котораго ты въ эту ночь увидишь,

Чтобъ больше не увидѣть никогда, —

Тому, Кто справедливъ, но безпощаденъ,

И милосердъ, хоть справедливъ... А я...

Гвидо. О, помоги миѣ, милая Біанка,

Вѣдь знаешь ты, я зла но сотворилъ.

Симонѣ. Какъ! Смерть еще губъ лживыхъ не сковала?

Умри, какъ песь, съ повисшимъ языкомъ!

Умри! Рѣка твой трупъ безмолвно приметъ

И въ море неопознаннымъ снесетъ.

Гвидо. Прими, Господь, несчастный духъ мой съ миромъ!

Симонѣ. Аминь! Теперь очередь другой!

(Гвидо умираетъ. Симонѣ поднимается и глядитъ на Біанку. Она подходитъ къ нему, словно ослѣпленная измѣненіемъ, съ широко раскрытыми руками.)

Біанка.

Зачѣмъ ты

Мнѣ не сказала, какъ ты могучъ?

Симонѣ.

Зачѣмъ

Ты не сказала мнѣ, какъ ты прекрасна?

(Цѣлуетъ ее въ губы.)

ЗАНАВѢСЪ.

СВЯТАЯ БЛУДНИЦА, или ЖЕНЩИНА, ПОКРЫТАЯ ДРАГОЦѢННОСТЯМИ.

(Черновой набросокъ).

Перев. З. Журавской.

Сцена представляетъ уголокъ долины въ Фиваидѣ. Направо пещера.

Передъ пещерой большое распятіе. Налѣво песчанья дюны.

Небо синее, какъ внутренность чаши изъ лаписъ-лазури. Песокъ на дюнахъ красный. Тамъ и сямъ, на холмахъ, виденъ колючій кустарникъ.

Первый человекъ. Кто это? Я боюсь ея. На ней пурпурный плащъ, а волосы ея—точно золотыя нити. Я думаю, она — царская дочь. Я слыхалъ отъ лодочниковъ, что у императора есть дочь, которая ходитъ въ плащъ изъ багряницы.

Второй человекъ. У нея птичьи крылья на сандаляхъ, а ея туника цвѣта неспѣлой пшеницы. И сама она, когда стоитъ неподвижно, напоминаетъ колось. Весною, когда движется, — тотъ же колось, колеблемый воздухомъ при полетѣ сокола. Жемчуга на туникѣ ея сіяютъ, какъ луны.

Первый человекъ. Какъ луны, которые видишь въ водѣ, когда вѣтеръ дуетъ съ холмовъ.

Второй человекъ. Я думаю, что она — богиня. Я думаю, что она изъ Нубіи.

Первый человекъ. Я увѣренъ, что она царская дочь. Ногти ея окрашены сокомъ лавзоніи. Они похожи на лепестки розъ. Она пришла сюда оплакивать Адониса.

Второй человекъ. Это, несомнѣнно, богиня. Не знаю, почему она покинула свой храмъ. Богинямъ не слѣдовало бы покидать свои храмы. Если она заговоритъ съ нами, не будемъ ей отвѣчать, и она пройдетъ мимо.

Первый человекъ. Не станетъ она говорить съ нами. Это — царевна.

Миррина. Не здѣсь ли живетъ онъ, юный и прекрасный отшельникъ, тотъ самый, что не хочетъ видѣть женскаго лица?

Первый человекъ. Дѣйствительно, отшельникъ обитаетъ здѣсь.

Миррина. Почему не хочетъ онъ смотрѣть на лицо женщины?

Второй человекъ. Этого мы не знаемъ.

Миррина. Почему же сами вы не глядите на меня?

Первый человекъ. Ты вся въ самоцвѣтныхъ каменьяхъ. Они слѣпятъ намъ глаза.

Второй человекъ. На солнышко не гляди—ослѣпнешь. Ты слишкомъ блистательна для нашихъ взглядовъ. Неблагоразумно смотрѣть на то, что слишкомъ блеститъ. Многие жрецы въ храмахъ слѣпнуть и не могутъ потомъ ходить безъ раба-поводыря.

Миррина. Гдѣ же обитаетъ онъ, юный и прекрасный отшельникъ, который не хочетъ видѣть женскаго лица? Ютится ли онъ въ тростникахъ, или въ глиняной мазанкѣ, или же просто спитъ на склонѣ холма или въ кустахъ?

Первый человекъ. Онъ живетъ вонъ въ той пещерѣ.

Миррина. Какое странное мѣсто для жилья!

Первый человекъ. Прежде тамъ жилъ центавръ. Когда пришелъ отшельникъ, центавръ испустилъ пронзительный крикъ и съ плачемъ и воплями усакалъ далеко.

Второй человекъ. Нѣтъ, не центавръ обиталъ въ этой пещерѣ, а бѣлый единорогъ. Когда пришелъ отшельникъ, единорогъ палъ на колѣни и поклонился ему. Многие видѣли его на колѣняхъ.

Первый человекъ. Мнѣ доводилось говорить съ людьми, которые видѣли это.

Второй человекъ. Иные говорятъ, что это былъ дровосѣкъ, ходившій работать поденно.

Миррина. Какимъ же вы-то сами поклоняетесь богамъ? Или, можетъ-быть, никакимъ? Есть люди, которые вовсе не имѣютъ боговъ. Философы съ длинными бородами и въ темныхъ плащахъ не признаютъ боговъ. Они спорятъ между собою подъ портикомъ... смѣются надъ ними.

Первый человекъ. Мы поклоняемся семи богамъ. Мы не можемъ назвать ихъ именъ. Это очень опасно. Никогда не слѣдуетъ называть имени бога, которому служишь. Даже жрецы, которые съ утра до ночи восхваляютъ боговъ и дѣлать съ ними ихъ трапезу, не зовутъ ихъ настоящими именами.

Миррина. Гдѣ же эти боги, которымъ вы служите?

Первый человекъ. Мы прячемъ ихъ въ складкахъ нашихъ одеждъ. Мы не показываемъ ихъ никому. Если бъ мы кому-нибудь показали ихъ, они, чего добраго, ушли бы отъ насъ.

Миррина. Гдѣ вы нашли ихъ?

Первый человекъ. Намъ далъ ихъ одинъ человекъ, который бальзамируетъ умершихъ. Онъ нашелъ ихъ въ могилѣ. Мы поклоняемся имъ уже семь лѣтъ.

Миррина. Мертвые страшны; я боюсь смерти.

Первый человекъ. Смерть не богиня. Она лишь служительница боговъ.

Миррина. Она—единственная богиня, которая страшна мнѣ. Многихъ ли боговъ вы видали воочию?

Первый человекъ. Многихъ. Особенно ночью. Они проходятъ совсѣмъ близко отъ насъ, такую неслышной стопой. Одинъ разъ мы видѣли боговъ на разсвѣтѣ. Они шли по равнинѣ.

Миррина. Однажды, проходя по рыночной площади, я слышала, какъ софистъ изъ Сициліи говорилъ, что Богъ только одинъ. Онъ говорилъ это публично.

Первый человекъ. Это не можетъ быть правдой. Мы сами своими глазами видѣли многихъ боговъ, хотя мы и простые, не знат-

ные. При видѣ ихъ я спрятался за кустомъ. Они не причинили мнѣ никакого зла.

Миррина. Расскажите мнѣ еще что-нибудь о юномъ и прекрасномъ отшельникѣ. О юномъ и прекрасномъ отшельникѣ, который не хочетъ видѣть лица женщины. Какова повѣсть дней его? Какую жизнь онъ ведетъ?

Первый человѣкъ. Мы не понимаемъ тебя.

Миррина. Что онъ дѣлаетъ, юный и прекрасный отшельникъ? Сѣсть или жнсть? Работаетъ ли въ саду или ловить рыбу сѣтями? Ленъ ли ткеть на станкѣ или же идетъ за быками, направляя деревянный плугъ?

Второй человѣкъ. Онъ человѣкъ великой святости и потому ничего не дѣлаетъ. Мы же простые, скромные люди. Мы день-денской работаемъ, палимые солнцемъ. Иной разъ работать на солнцѣ очень тягостно.

Миррина. Кто же питаетъ его,—птицы небесныя? Или шакалы дѣлать съ нимъ свою добычу?

Первый человѣкъ. Мы каждый вечеръ приносимъ ему пищу. Мы не думаемъ, чтобы птицы небесныя питали его.

Миррина. Зачѣмъ же вы-то кормите его? Какая вамъ отъ этого выгода?

Второй человѣкъ. Это человѣкъ большой святости. Одинъ изъ боговъ, оскорбленный имъ, лишилъ его разума. Мы предполагаемъ, что онъ оскорбилъ луну.

Миррина. Подите, скажите ему, что нѣкто изъ Александрии желаетъ говорить съ нимъ.

Первый человѣкъ. Мы не смѣемъ беспокоить его. Въ этотъ часъ онъ молится своему богу. Просимъ тебя, прости насъ, что мы не исполняемъ твоего приказанія.

Миррина. Вы боитесь его?

Первый человѣкъ. Мы боимся его.

Миррина. Почему вы боитесь его?

Первый человѣкъ. Мы сами не знаемъ.

Миррина. Какъ его зовутъ?

Первый человѣкъ. Голосъ, который говоритъ съ нимъ ночью въ пещерѣ, зоветъ его именемъ Гонорія. Гоноріемъ же называли его и трое прокаженныхъ, проходившихъ здѣсь однажды. Мы полагаемъ, что имя его—Гонорій.

Миррина. Зачѣмъ же звали его прокаженные?

Первый человѣкъ. Чтобы онъ исцѣлилъ ихъ.

Миррина. Что же онъ—исцѣлилъ ихъ?

Второй человѣкъ. Нѣтъ. Они согрѣшили и за это были поражены проказой. Руки и лица ихъ были словно покрыты солью. На одномъ была полотняная маска. Это былъ царскій сынъ.

Миррина. Какой же голосъ говоритъ съ нимъ ночью въ пещерѣ?

Первый человѣкъ. Мы не знаемъ. Мы думаемъ, что это голосъ его бога. Ибо ни разу еще не видали мы, чтобы какой-либо человѣкъ вошелъ въ пещеру или вышелъ изъ нея.

Миррина. Гонорій!

Гонорій (*изъ пещеры*). Кто звалъ Гонорія?

Миррина. Приди сюда, Гонорій.

— Моя горница благоухаетъ миррой. Въ ней потолокъ изъ кедро-

ваго дерева, а стѣны обиты пурпуромъ. Изъ кедра же столбы у кровати, а кровать усыпана пурпуромъ, и ступени, ведущія къ ней, серебряныя и натерты шафраномъ и миррой. Мои любовники украшаютъ столбы моего дома гиляндами. Ночью они приходятъ ко мнѣ въ сопровожденіи флейтистовъ и арфистовъ. И приносятъ мнѣ яблоки въ даръ и на порогѣ моего виноградника пишутъ мое имя виномъ.

Изъ самыхъ дальнихъ странъ свѣта спѣшатъ ко мнѣ мои возлюбленные. Цари земные приходятъ ко мнѣ и несутъ мнѣ дары.

Когда императоръ Византіи услышалъ обо мнѣ, онъ покинулъ свою порфирую опочивальню и велѣлъ на своихъ галерахъ поднять паруса. Рабы его не взяли съ собою факеловъ, чтобы никто не узналъ о его прибытіи. Когда кипрскій царь услышалъ обо мнѣ, онъ прислалъ ко мнѣ пословъ. Два брата—цари ливійскіе—принесли мнѣ въ даръ янтарей.

Я отняла у кесаря его любимца и сдѣлала его своимъ товарищемъ игръ. Его принесли ко мнѣ на носилкахъ. Онъ былъ блѣденъ, Нарциссъ, и тѣло его было слаще меда.

Сынъ префекта убилъ себя въ честь мою, а тетрархъ сицилійскій приказалъ бичевать себя ради моей забавы, въ присутствіи моихъ рабовъ.

Царь Герополиса, жрецъ и разбойникъ, разстилаетъ ковры на пути моемъ.

Иногда я сижу въ циркѣ, а внизу, предо мною, борются гладіаторы. Однажды мой любовникъ-эракеецъ былъ пойманъ сѣтью. Я дала знакъ, чтобы его прикончили, и весь театръ рукоплескалъ. Иногда я прохожу черезъ гимназіумъ и смотрю, какъ молодые люди борются или состязаются въ бѣгѣ. Умашенныя тѣла ихъ блестятъ; головы ихъ увѣнчаны вѣтвями ивы и мирта. Во время борьбы они припадаютъ ногой о песокъ, а когда бѣгутъ, песокъ, какъ облачко, летитъ за ними. Тотъ, кому я улыбнусь, покидаетъ своихъ товарищей и слѣдуетъ за мной. Иногда я спускаюсь къ гавани и смотрю, какъ купцы выгружаютъ свои корабли. У тѣхъ, кто прибылъ изъ Тира, шелковые плащи и изумрудныя серьги въ ушахъ. У прибывшихъ изъ Массиліи плащи тонкой шерсти, а серьги мѣдныя. Завидѣвъ меня, они спѣшатъ на корму и зовутъ меня, но я не откликаюсь. Я иду въ кабачки, гдѣ цѣлыми днями лежатъ матросы, упиваясь чернымъ виномъ и играя въ кости, и сажусь возлѣ нихъ.

Принца я сдѣлала своимъ рабомъ, а его раба, тирійца, — своимъ господиномъ на протяжении цѣлой луны.

Шутки ради я обручилась съ нимъ и ввела его въ домъ свой. Въ домѣ у меня есть дивныя вещи...

Волосы твои покрыты пылью пустыни, ноги въ кровь изодраны терніями, тѣло покраснѣло отъ солнца. Пойдемъ со мною, Гонорій, и я одѣну тебя въ шелковую тунику. Я умашу тѣло твое миррою и волосы твои благоуханнымъ нардомъ. Я украшу тебя яхонтами и дамъ вкусить тебѣ меду. Любовь...

Гонорій. Нѣтъ иной любви, кромѣ любви къ Богу.

Миррина. Кто же Онъ, чья любовь выше любви смертныхъ?

Гонорій. Онъ—Тотъ, Кого ты видишь на крестѣ, Миррина. Онъ—Сынъ Божій, родившійся отъ Дѣвы. Трое царей-волхвовъ принесли Ему дары, и наступи, спавшіе на холмѣ, были разбужены небывалой яркости свѣтомъ.

Сибиллы узнали приходъ Его. Роши и оракулы говорили о Немъ. Давидъ и пророки возвѣщали Его пришествіе. Нѣтъ иной

любви, кромѣ божественной, и никакая другая не можетъ сравниться съ ней.

Глотъ мерзостна, Миррина! Господь воскресить тебя въ новой плоти, которая не будетъ знать грѣха, ты будешь обитать въ селеніяхъ праведныхъ и узришь Того, чьи власы какъ тонкая шерсть, а ноги изъ мѣди.

Миррина. Красота...

Гонорій. Красота души растеть, чтобъ обрѣсти даръ видѣть Бога. И потому, Миррина, раскайся въ грѣхахъ твоихъ. Онъ раскрылъ двери рая передъ разбойникомъ, который былъ распятъ съ Нимъ рядомъ.

Миррина. Какъ странно онъ говорить со мной!.. Съ какимъ презрѣніемъ онъ смотритъ на меня! Почему онъ такъ странно говорить со мной?..

(Уходитъ.)

Гонорій. Миррина, чешуя спала съ очей моихъ, и отнынѣ я вижу ясно, чего не видѣлъ прежде. Веди меня въ Александрію, дай мнѣ вкусить семи смертныхъ грѣховъ.

Миррина. Не смѣйся надо мной, Гонорій, не веди со мной такихъ обидныхъ рѣчей. Ибо я раскаялась въ грѣхахъ своихъ и нынѣ иду пещеры въ пустынѣ, гдѣ бы и я могла жить, для того, чтобы душа моя стала достойной узрѣть Бога.

Гонорій. Солнце близится къ закату, Миррина. Идемъ со мной въ Александрію.

Миррина. Я не пойду въ Александрію.

Гонорій. Прощай, Миррина.

Миррина. Гонорій, прощай. Нѣтъ, нѣтъ, не уходи!

Я прокляла свою красоту за все, что творилось ради нея, прокляла роскошь тѣла моего за то зло, которое оно тебѣ причинило.

Господи, человекъ этотъ привелъ меня къ Твоимъ стопамъ. Онъ говорилъ мнѣ о Твоемъ пришествіи, о чудѣ Твоего рожденія и о великомъ чудѣ смерти Твоей. Черезъ него, Господи, Ты открылся мнѣ.

Гонорій. Ты говоришь, какъ ребенокъ, Миррина, не зная, что говоришь. Не складывай молитвенно рукъ. Зачѣмъ ты пришла во всей красѣ своей въ эту долину?

Миррина. Богъ, которому ты молишься, привелъ меня сюда, чтобы я могла раскаяться въ своихъ беззаконіяхъ и признать Его нашимъ Господомъ.

Гонорій. Зачѣмъ же ты соблазняла меня рѣчами своими?

Миррина. Затѣмъ, чтобы ты видѣлъ грѣхъ подъ его расписною личиной и смерть въ одеждѣ безславія...

Оглавленіе

IV тома.

Стихотворенія.

	стр.
Сфинксъ. Переводъ <i>Н. Гумилева</i>	3
Домъ блудницы. Переводъ <i>Θ. Сологуба</i>	14
Декоративныя фантазіи. Панно. Переводъ <i>М. Кузмина</i>	15
Impressions. Переводъ <i>П. П. Потемкина</i> :	
I. Les silhouettes	16
II. La fuite de la lune	—
Могила Шелли. Переводъ <i>Н. Гумилева</i>	17
Requiescat. Переводъ <i>М. Кузмина</i>	—
Мильтону. Переводъ <i>Н. Гумилева</i>	18
Theoretikos. Переводъ <i>его же</i>	19
Федра. Сартръ Бернаръ. Переводъ <i>его же</i>	—
Серенада. Для музыки. Переводъ <i>М. Кузмина</i>	20
Canzonet. Переводъ <i>его же</i>	21

Пьесы.

Герцогиня Падуанская. Драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Переводъ <i>Валерія Брюсова</i>	23
Саломея. Драма въ одномъ дѣйствіи. Переводъ <i>К. Д. Балмонта</i> и <i>Ек. Андреевой</i>	94
—————	
Завѣты молодому поколѣнію. Переводъ <i>К. Ч.</i>	123

Лекціи и газетныя замѣтки.

Ренессансъ англійскаго искусства. Лекція. Переводъ <i>К. Чуковского</i> .	126
Объ украшеніи жилищъ. Лекція. Переводъ <i>М. Θ. Ликиардопуло</i> .	146
Цѣнность искусства въ домашнемъ быту. Лекція. Переводъ <i>его же</i> .	152

	стр.
С женской одеждѣ. Газетная замѣтка. Пер. <i>М. Θ. Ликиардопуло</i>	159
Еще нѣсколько радикальныхъ мыслей о реформѣ одежды. Газетная замѣтка. Переводъ <i>его же</i>	162
Отношеніе одежды къ искусству. Графическая замѣтка о лекціи м-ра Уистлера. Переводъ <i>его же</i>	168

Приложеніе.

Флорентинская трагедія. Въ одномъ дѣйствіи. Переводъ <i>М. Θ. Ликиардопуло</i> и <i>А. Курсинскаго</i>	171
Святая блудница, или женщина, покрытая драгоцѣнностями. Черно- вой набросокъ. Переводъ <i>З. Журавской</i>	190

Кто: „Нивы“ считает долгом обратить внимание гг. подписчиков на то, что изготовленные нашею переплетною крышкахъ къ соч. Н. Г. Помяловскаго, А. И. Куприна, А. А. Фета и Оск. Уайльда вытиснены: надпись „Заявленъ Отдѣлу Промышленности“ вержденная марка Товарищества, и что нашего изготовления являются только переплеты съ одной задписью и маркой и только того рисунка, который изображенъ на помѣщенныхъ здѣсь. Съ своей стороны, Контора будетъ преслѣдовать законнымъ порядкомъ всякую поддѣлку.

КРЫШКИ НА ПРИЛОЖЕНІЯ „НИВЫ“ 1912 г.,

изготовленные изъ лучшаго англійскаго колленкора, съ красивыми тисненіями золотомъ и красками по рисунку художника Я. Я. Бельзена и др.

1 крышка на полн. собр. сочиненій (въ 5 кн.). **Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО**

Цѣна: 25 к., съ перес. 40 к.

4 крышки на полное собраніе сочиненій (въ 21 кн.). **А. И. КУПРИНА**

(по одной крышкѣ на каждыя 5—6 книгъ).

Цѣна: 4 крышк. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

2 крышки на полное собраніе стихотвореній (въ 6 кн.). **А. А. ФЕТА**

(по одной крышкѣ на каждыя 3 книги).

Цѣна: 2 крышк. 50 к., съ перес. 75 к.

2 крышки на полн. собр. сочиненій (въ 8 кн.). **Оск. УАЙЛЬДА**

(по одной крышкѣ на каждыя 4 книги).

Цѣна: 2 крышк. 50 к., съ перес. 75 к. Крышки имѣются на соч. Помяловскаго: зеленого, синяго и коричневаго цвѣта; на соч. Куприна: зеленого, краснаго и синяго цвѣта; на соч. Фета: краснаго, сѣрыхъ и св.-синяго цвѣта; на соч. Уайльда: бордо, орѣхов. и зеленого цвѣта. При выпискѣ крышекъ просимъ

начать 2—3 желательныхъ цвѣта на случай замѣны распроданнаго цвѣта другимъ.

1 крышка на альб. „НИВА“ 1912 г.

этой крышкѣ на полн. томъ журн. за годъ—75 к., съ перес. въ Европ. Россіи 1 р.

Выписывающіе одновременно крышки на соч. Помяловскаго, Куприна, Фета и Уайльда, „Ниву“ и „Литер. Прилож.“ платятъ за совмѣстную перес. въ Европ. Россіи лишь 1 р.

3 крышки на 12 книгъ

„Литературныхъ Приложеній“ за 1912 г.

(по 1 крышкѣ на 4 книги). Цѣна 3 крышкамъ

75 к., съ перес. 1 р.

КРЫШКИ НА „НИВУ“ И ПРИЛОЖЕНІЯ прошлыхъ лѣтъ

КРЫШКА НА ПОЛН. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ (ВЪ 5 КН.). **Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО.** Ц. 1 крышкѣ на полн. собр. соч. съ перес. 40 к. Соч. МЕЯ, ГОРБУНОВА.

КРЫШКА НА СОЧ. КАЖДАГО АВТОРА 50 К., СЪ ПЕРЕС. 75 К. Соч. ГАУПТМАНА, ЖУКОВСКАГО. Ц. 3 крышк.

Соч. КАЖДАГО АВТОРА 75 К., СЪ ПЕРЕС. 1 Р. Соч. А. А. ФЕТА. Ц. 4 крышк.

Соч. А. И. КУПРИНА. Ц. 4 крышк. Соч. О. УАЙЛЬДА. Ц. 2 крышк.

Соч. А. А. ФЕТА. Ц. 2 крышк. Соч. А. И. КУПРИНА. Ц. 4 крышк.

Соч. О. УАЙЛЬДА. Ц. 2 крышк. Соч. А. А. ФЕТА. Ц. 2 крышк.

Соч. А. И. КУПРИНА. Ц. 4 крышк. Соч. О. УАЙЛЬДА. Ц. 2 крышк.

Соч. А. А. ФЕТА. Ц. 2 крышк. Соч. А. И. КУПРИНА. Ц. 4 крышк.

Соч. О. УАЙЛЬДА. Ц. 2 крышк. Соч. А. А. ФЕТА. Ц. 2 крышк.

Соч. А. И. КУПРИНА. Ц. 4 крышк. Соч. О. УАЙЛЬДА. Ц. 2 крышк.

Соч. А. А. ФЕТА. Ц. 2 крышк. Соч. А. И. КУПРИНА. Ц. 4 крышк.

Соч. О. УАЙЛЬДА. Ц. 2 крышк. Соч. А. А. ФЕТА. Ц. 2 крышк.

Соч. А. И. КУПРИНА. Ц. 4 крышк. Соч. О. УАЙЛЬДА. Ц. 2 крышк.

Соч. А. А. ФЕТА. Ц. 2 крышк. Соч. А. И. КУПРИНА. Ц. 4 крышк.

Соч. О. УАЙЛЬДА. Ц. 2 крышк. Соч. А. А. ФЕТА. Ц. 2 крышк.

Соч. А. И. КУПРИНА. Ц. 4 крышк. Соч. О. УАЙЛЬДА. Ц. 2 крышк.

Соч. А. А. ФЕТА. Ц. 2 крышк. Соч. А. И. КУПРИНА. Ц. 4 крышк.

Соч. О. УАЙЛЬДА. Ц. 2 крышк. Соч. А. А. ФЕТА. Ц. 2 крышк.

Соч. А. И. КУПРИНА. Ц. 4 крышк. Соч. О. УАЙЛЬДА. Ц. 2 крышк.

Соч. А. А. ФЕТА. Ц. 2 крышк. Соч. А. И. КУПРИНА. Ц. 4 крышк.

Соч. О. УАЙЛЬДА. Ц. 2 крышк. Соч. А. А. ФЕТА. Ц. 2 крышк.

Соч. А. И. КУПРИНА. Ц. 4 крышк. Соч. О. УАЙЛЬДА. Ц. 2 крышк.

Соч. А. А. ФЕТА. Ц. 2 крышк. Соч. А. И. КУПРИНА. Ц. 4 крышк.

Соч. О. УАЙЛЬДА. Ц. 2 крышк. Соч. А. А. ФЕТА. Ц. 2 крышк.

Соч. А. И. КУПРИНА. Ц. 4 крышк. Соч. О. УАЙЛЬДА. Ц. 2 крышк.

Соч. А. А. ФЕТА. Ц. 2 крышк. Соч. А. И. КУПРИНА. Ц. 4 крышк.

Соч. О. УАЙЛЬДА. Ц. 2 крышк. Соч. А. А. ФЕТА. Ц. 2 крышк.

Соч. А. И. КУПРИНА. Ц. 4 крышк. Соч. О. УАЙЛЬДА. Ц. 2 крышк.

Соч. А. А. ФЕТА. Ц. 2 крышк. Соч. А. И. КУПРИНА. Ц. 4 крышк.

1 крышка на полный томъ журн. „Нива“ за каждый изъ прошлыхъ годовъ—75 к., съ перес. въ Европ. Россіи—1 руб. Цѣна одному комплекту крышекъ на 12 книгъ Литер. Приложеній за каждый изъ прошлыхъ годовъ—75 коп., съ перес.—1 руб.

Срѣдства направлять въ Контору журнала „НИВА“, СПБ., ул. Гоголя, 22.